

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

БЫТЬ РУССКАГО НАРОДА.

ЧАСТЬ V.

ПРОСТОНАРОДНЫЕ ОБРЯДЫ:

- I. ПЕРВОЕ МАРТА.
- II. ВСТРѢЧА ВЕСНЫ.
- III. КРАСНАЯ ГОРКА.
- IV. РАДУНИЦА.
- V. ЗАПАШКА.
- VI. КУКУШКА.
- VII. КУПАЛО.
- VIII. ЯРЬЛО.
- IX. ОБЖЕННИ.
- X. БАВЬЕ ЛѢТО.
- XI. БРАТЧИНЫ.

Сост. А. Терещенки.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВОЕННО-УЧЕБНИХЪ ЗАВѢДЕНІЙ.

1848.

СВЯТЫЙ

СВЯТЫЙ ПЕТЕРБУРГСКИЙ

УЧЕБНЫЙ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петѣрбургъ, 16 апрѣля 1846 года.

Ценсоръ С. Куторга.

.....	VI
.....	VII
.....	VIII
.....	IX
.....	X
.....	XI
.....	XII
.....	XIII
.....	XIV
.....	XV
.....	XVI
.....	XVII
.....	XVIII
.....	XIX

Въ Санктъ-Петербургѣ

ВЪ ПЕЧАТНІИ

СОДЕРЖАНІЕ.

V. ЧАСТЬ.

I. ПЕРВОЕ МАРТА.

II. ВСТРЪЧА ВЕСНЫ.

Веснянки. — Марена или мара. — Кличка весны. — Встръча первого дождя. — Первый громъ.

III. КРАСНАЯ ГОРКА.

Красная горка у разныхъ народовъ. — Обрядное при-
вѣтствіе красной горки. — Забавы и поминовеніе родныхъ. —
Разное отправленіе обрядовъ, во время красной горки. — Вью-
нишники.

IV. РАДУНИЦА.

Значеніе радуницы. — Отправленіе радуницкихъ поми-
новеній.

V. ЗАПАШКА.

Набожное дѣйствіе земледѣльца. — Запашка. — Помо-
чи. — Опашка. — Посѣвъ.

VI. КУКУШКА.

Древнее втравленіе въ голоса животныхъ. — Мандри-
ки и завиваніе вѣнковъ. — Крещеніе кукушекъ и кумо-
вань.

VII. КУПАЛО.

Почитаніе огня и воды. — Общее употребленіе Ивановскаго дня. — Очистительный огонь. — Обрядъ празднованія купалы, общій между Славянами. — Поклонники небесныхъ свѣтилъ и водъ. — Купанье и хороводные круги. — Аграфена купальница. — Мѣстное совершеніе купальныхъ огней. — Свойство купальскихъ и чародѣйныхъ травъ. — Заключение.

VIII. ЯРИЛО.

Темныя свѣдѣнія объ ярилѣ. — Чествованіе ярилы.

IX. ОБЖИНКИ.

Приношеніе первыхъ плодовъ во храмъ. — Зажинки въ Бѣлороссіи. — Жатвенное угощеніе въ русскихъ и литовскихъ зажинкахъ. — Причитанія у Словаковъ и венгерскихъ Славянъ: на посѣвъ, сорваніе и сѣннманіе хлѣба съ полей. — Жатвенныя пѣсни въ Сербіи. — Зажинки и обжинки въ Малороссіи. — Обжинки въ черной и червонной Россіи. — Пожинки и имянинныя. — Госпожинъ день, осенины, овсяница, дежень и спасовъ день. — Дожинки и обжинки въ Россіи. — Страда или страдная пора. — Помочь и другія ея названія. — Уборка. — Овинъ и обинные имянины.

X. БАБЬЕ ЛЬТО.

Семень день. — Пиво варить. — Похороны мухъ и жегланіе таракановъ.

XI. БРАТЧИНЫ.

Значеніе братчинъ. — Михайловская и Никольская братчины. — Кононь. — Ссыпчины, юровой день, Никольщина и холки. — Посидѣлки. — Супретки и дожинки. — Досвѣтки и вечерницы.

I.

ПЕРВОЕ МАРТА.

Мѣсяцъ мартъ былъ посвященъ Римлянами Марсу, ^{Первое марта.} богу войны, который считался отцемъ Ромула, основателя Рима (755 л. до Р. Х.).—Тамъ же въ Римѣ существовало обыкновеніе въ мартовскіе дни, чтобы отправлять поминовеніе по усопшимъ.

У многихъ нѣмецкихъ и славянскихъ племень, остались слѣды праздниковъ въ честь мертвыхъ. — Въ Богеміи, Польшѣ, Силезіи, Лузации и Саксоніи, народъ ходилъ съ разсвѣтомъ дня, на кладбища съ зажженными факелами, и приносилъ жертву усопшимъ. Въ Россіи начинаютъ, съ перваго марта, посѣщать могилы родныхъ, и продолжаютъ это съ обряднымъ поминовеніемъ за упокой, до честнаго семика. Это первыя весеннія поминки, осенними же заключается народное прощаніе со всѣми умершими: родными и знакомыми. Есть мѣста въ Россіи, гдѣ самые радостные дни въ жизни, сопровождаются прощаніями надъ могилой. — Въ смоленской, олонеккой, вологодской, тверской, костромской губерніяхъ и въ другихъ, невѣста и женихъ, за нѣсколько времени до вѣнчанія, ходятъ на могилу поклониться праху родителей, испрашивая у нихъ благословенія на вступленіе въ бракъ. Если невѣста сирота, то она, въ сопровожденіи своихъ подругъ, отправляетъ

ся ночью на могилу, за день до вѣнчанія, чтобы протиться съ родителями. Стоя на колѣнахъ, она испрашиваетъ у нихъ благословенія на свой бракъ, говоря: *родимые батюшка и матушка, не надо мнѣ ни злата, ни сребра, надо мнѣ родительскаго благословенія,—благословите родимые!* и потомъ помолившись, лобзаетъ ихъ надгробный крестъ и отправляется съ утѣшеніемъ.

II.

ВСТРѢЧА ВЕСНЫ.

Съ весною наступаетъ отрадная жизнь, съ весною Встрѣча весны. все оживаетъ и радуется, все веселится и услаждаетъ себя: и согбенные старостью лѣтъ, чувствуютъ тогда свое перерожденіе. — Они забываютъ даже, что отжили свой вѣкъ, умерли для удовольствій. А вѣчно, безпечная и игривая молодость, не размышляя, что ждетъ ее, — предается всѣмъ упорніямъ безотчетной веселости: оживляетъ летучія свои наслажденія восторженными порывами, и уносится въ нескончаемую даль цвѣтущей жизни, забывая неволью, что радость изсякнетъ, въ свое время; что ея восторги такъ же замрутъ въ свою очередь. Молодость не разсуждаетъ, не вѣритъ и забываетъ даже свое настоящее, — а это забвеніе утѣшительно для жизни.

Во всѣ вѣки и у всѣхъ народовъ, какъ древнихъ такъ и новыхъ, всегда привѣтствовали весну особыми обрядами. У Грековъ и Римлянъ, учреждены были особыя празднества, сопровождавшіяся играми и пѣснями. Тамъ въ честь Флоры, богини весны и цвѣтовъ, воснѣвали торжественные гимны и пировали по нѣсколькимъ дней сразу. У нихъ начиналась весна 3 марта, по-

тому игры ихъ назывались *цвѣтными*. (*) Женскій полъ, увѣнчанный цвѣточными и древесными вѣнками, веселился въ продолженіи пяти дней, до изступленія: обнимался и цѣловался съ муштинами, при обоюдномъ сладострастныхъ пѣніяхъ, которыя рѣдко оканчивались одними скрытными поцѣлуями: игры цвѣтныя тревожили строгую нравственность Катона. Онъ многократно покушался запретить *бѣснованіе*, какъ онъ выражался; но всѣ его усилія оказались тщетными. Порча нравственности сдѣлалась, уже въ его время, повсемѣстною.

По разрушеніи римской имперіи, многія забавы и увеселенія перемѣшались съ обрядами разнородныхъ племенъ; и встрѣча *весна*, отправлялась ими уже по своему обыкновенію: въ поляхъ и пѣли радостныя пѣсни: полъ пляска. Почти такое же отправленіе встрѣчаемъ между нѣкоторыми славянскими племенами. Въ Богеміи встрѣчали весну при чтеніиъ

Giz nesem smert ze wsy,

Nové léto do wsy.

Witaj leto libezne,

Obiliczko zelene.

Уже несемъ смерть изъ села, а новое лѣто въ село.

Здравствуй милое лѣто, зеленый пѣсѣвъ! (**)

Словяки и Венгры по нѣмъ привѣтствуютъ весну, лѣтней пѣсней: *Лето, вѣтне лѣто,*

Лето, вѣтне лѣто,

Кдесъ тачъ дуге боло

Сиднао си на довица,

Немогло си нѣ замъ прійди (**).

(*) Ludl florales.

(**) Anton: Vets. über ber' alten Slawen Ursprung, 71.

(**) Kollar: Narodn. Zpiew, ч. I, с. 214.

Едва начинается смернать, дѣвушки оставляют работу и выходят на улицу; каждая садится подлѣ своей хаты, и кто вышѣлъ прежде, тотъ заводитъ весеннюю пѣснь. Голосъ ея далеко разносится. Подруга, услышавъ знакомый напѣвъ, отвѣчаетъ ей другимъ куплетомъ, той же самой пѣсни. Наконецъ, всѣ дѣвушки начинаютъ перекликаться, потомъ собираются и вмѣстѣ заиѣвають веснянку. —

Въ Малороссіи встрѣчаютъ весну особыми играми и пѣснями, извѣстными подлѣ именемъ веснянокъ. Онѣ поются во время хороводныхъ игръ, и при встрѣчѣ весны и лѣта: (*)

Розылися воды
 На чотыре броды:
 У первому броду,
 Соловейко щебетавъ,
 Зелены сады розывавъ,
 У другому броду,
 Возулька ковала,
 Литечко казала.
 У третьему броду,
 Коничекъ заржавъ
 Винъ дороженьку почувъ.
 А въ четвертомъ броду,
 Та дивчина плаче:
 За не любого идучи,
 Соби лихо чуючи.
 —
 Свити зорю, на рѣкѣ плече,
 Покиль мисяць зыйде;

(*) Веснянокъ весьма много, но здѣсь приводятся только изъ екатеринославскаго прицѣра.

Покинь до мене милишій,
 Вечеряты прійде.
 Ой чи прійде, чи ни прійде
 На вечерю тую;
 А я ему ранесенько,
 Снідаты зготую.

Цвили лозы при дорозн,
 Синесинькимъ цвитомъ.
 Ишовъ козакъ зъ улицы,
 Билесинькимъ свитомъ:
 Не жаль тому козаченьку,
 Поснідаты дати.
 Що винъ иде зъ улицы,
 Якъ стане свитаты.

—
 Нема лёду, нема лёду,
 Нема й перейду.
 Коли тобі люба мила,
 Бреди й через воду.
 Перебрела дви риченьки,
 И половинну ставу.
 Не вводи мене козачиньку,
 Въ великую славу.
 Ой, самажъ ты, дивчиненько,
 Себе въ славу вводишъ,
 Що пизненько, не раненько,
 Зъ улицы ходишъ.
 Ой, якъ мини козаченьку,
 Та раньше ходити?
 Якъ возьмешъ ты за рученьку,
 Немусишъ пустити.

Въ Польшѣ веснянки почти забыты, а въ Россіи мало извѣстны. Въ малороссійскихъ краяхъ, кромѣ пѣнія веснянокъ, носятъ еще чучело по деревнямъ и полямъ, одѣтое въ женское платье, которое называется

маренн или жиро (призракъ). Эту мару провожают <sup>Маренн или ма-
ра.</sup> толпа дѣтей, парней, дѣвушекъ и молодыхъ, при громкомъ пѣніи. Въ украинѣ носятъ сдѣланную изъ дерева ласточку, и поютъ пѣсни въ честь весны. —

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи веснянки извѣстны только въ явленіяхъ духовъ, которыхъ представляютъ въ женскомъ видѣ, и думаютъ, что онѣ появляются весною, какъ *жиганки* зимою, *ослянки* для *обнятки* осенью. —

Весну встрѣчаютъ еще окликаніемъ. Въ смоленской губерніи дѣтя, дѣвицы и пожилыя женщины, взлѣзаютъ на крышки домовъ, скотныхъ сараевъ, или сходятъ на гору и кличутъ весну. — <sup>Кличка
весни.</sup>

Красная весна,
Что намъ несешь?

Другія имъ отвѣчаютъ :

Красное лѣто,
Теплое лѣто.

Кличка весны измѣняется по мѣстностямъ. Въ XVI вѣкѣ существовалъ обычай, какъ видно изъ Стѣглава: по утру рано жгли солому и кликали мертвыхъ. Во многихъ мѣстахъ Польши окликаютъ весну рано по утру, въ великій четвергъ, и въ этотъ день купаются до солнечнаго восхода, чтобъ здоровымъ быть на весь годъ. Такое повѣрье существуетъ и въ Малороссіи: кто успѣлъ выкупаться до солнечнаго восхода, тотъ оставался въ полномъ убѣжденіи, что къ нему не пристанетъ никакая зловредная болѣзнь. Въ дѣревнѣ Сосновкѣ (чистопольскаго уѣзда — казанской губер.), когда запоютъ первые пѣтухи, тогда дѣвушки и

дари бѣгутъ зачерпнуть воды, до рѣки Бухтъ, если сорочъ на обмануль съ мя: крыла, и умышляютъ втой водою. Въ уездахъ: Буйскѣ и Сольгаличѣ (могостромской губ.), поселяне погружаются три раза въ воду, и кувыркнувшись на землѣ столько же разъ, ваязайтъ потомъ на уголь избы и поють пѣсни, въ честь вестны, или екажутъ черезъ плетень огорода, маяять въ деревья, вертятся около стоговъ сѣна, кувыркаюноса катаются по зеленой травѣ и поють:

Весна, весна красная!
 Приди весна съ радостію,
 Съ радостію, радостію,
 Съ великою милостію:
 Уроди ленъ высокій,
 Рожь, овесъ хорошій.

Въ Буйскѣ, когда не вскрылись еще рѣки, дѣвушки схватяся за руки, вертятся около проруби и приговариваютъ: *весна, красная весна! приди весна съ милостію, съ милостію, съ великою благодію*; или входятъ въ воду по поясъ, плещутъ водою и, взявшись за руки, говорятъ: *вода весенняя, здоровая! дай намъ здоровья*. Многие больные нарочно приносятся въ великій четвергъ къ ручью, и шхьномъ вьютъ венный водою, полагая, что она излечитъ ихъ. Въ вологодской губерніи весна начинается довольно поздно, первого мая. Въ это время тамъ встрѣчаютъ весну съ соломеннымъ чучеломъ, утверждаемымъ на шестъ, и ставятъ его на возвышенномъ мѣстѣ. Тутъ приготовлены пироги, разные кушанья и водка; садятся около чучела и пьютъ; потомъ зажигаютъ его и шлещутъ вокругъ, пока онъ не сгоритъ. Въ калужской губерніи *зажигаютъ весну*, собираясь на холмахъ или полянахъ, и въ дѣти

ея поютъ пѣсни. Въ тульской губернии ~~до~~ ~~скажутъ~~ весну, съ еоминной недѣли. Предъ ~~за~~ ~~рожденіемъ~~ солнца собираются поселяне обоего пола, на ближайшій холмъ или пригорокъ, оборачиваются лицомъ къ востоку, читаютъ про себя молитву и потомъ становятся въ хороводъ. Избранная запѣвальщица, держащая въ одной рукѣ хлѣбъ, а въ другой красное яйцо, распоряжается хороводомъ.

Весна красна!
 На чемъ пришла?
 На чемъ прѣехала?
 На сошечкѣ,
 На бороночкѣ.

Потомъ всѣ начинаютъ пѣть хороводную пѣсню:

Какъ и всѣ дѣвки на улицѣ,
 И всѣ красныя на широкой;
 Одной дѣвки нѣтъ,
 Сидитъ она во теремѣ,
 Ширинку шьетъ золотомъ,
 Узду вяжетъ тесьменную. —
 Ахъ, горе великое!
 Кому то достанется? —
 Достанется моему бужену,
 Моему ряжену. —

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаютъ первый весен- Встрѣча
перваго
дожда. ній дождикъ, съ особою радостью. Многие нарочно выходятъ изъ домовъ, чтобы имъ ороситься, думая, что въ это время сила его такъ животворная, что мгновенно укрѣпляетъ тѣло и предохраняетъ его отъ многихъ недуговъ. Въ Малороссіи пріятнаютъ на этотъ случай:

Дощику, дощику!
 Милый дощику.
 Кроши жутко,
 Шобъ було чутко;
 Вовикъ здорову,
 Безъ позору:
 Якъ та осина,
 Що гнется та стоить.
 Подай дощику,
 На дядову рижь,
 Дивчачій лиць,
 Батькивъ овесь,
 И на все добро,
 Поливай ведромъ.
 Гоня хмару
 И всяку мару,
 А очн молодицы,
 Якъ чаровницы,
 Не хай отъ тебе
 Ще краше буде.
 Лице биле,
 Косу довгу;
 Шю и вижку,
 Нехай умые.

Подобнаго почти содержания припѣвъ, сохраненъ въ
 Нерехотскомъ уѣздѣ (костромской губерніи.)

Дождь, дождь!
 На бабину рожь,
 На дядову пшеницу,
 На дѣвкинъ ленъ,
 Поливай ведромъ.

Въ Шуѣ (владимірской губерніи) существуетъ припѣ-
 таніе въ дождю: *Мать Божья! подавай дождя на нашъ*

ячмень, на барской хмль, а когда дождь пойдет большой: ужъ ты дождь дождемъ, поливай ковшемъ, на нашъ ячмень, на барской хмль. Тамъ же къ зарѣ, послѣ перваго весенняго дождя: зоря зоряница, красная дѣвица! ты по льсу ходила, ключи потеряла; мѣсяць видѣль, солнце скралъ.

Въ Сербіи и Валахіи приносили жертвы богу Папалугу, чтобы онъ посылалъ дождь на хлѣбный посьвѣвъ. (*)

Венгерскіе Словаки, обращаясь къ солнцу, съ испрошеніемъ у него животворной силы на посьвѣвъ хлѣба, говорятъ причитаніе:

Дай Боже слнца,
До новаго грнца.
Ветъ ти го ми даше,
Кдѣ са нанграше. (**)

Въ Галиціи, собравшись деревенскіе мальчики въ хорошую, лѣтнюю погоду, — поютъ въ честь солнца:

Świćć, swićeć sloneczko!
Dam ci jajeczko,
Jak kureczka znieśie,
Na dębowem lesie.
Weźmie jajo do raju,
Wszystkie dusze radują. —
Ino jedno nie radą,
Ojcu matce łajają:

(*) Gebhard. Fortsetz. der Allgem. Weltgeschicht. der neuen Zeit, ч. 33. с. 254., ed. 1789 г.

(**) Kollar. Národn. Zpiew. ч. I. с. 274.

Złoty że się mocny Bole!
 Nie dopuść ja na Madeja łozę (*).

Первый
громъ.

Существуетъ повѣрье, что при первомъ громѣ надобно выбѣжать изъ избы и подпирать спиною плетень, домъ, дерево или другое что либо, въ томъ предубѣжденіи, что этотъ громъ даетъ тѣлу крѣпость и оживляетъ растенія, до того времени еще безжизненные. Въ последнемъ случаѣ предразсудокъ имѣеть, въ своемъ основаніи, физическую справедливость.

Электрическая сила грома, дѣйствуя благотворно на природу, оживляетъ зелень полей и крѣпитъ все растущее; но съ тѣмъ вмѣстѣ она и опасна: дѣйствуя болшею частью сокрушительно, она убиваетъ человѣка, и часто зажигаетъ зданія.

Когда падаетъ при громѣ дождь, тогда спѣшать умыться имъ, или собираютъ его въ чаши, моютъ большихъ и даютъ его пить.

(*) Мадей славился страшнымъ разбойничествомъ. Когда его словили, тогда приготовили для него постель въ аду, изъ однихъ иглъ раскаленныхъ, посему эта постель прозвана мадеевскою. Мадей успѣлъ однако ускользнуть изъ ада.—Постель мадеевская обратилась въ пословицу:

Przyjdiesz na Madejowe łozę.

Gdzie są same brzytwy i noże.

Żeg. Paul. Piesn ludu polsk. w Galic. c. 31-32.

— бы оживляемъ, оживляемъ, оживляемъ, оживляемъ. —
 — бы оживляемъ, оживляемъ, оживляемъ, оживляемъ. —
 — бы оживляемъ, оживляемъ, оживляемъ, оживляемъ. —

III.

— бы оживляемъ, оживляемъ, оживляемъ, оживляемъ. —
 — бы оживляемъ, оживляемъ, оживляемъ, оживляемъ. —
 — бы оживляемъ, оживляемъ, оживляемъ, оживляемъ. —

КРАСНАЯ ГОРКА.

— бы оживляемъ, оживляемъ, оживляемъ, оживляемъ. —
 — бы оживляемъ, оживляемъ, оживляемъ, оживляемъ. —
 — бы оживляемъ, оживляемъ, оживляемъ, оживляемъ. —

Наступала весна, и съ него повсюдая радость. По Красная
 селяне собираются на горку, и съ нея прѣвѣтствуютъ
 наступающія весенія забавы. Юная природа оживляется
 тогда еще болѣе молодость и веселыя дѣвушки, одушев-
 ленныя новою жизнью, не довольствуются воспріиманіемъ
 животворной весны: онѣ встрѣчаютъ ее жароводными
 играми, поздравляютъ съ непритворной радостію, какъ
 дорогую гостью, возвращающуюся къ нимъ съ небельнаго
 зеленаго холма, который по имени называется *красною*
горкою. Это обыкновеніе во всеобщемъ употребленіи. Оно
 начинается съ еомиліова воскресенья, которое въ восточной
 церкви именовалось *возмилъ*, а въ западной *бл-
 змыль воскресеньемъ*. —

У Славянъ, Литовцевъ, Нѣмцевъ, однимъ словомъ у
 всѣхъ народовъ были священныя горы, горки и дру-
 тницы. Тамъ стояли истуканы, горѣли огни для жертва-
 приношеній и совершались разные священныя обряды
 и моленія. У кievскихъ Славянъ были поклонныя и
 лисыя горы, у прочихъ, какъ то: польскихъ, богем-
 скихъ, моравскихъ и силезскихъ; священныя, красныя,
 русыя, черныя, червоныя и гремучія. — На красныя
 собирались духи мужескаго, а на лисыя женскаго пола.

Обрядное при-
вѣтствіе
красной
горки.

По всей Россіи встрѣчается большое множество названій красныхъ горъ и урочищъ, но для игръ избираются преимущественно красныя горки, по своему приятному мѣстоположенію. Толпа поселянъ обоего пола, сдѣлавъ привѣтствіе веснѣ, идетъ съ горы съ пѣніемъ и потомъ начинается хороводъ, или другого рода забавы и игры, но эти забавы не вездѣ сопровождаются единообразно. Въ слободахъ Переяславля-залѣскаго (владимірской губер.) поселяне собирались въ еомино воскресенье, послѣ обѣда, съ поздравленіями къ тѣмъ, у кого въ прошедшемъ году были совершены свадьбы, и приговаривали имъ: *вьонъ, вьюница! отдай наши яйца*. Молодые ихъ дарили яйцами, куличами, помли пивомъ и виномъ.—Въ костромской губер. подходят къ окну домохозяевъ, и поютъ: *вьонъ дв вьюница, дай ей яйцо; а не дашь яйца, придетъ вѣтрица*. Если поздравленіе происходитъ подъ окнами новобрачныхъ; то они угощаютъ ихъ пирогами, яйцами и пивомъ. Такое поздравленіе извѣстно тамъ подъ именемъ *вьонитство*:

Что значитъ вьонъ, вьюница и вьонитство? Должно думать, что это испорченное въ простонародіи слово *ювицъ*, молодой; *вьонитство* молодость, *вьонитство* оать поздравлять молодость, особенно молодыхъ супруговъ. Последнее заключеніе вывожу изъ того, что въ Галичѣ (костромской губер.) во время *радомца* (еоминной недѣли), поселяне распѣваютъ пѣсни подъ окнами молодыхъ: *ювица, молодца! дай яйцо съ перстечу*. — Или поютъ:

Ой деля, молодая, о деля!

Ты вьюная, о деля!

Ты по горницѣ пройди, о деля!

Покажи свое лице, о деля!

Да въ оношечко, о деля!

Понажи намъ молодца, о лелю!
 Своего-то вьюнца, о лелю!
 Да пожалуй-ко яичко, о лелю!
 Еще красенькое, о лелю!
 Что на красномъ блюде, о лелю!
 И при добрыхъ людяхъ, о лелю.

Молодые угощаютъ ребятъ перепечью, калачами, канками, ладышками, пивомъ и виномъ, а дѣвицъ красными яйцами и пряниками. —

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рязанской губерніи, дѣвушки и женщины одѣваются въ черное и бѣлое платье, и послѣ обѣдни идутъ на кладбище, съ запасомъ разнаго кушанья и питья; плачутъ надъ могилами своихъ родныхъ и близкихъ къ ихъ сердечному воспоминанію, и поднимаютъ такой страшный вой, что мертвымъ не даютъ покою. Понаплакавшись вдоволь, садятся пить и ѣсть на могилахъ; остатки бросаютъ нечистымъ духамъ, чтобы они не тревожали усопшихъ, а оставшееся вино льютъ на могилы, изъ предубѣжденія, что оно предохраняетъ гробы отъ зловредныхъ духовъ. По окончаніи этого обряда, возвращаются домой: тамъ переодеваются въ праздничныя одежды и выходятъ на красную горку. Здѣсь начинаютъ уже разныя хороводныя забавы. — Въ смоленской губер. празднество, которое совершается на красной горкѣ, называется *толпищемъ*, соответствующее древнему славянскому обряду *стадо*, сопровождается пѣніемъ пѣсней и играми.

Забавы
 и похороны
 родныхъ

Въ иныхъ мѣстахъ горка составляетъ гулянье на св. недѣлѣ, въ другихъ въ еоминый понедѣльникъ, а въ иныхъ въ Юрьевъ день, въ который выгонъ скота въ поле, сопровождается служеніемъ молебней, для предохраненія его отъ всѣхъ недуговъ, а потомъ радостными пѣснями и ночнымъ хожденіемъ около стада,

Разное
 дѣйствіе
 о бра-
 довѣ, во
 время
 красной
 горки.

въ томъ мѣстѣ, что этимъ дѣйствіемъ прѣгоняется нечистая сила, которая въ то время бываетъ самая злая, и чрезмѣрно портитъ скоть. Въ другихъ мѣстахъ время красной горки, почитается благопріятнѣйшимъ для свадьбъ. Вообще красная горка есть первый весенній праздникъ, и она, смотря по мѣстности, начинается то дѣтскою игрою, то хороводами (*)

Нельзя опредѣлить, даже указать на игры и хороводы, какія именно совершаются въ это время. Все зависитъ объ образа жизни и наклонности поселянъ къ забавамъ. —

Вотъ образецъ встрѣчи красной горки, въ пензенской губерніи. Въ этой встрѣчѣ перемѣшаны игры и забавы, принадлежащая или собственно одной игрѣ, или одному хороводу. —

Въ восьмой день праздника послѣ свѣтлаго воскресенья, называемаго Одинымъ воскресеньемъ, начинается у двѣхъшекъ первое весеннее гулянье, извѣстное подъ именемъ красной горки. — Вечеромъ собираются двѣнцы и составляютъ хороводъ; къ нимъ присоединяются *молодайки* (молодая женщны). Раздѣляются на двѣ половины и становятся другъ противъ друга въ два ряда, на нѣсколько сажней въ длину. Первая половина, подходя къ другой, поетъ:

(*) Есть еще обыкновеніе, что съ окончаніемъ весны одна изъ мушницъ наряжается кобылою и пугаетъ ребятишекъ. Это дѣлается для того, чтобы они боялись своихъ отцевъ и матерей, и когда онѣ заплачутъ или не слушаются ихъ, тогда стращаютъ: *вотъ придетъ кобыла, вотъ идетъ кобыла*, и ребенокъ смиряется. — Пугаютъ еще для того, чтобы ребятишки не просили скоромнаго въ постные дни.

А мы съеду чистилин, ой диди!

Чистилин!

Ой диди—ладу, чистилин, ой диди!

Чистилин!

и дошедши до другой, ова возвращается назадъ и становится на свое мѣсто,

Потомъ другая половинна, такъ же подходитъ къ первой, поеть:

А мы просо съели,

Съели;

Ой диди—ладу, съели,

Съели!

И такимъ образомъ продолжаютъ пѣть попеременно, и потомъ отходить на свое мѣсто.

Перв. А мы просо побили,

Побили;

Ой диди—ладу, побили,

Побили!

Втор. А мы просо вытопчемъ,

Вытопчемъ;

Ой диди—ладу, вытопчемъ! 2.

Перв. А мы коней выловили,

2.

Ой диди—ладу, выловили!

2.

Втор. А мы коней выкупили,

2.

Ой диди—ладу, выкупили!

2.

Перв. А чѣмъ же вы выкупите?

2.

Ой диди—ладу, выкупите?

2.

Втор. А мы дадимъ сто рублей,

Сто рублей.

Ой диди—ладу, сто рублей! 2.

Перв. Не надо намъ тысячи,

Тысячи;

Ой диди—ладу, тысячи! 2.

Втор. А мы дядимъ дѣвицу, 2.
Ой диди—ладу, дѣвицу! 2.

Перв. За дѣвицу слова нѣтъ,
Слова нѣтъ,
Ой диди—ладу, слова нѣтъ! 2.

Втор. У насъ въ полку убыло, 2.

Ой диди—ладу, убыло! 2.

Церв. У насъ въ полку прибыло, 2.

Ой диди—ладу, прибыло! 2.

Въ продолженіи этой пѣсни, дѣвицы приближаются радостно другъ къ другу и потомъ отступаютъ.

По окончаніи этой забавы, набираютъ нѣсколько дѣвочекъ и мальчиковъ, разсаживаютъ ихъ на небольшое, другъ отъ друга разстояніе; окружаютъ ихъ, сѣпившись рука съ рукой, и ходя вокругъ ихъ, поютъ:

Маки, маки, маковочки,
Золотыя головочки!
На горѣ былъ макъ,
Подъ горою такъ,
Такъ, былъ макъ,
Сякъ, былъ макъ.

Пропѣвши это, спрашиваютъ у сидящихъ: поспѣлъ ли макъ? — Тѣ отвѣчаютъ: еще только поспѣянъ. — Потомъ опять поютъ тоже, и послѣ опять спрашиваютъ: поспѣлъ ли макъ? Тѣ отвѣчаютъ: цвѣтеть. — Еще разъ спѣвши тоже самое, спрашиваютъ: поспѣлъ ли? И когда будетъ отвѣтъ: поспѣлъ, — тогда начинаютъ сидящихъ мять, коверкать и трясти. Если эта игра наскучитъ дѣвицамъ и имъ захочется поплясать; то всѣ онѣ становятся въ большой кругъ, а двѣ изъ нихъ побойтѣе, выходятъ на средину, начинаютъ первыя пѣть и плясать, а за ними поетъ и пляшетъ весь кругъ:

Во лугахъ, лугахъ,
 Зеленыхъ лугахъ!
 Выростада трава шелковая,
 Разцвѣтали цвѣты лазоревые, —
 Понеслись духи малиновые.
 Ужь я въ той травѣ, выкормлю коня,
 Выкормлю, ужь я выкормлю, и выглажу с
 Поведу я коня къ батюшкѣ:
 Батюшка, ужь ты батюшка, родимой мой!
 Ты прійми слово ласковое,
 Ты прійми слово приветливое. —
 Не давай меня за стараго замужъ:
 Старый мужъ не ровня мнѣ,
 Со старымъ гулять я не пойду!

Пляшущія, притопывая ногами, приговариваютъ еще: гоць! гоць! гоць!

Уставъ отъ пляски и пѣсень, дѣвочки заводятъ другую игру. — дергать рѣдчку. Она совершается такъ: здоровая изъ дѣвучекъ садится на лугу; на ея колѣнахъ садится другая, которую она обхватываетъ и держитъ подъ руки; на колѣнахъ другой, третья, и такъ далѣе, пока изъ нихъ образуется довольно длинный рядъ. Одна подходит къ сидящей въ концѣ, и говоритъ: кума! продай рѣдечку. — Та отвѣчаетъ: поди, выдерни на томъ концѣ. — Покупательница идетъ на другой конецъ, беретъ выдергивать послѣднюю изъ сидящихъ, и начинаетъ тащить ее. Если вытащить, хорошо; а нѣтъ, такъ опять идетъ къ первой и жалуется ей, что рѣдчка слишкомъ туга: не велить ли она выдернуть изъ середки? Та отвѣчаетъ ей, что она не хочетъ портить грядки, а хочешь, такъ дергай съ конца. Послѣдняя опять подходитъ къ концу, и уже здѣсь непременно вытаскиваетъ одну; за ней другую, и такъ

далѣе до послѣдней, которая, будучи въ вѣкъ свѣтъ,
тащить всѣхъ за собою.

У крестьянскихъ молодущекъ есть положеніе: про-
грать первый вечеръ, до благо свѣта. Надобно или
поплясать, или пѣсенки попѣть. Одна поопытѣе изъ
нихъ начинаетъ:

Занька, гдѣ ты былъ, побывалъ?

Стринькой, гдѣ ты былъ, побывалъ?

Былъ я, былъ я, парень мой;

Былъ я, былъ я, сердце мое;

У трехъ дѣвушекъ въ гостяхъ.

Занька, ты не знаешь, какъ зовутъ?

Стринькой, ты не знаешь, какъ зовутъ?

Знаю, знаю, парень мой,

Знаю, знаю, сердце мое.

Какъ Катюха да Марюха,

И третья Дуня удала.

Занька, тамъ встрѣчали ли тебя?

Стринькой, тамъ встрѣчали ли тебя?

Встрѣчали, парень мой,

Встрѣчали, сердце мое:

Какъ Катюха у дверей,

А Марюха у сѣней;

И третья Дуня удала,

Во гореньку провела.

Занька, тамъ сажали ли тебя?

Стринькой, тамъ сажали ли тебя?

Сажали, парень мой,

Сажали, сердце мое:

Какъ Катюха на лавку,

За столъ меня провела.

Занька, тамъ кормили ли тебя?

Стринькой, тамъ кормили ли тебя?

Кормили, парень мой,

Кормили, сердце мое,

Какъ Катюха провожомъ,
 А Марюха калачомъ,
 И третья Дуня удаля,
 Каши съ маслицемъ дала.
 Занька, тамъ дарили ли тебя?
 Сьринькой, тамъ дарили ли тебя?
 Дарили, царь мой,
 Дарили, сердце мое:
 Какъ Катюха полотничью,
 А Марюха платкомъ;
 И третья Дуня удаля,
 Съ рукъ перчаточки дала.
 Занька, провожали ли тебя?
 Сьринькой, провожали ли тебя?
 Провожали, царь мой,
 Провожали, сердце мое:
 Какъ Катюха изъ дверей,
 А Марюха изъ сѣней;
 И третья Дуня удаля,
 Вдоль улицы врозь. —

Вообще думаютъ, что съ наступленіемъ красной горки, впервые начинаютъ горѣлки и запѣвають хороводную пѣснь *просо съяли*. —

Нѣкоторые изъ нашихъ писателей составили особый Вьюнишникъ. праздникъ, подъ именемъ *вьюнишника*, потому только, что онъ совершается въ Семеновскомъ уѣздѣ (нижегородской губерніи), на святой недѣлѣ въ субботу, и тамъ поютъ пѣсни молодымъ супругамъ, бракосочетавшимся въ прошедшемъ году. Я не считаю это за отлѣвный праздникъ, ибо вьюнишникъ поется въ одно время съ красною горкою, и пѣсни его одного почти содержанія, напри:

Ты вставай—ка молодець,
 Ты вставай—ка нашъ вьюнскій!
 Ты расчесывай кудри,

Костянымъ гребешкомъ.
 Ужъ ты взгляни, въ окошко косящатое!
 Тебѣ пѣсню поемъ,
 Тебѣ честь воздаемъ.
 Наградн-ка насъ подаркомъ,
 Сладкимъ пряникомъ,
 Бѣлымъ сахарнымъ. —

Выюнишникъ употребляется еще для молодыхъ, вмѣ-
 сто застольной пѣсни. —

Какъ въ деревнѣ во Ильинской,
 У Ефима молодца,
 Что стоялъ тутъ теремъ
 Со крутымъ верхомъ,
 Со косячатымъ окномъ. —
 Противъ краснаго крыльца,
 Выросло дерево трехугодливое.
 Что въ томъ ли терему,
 Дубовы столы стоятъ,
 Дубовы столы стоятъ,
 Бранныя скатерти лежатъ.
 На тѣхъ ли на столахъ,
 Медвяны яствы стоятъ ;
 За теми ли столами,
 Князья, бояре сидятъ,
 Сахарныя питья пьютъ.
 Катайтесь, бояре,
 Со высока терема;
 Не сшибите деревца ,
 Трехугодливаго.
 Еще первая угода ,
 Подъ корень деревца ;
 А другая угода,
 Посередъ деревца ;
 А третья-то угода,
 Подъ вершину деревца. —

Подъ вершину деревца
 Соловей гвздо вьсть,
 Онъ и яйца несеть,
 Молодыхъ дѣтокъ ведеть.
 Посередь деревца,
 Пчелы ярыя шумять,
 Много меду наносятъ.
 Подъ корень деревца,
 Кровать нова тесова,
 Перинушка пухова.
 На той ли кроватишкѣ
 Ефимушка лежитъ,
 Съ молодой своей женой
 Съ Оксиньюшкой душой.
 А у нихъ въ головахъ,
 Звончаты гусли лежать. —
 И кому въ гусли играть?
 Кому тышитъся?
 Играть въ эти гусли,
 Ефиму молодцу :
 Ему тышитъ, утышатъ,
 Молоду свою жену,
 Оксиньюшку душу.
 Чѣмъ васъ молодцевъ,
 Стануть жаловати?
 Пивомъ, сидовой, или склянницей вина?
 Или золотой казной? —
 Ничего намъ не подашь,
 Мы со двора пойдемъ,
 Мы осердимся.
 Три бѣды мы сотворимъ :
 Первую бѣду,
 Ворота мы растворимъ,
 Коней пару уведемъ.
 А другую то бѣду :
 Избы двери растворимъ,
 Мы гостей ознобимъ.

Третью то бяду :
 Во теремъ зайдёмъ,
 Мы заслонъ унесёмъ,
 Печи остудимъ.
 Гостей охолодимъ,
 И васъ молодыхъ,
 На стыдъ наведёмъ.

Молодые подчуютъ ихъ виномъ, закусками или дарять чѣмъ нибудь. Они благодарятъ :

Еще здравствуй молодой,
 Съ молодой своей женой,
 И спасибо тебѣ хозяинъ,
 На жалованьи,

Отходя отъ нихъ :

Вьюнецъ, молодецъ, молодая, (4 раза).

Потомъ молодежь обходитъ прочихъ новобрачныхъ, съ вьюншиникомъ или поздравленіемъ. Къ вечеру собираются въ питейный домъ, пьютъ на собранныя деньги и закусываютъ полученнымъ отъ молодыхъ (*).

(*) Снег. Руск. простон. праздн. вып. III. с. 214-214.; Сказ. русск. нар. т. I. с. 261., см. русск. обрядныя пѣсни, подъ статью: пѣсни радуницкія. — Онъ ошибочно причисляетъ къ радуницкимъ, слѣдующія три :

1. Ой лелю, молодая, о лелю!
2. Ты вставай-ка молодецъ.
3. Какъ у дровян у Ильявской.

Всѣ онѣ собственно поздравительныя или явче, вьюншиныя.

IV.

РАДУНИЦА.

Въ разныхъ мѣстахъ называется радуница различно, Значеніе радуницъ. какъ то: *радовницею, радуницею, радоницею и навій день*. Все это воспоминаніе за упокой, и во многомъ сходствуетъ съ тризною и стравою. — Радуница не вездѣ приходится въ одно время: большею частію бываетъ въ Ѳомино воскресенье, Ѳомиинъ понедѣльникъ или въ десятый день отъ пасхи, во вторникъ, — послѣднее часто всего празднуется въ сѣверо-восточной Россіи. Въ Малороссіи она называется проводами, гробками и могилками, потому что тамъ, въ Ѳомиинъ понедѣльникъ, совершаютъ поминовеніе по умершимъ. Радуница превратилась въ послѣдствіи въ *родительскую субботу*. — Радуница происходитъ отъ слова *радоваться*, а *навій* отъ древняго славянскаго слова *навъ*, означающее покойника, мертвеца. Народъ, поминая въ это время родителей, думаетъ, что они радуются съ ними. Не безъ основанія историографъ Карамзинъ замѣтилъ, что радуницею назывался какой нибудь языческій праздникъ у Славянъ, и бывалъ въ началѣ апрѣля, потому что пасха приходилась въ то время марта 28. (*)

(*) Кар. Ш. Г. Р. т. 5. прим. 26.

Изъ поминальныхъ дней особенно замѣчательна родительская суббота. Поминовение родителей такъ важное, что считаютъ за грѣхъ заниматься работою во время поминокъ, и что тогда не должно поминать ихъ блинами. По этому приносятъ на могилы: пироги, калачи, кашу, кутью, яйца и разныя жареныя и вареныя кушанья. Суевѣріе заставляло часто священника снимать съ себя ризы, или эпитрахиль, и постилать на могилѣ при совершеніи литіи; по совершеніи литіи, священникъ съ причетомъ и поминавшіе съѣдали все принесенное. — Въ прежнія времена народъ поминалъ умершихъ съ языческими обрядами: совершивъ надъ могилами усопшихъ поминовение, оставлялъ сродниковъ плакать и рыдать. — Женщины и мужчины, вспоминая добрыя качества покойника, наполняли воздухъ плачевнымъ воемъ; потомъ сажались на могилу, угощали другъ друга пивомъ, виномъ, пирогами, блинами, яйцами и проч.; остатки бросали злымъ духамъ. — При питіи вина, отливали часть на могилу, а послѣднее сами выпивали. —

Радуницкія поминки всегда сопровождались чрезмѣрнымъ упоеніемъ, отъ того вошло въ поговорку: *выпили пиво объ масляницѣ, а съ похмѣлья ломало посель радуницы.*

Отправленію радуніи и цѣль ихъ поминовеній.

Въ Ѳоминъ вторникъ толпы народа съ узелками, идутъ по утру на могилы своихъ родителей, совершать по нихъ поминовение, и тамъ, оплакивая ихъ смерть, пьруютъ цѣлый день. Тогда считается за великій грѣхъ, если кто не служитъ панахиды. Многіе думаютъ, что души умершихъ встаютъ во время поминовеній изъ *темницъ* (изъ гробовъ), радуются и слушаютъ поминальную обѣдню въ церквѣ, за олтаремъ. Тѣ же родители, коихъ дѣти не пришли поминать, плачутъ тогда весь день. — Самая поминальная пища,

которая должна состоять преимущественно изъ кутьи, пироговъ, сырниковъ и яицъ, раздѣляется будтобы мертвыми, выходящими невидимо изъ темницъ, и присутствующими съ живыми до солнечнаго захода.—Такое мнѣніе господствуетъ даже между простолюдинами въ Петербургѣ.—Тутъ одинаково совершаютъ обрядныя дѣйствія въ Ѳомиинъ вторникъ, называющійся *радуницей*, а самое дѣйствіе поминовенія *христосованіемъ съ родными*; потому непременно берутъ окрашенныя яйца, и кладутъ ихъ на могилу. Нѣкоторые зарываютъ окрашенныя яйца, въ нарочно выкопанныя надъ могилой ямки. Вѣрятъ еще, что если въ радуницу случится представленіе свѣта, то вышедшіе изъ темницъ, предстанутъ прямо въ рай съ поминающими ихъ.

Въ пермской губерніи, во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, ходятъ по утру на кладбище поминать усопшихъ, запасаясь крашенными яйцами, блинами и разными кушаньями; остатки раздаютъ нищимъ; весь день проводятъ въ гуляньи и прогулкахъ. —

Въ другихъ мѣстахъ послѣ пиршества оставляютъ на могилахъ, подобно Грекамъ и Римлянамъ, крашенныя яйца, которыя у нихъ изображали умиловительныя жертвы по умершимъ. Водится изстари обычай, что женихи и невѣсты ходятъ на могилы своихъ родителей: просить у нихъ благословенія на брачный союзъ, и въ знакъ ихъ согласія, оставляютъ яйца на могилахъ. —

Стоглавъ осуждалъ оклички на радуницы и въюницы, во обычай удерживаетъ ихъ донинѣ.

Нигдѣ родительскія поминки не производились и не производятся, съ такою веселостію, какъ въ Мадороссіи и въ Бѣлоруссіи. Въ Кіевѣ сходились, и теперь сходятся на гору Щековицу не только простой народъ, но

почетнѣйшіе граждае. Тамъ сначала отправляютъ панихиды надъ умершими, а потомъ каждое семейство, сѣвъ въ кружокъ близъ родственной могилы, поминаетъ родителей, родственниковъ, друзей, знакомыхъ и все, что дорого для ихъ сердца. Ъдятъ и пьютъ за упокой, желаютъ усопшимъ царствія небеснаго, за ихъ добрыя дѣла; прощаютъ нанесенныя имъ обиды, не желая препятствовать имъ итти прямо въ рай, — и просятъ ихъ не препятствовать имъ. Когда немножко поразгуляютъ, тогда заставляютъ семинаристовъ или учениковъ бурсы, пѣть духовнаго содержанія стихи, но печальнымъ и погребальнымъ напѣвомъ. — Это такъ растрогиваетъ настроенную ихъ чувствительность, что они, для удержанія своихъ слезъ, запиваютъ горе виномъ, произнеся: *о, якъ оце жалостливо! саовавъ риднею и ридненку, а тожъ мене приголубе? Чи чуєте вы, мій батеньку и моя матусенька? Чи вамъ тамъ лучше, чи намъ тутечки?* После многихъ возгласовъ, старшій изъ поминальщиковъ обращается къ плачущимъ, и говоритъ: *давайте жъ скорій чарку горилки, — утолымы горе!* Когда и это не помогаетъ, тогда обращаются къ скрипачамъ, и говорятъ: *музыка! ну же жъ заиграйте, да такъ, щобъ плакало усе на взрыдъ.* Скрипачи играютъ заунывные или похоронныя пѣсни, и всѣ плачутъ. *Годи! чи перестанете жъ играть? Не бачете, якъ вси взрыдали, мовъ съ изнова риднею хоронють.* Скрипачи начинаютъ играть веселыя, и всѣ, забывъ горе, бросаются въ присядку. Поминки обращаются въ безотчетной разгулъ, который иногда продолжается во всю ночь. — На другой день говорятъ только: ой, болитъ моя головонька. — Чтобы прогнать головную боль, похмѣляются; похмѣлье иногда длится нѣсколько дней сряду. — Почти тоже самое происходитъ въ полтавской, черниговской и харьковской губерніяхъ.

Въ Бѣлоруссiи также собираются на кладбище. Тамъ, на могилахъ родныхъ, катаютъ красныя яйца, которыя отдають потомъ нищимъ. — На могилѣ, политой медомъ и водою, раскладываютъ кушанье, и привѣтствуютъ покойниковъ: *святые радзицили! хадзице къ намъ хлѣба и соли кушаць*. Потомъ старые и малыя разсаживаются по мѣстамъ. Кушанья должны быть нечетныя: пять, семь, девять и т. д., и безъ подливки (соуса). — Необходимо, чтобы тутъ находились: медъ, творогъ, блины, гречаники, колбаса и свинина. Кто бѣдный, тотъ просить у зажиточнаго, который всемъ надѣляетъ его. — Остатки отдають нищимъ. По окончанiи угощенiя, обращаются къ покойникамъ: *мои радзицили! выбачайце, недзивиць; чимъ хата богата, тимъ и рада*. Послѣ отправляются въ корчму, и тамъ поють и танцуютъ. — Радуницу отправляютъ здѣсь еще весною, когда растаеваеъ земля, и думаютъ, что тогда родителямъ тепло, потому разговаривая съ ними, желаютъ имъ: «дай вамъ Богъ, легко въ землѣ лежати, и Христа въ очи видати». (*) — Обычай, посѣщать могилы родительскiя, есть языческiй: онъ былъ извѣстенъ всемъ народамъ на востокѣ, оттуда перешелъ въ Европу. Поговорка у Римлянъ: *de mortuis aut bene aut nihil* т. е. объ умершемъ или хорошо, или ничего, конечно произошла изъ благовѣйнаго воспоминанiя по умершемъ; но мѣста вѣчнаго жилища, постоянно напоминають живымъ утрату сердечную, и потому служатъ предметомъ посѣщенiй, слезъ и священныя поминовенiй.

(*) Goleb. Lud polsk. jego zwyc. i zabob. ч. 2. с. 269.

V.

ЗАПАШКА.

При восвѣвѣ хлѣба и началѣ жатвы, поселяне соблюдаютъ особыя свои обряды. Не начинаютъ ни орать, ни сѣять, ни косить, ни жать, не помолившись сначала Богу, и не спросивъ у Него благословенія на свой трудъ. Земледѣлецъ обращается въ ту сторону, въ которой, по его примѣтамъ, благоприятны предзнаменованія: чистое небо и тихій вѣтерокъ. — Набожно онъ кланяется на всѣ четыре стороны. Потомъ, постоявъ нѣсколько времени на своей полосѣ, онъ осматриваетъ вокругъ себя, воднимаетъ глаза на небо и замѣчаетъ на немъ движеніе облакъ; наблюдаетъ полетъ и крикъ птицъ, слѣдитъ и первую поступь лошади и быка, когда впрягаетъ подъ плугъ, и потомъ, перекрестясь, говоритъ: *благослови Господи Иисусе Христе! и помилуй насъ*. Сколько предчувствій волнуютъ въ то время его душу! Предзнаменованія устрашаютъ его, онъ не вѣритъ и въ самыя счастливыя примѣты, которыя часто обманывали его. — Онъ беретъ плугъ, закидываетъ его на свою ниву, и съ словомъ: *помоги Боже!* начинаетъ пахать. — Запашка его пошла удачно и скоро. Во время работы погода стояла хорошая, небо было чистое и свѣтлое, зелень повсюду пробивалась и изъѣтыхъ примѣтъ онъ выводилъ предзнаменованіе о богатомъ урожаѣ. — Его работа приходитъ къ концу, и онъ ра-

Набож-
ное со-
дѣйствіе
земле-
дѣльца.

Запаш-
ка.

дуются вдвойнѣ. Всѣ предвѣстія благоприятныя, ускоряютъ его трудъ, и наконецъ настаетъ послѣдній день заправки, уборка. Онъ и те счастливо окончилъ, — вотъ его радостный праздникъ. —

Помочи. Издавна существуетъ обычай помогать другъ другу въ вспахиваніи поля, и это называется *помочи*, отъ слова помочь, пособить. Это обыкновеніе есть общее между крестьянами и помѣщиками. Каждый житель деревни, имѣя большія поля и не успѣвая убрать ихъ, извѣщаетъ околотовъ о подааніи ему помочи. Это дѣлается въ праздничный день. — Нива покрывается поселанами; трудъ ихъ облегчается пѣснями, и въ одинъ день оканчиваютъ то, что хозяину пришлось бы сдѣлать въ мѣсяцъ. Въ продолженіи помочей, хозяинъ угощаетъ обѣдомъ и нѣсколькими ведрами пива; потомъ, съ наступленіемъ вечера, всѣ тянутся ужинать въ домъ хозяина, который благодаритъ ихъ ужиномъ. Тутъ вынимаютъ прохладный ковшъ пива домашнего, и раскладываются по избамъ весело.

Опахка. Не ведѣтъ вспахиваніе полей извѣстно подъ однимъ именемъ заправки. Мѣстами она называется *опахкою*. Недостаточные дѣлопашцы вспахиваютъ поля по очереди: одному мужику помогаютъ другіе, на одной надѣлѣ, а тотъ въ свое время, такъ что у трудолюбивыхъ мужиковъ, полевыхъ работы идутъ рука объ руку. — Въ деревнѣ варятъ тогда брагу и пиво, и по окончаніи работъ, угощаютъ взаимно. При застѣваніи ярового хлѣба, женщины готовятъ ничипу и пирушку; но обычаемъ онѣ пируютъ сами. (*) Въ праздничный

(*) За то, съ окончаніемъ тканья, мужчины обливаютъ женщинъ водою, а иногда купають ихъ въ рѣкѣ, чтобы согнать съ нихъ дѣнь.

дене сходатся поселяне въ церковь, послушати благодарственную молебень; другіе привезятъ въ церковь на освященіе, часть баранины или что нибудь изъ птицъ, особенно чернаго пѣтуха и хлѣбъ. Послѣ молебни берутъ съ собою мисное, оставивъ хлѣбъ священнику; варятъ и жарятъ, и приглашаютъ на общий пиръ священника, своихъ родственниковъ и всѣхъ своихъ сосѣдей, чтобы отпраздновать опарку или завашку. Не повсюду въ употребленіи эти празднованія; часто совершаютъ завашку безъ угощенья.

Засѣвъ полей производится, болѣе или менѣе, съ Посѣвъ. священными обрядами. Въ юго-западной части Россіи, священники окропляютъ водою поля, и благословляютъ земледѣльца на посѣвъ. Мужикъ, поивши въ шаю котомку, или торбу съ зерномъ, беретъ горстью зерно и сѣетъ въ одну сторону, сѣяла, преимущественно тѣмъ зерномъ, которое сохранилось отъ перваго гевдари, когда дѣти ходили по домамъ; поздравитъ хозяиновъ съ новымъ годомъ и насыпаетъ зерномъ. Малороссійскіе говорятъ при посѣвѣ: *роды Боже засѣвъ, ячмень и гречку, зоть всего по туркинку*; *роды Боже хлѣвъ и коноплю, на весь христіанскій міръ.*

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи мужикъ засѣваетъ первоначально ржаной просвярою, той самой, которую онъ получилъ въ день Благовѣщенія.

Посѣвъ называется въ Литвѣ, въ Беларусіи и Малороссіи, *засівками*; въ западно-сѣверной Россіи *засѣвками* и *посѣвками*; въ восточной части, *засѣвъ*. Послѣдній день сѣянія, называется *досѣвки*; въ Малороссіи *досівки*. Вездѣ окончаніе посѣва, есть радостный день для хлѣбопашца, и потому въ иныхъ мѣстахъ бываютъ угощенія. — Нарочно варятъ пиво и закалываютъ свинью, если это бываетъ яровой посѣвѣ, или пекутъ калачи и пироги, если озимовый.

Во многихъ мѣстахъ сѣвера-восточной Россіи, существуютъ посьвочныя предрасудки. По отелуженіи молебна, подъ открытымъ небомъ, приходскій священникъ читаетъ заклинательныя молитвы, изгоняетъ нечистыхъ духовъ и потомъ благословляетъ поселянъ. Между тѣмъ одна здаровая и крѣпкая баба, и непременно должна быть баба, пощеловавъ вѣреть, схватываетъ священника поперегъ, во всемъ его облаченіи, и перебрасываетъ черезъ себя три раза; потомъ а простодушны принимаются катать его по нивѣ, не смотря ни на грязь, ни на кочки. Если бы священникъ воспротивился такому обряду, то мужики замѣчаютъ ему съ неудовольствіемъ, говоря: ты батюшка, вѣрно не желаешь намъ добра; не хочешь, чтобы у насъ былъ хлѣбъ; а ты же, нашъ отецъ, кормишься нашимъ хлѣбомъ. — Священникъ невольно долженъ покориться невѣжественному предрасудку. — Хорошо, если нива сухая. По совершеніи обряда, толпой отправляются домой, угощаютъ священника совѣмъ его причетомъ; и всѣхъ своихъ сосѣдей. Если пиръ проходитъ безъ всякихъ раздоровъ, то предзнаменованіе благоприятное. —

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершаютъ еще такъ: когда довольно взойдетъ хлѣбъ, тогда народъ проситъ священника отслужить молебенъ въ полѣ. Потомъ угощаютъ его обѣдомъ; послѣ обѣда женщины катаютъ священника съ причетомъ, по зеленому хлѣбу.

VI.

КУКУШКА.

Вѣрованіе въ таинственные голоса животныхъ, изъ Древнее
ковъ выводили предзнаменанія для жизни настоящей строва-
ніе въ
голоса
живот-
ныхъ.
и будущей, существовало на востокъ съ незапамятныхъ
временъ, и нѣтъ сомнѣнія, что отсюда оно распростра-
нилось по Греціи, особенно оно господствовало въ вы-
сшей степени у Римлянъ, среди ихъ жрецовъ и птице-
годателей, которые нерѣдко останавливали важныя го-
сударственныя дѣла, если священная птица, во время
гаданій, кричала голосомъ неблагоприятнымъ. Въ числѣ
таковыхъ извѣстна была Римлянамъ *кукушка*. (*cuculus*). — Ея названіе сходно со многими иностранны-
ми словами: у Индѣйцевъ она называлась *кокила*, у
Грековъ *кукосъ*, у Англичанъ и Французовъ *куку*, у
Нѣмцовъ *кукукъ*, у Литовцевъ *кукулка* и *зозула*, у Поля-
ковъ *кукулка*, у Чеховъ *кукачка*, *жежулька*, у Мало-
россіянъ *зозуля*, въ Россіи *кукушка*.

Въ древней части свѣта и во всѣхъ странахъ Евро-
пы, кукушкѣ приписывалось предвѣщательное свойст-
во. Если она прокричала куку надъ домомъ, то ду-
мали, и теперь думаютъ, что кукушка предсказываетъ
смерть кому либо изъ домашнихъ. Вѣщій голосъ ея

наводилъ страшное уныніе на весь домъ. (*) Если кто услышитъ ее въ первый разъ, имѣя при себѣ деньги, тому быть богатымъ. Услышитъ ли дѣвушка, имѣя при себѣ деньги, быть ей за мужемъ за богатымъ. Поселянинъ, начинающій въ первый разъ свою работу при кукушкѣ, увѣренъ, что его трудъ не останется безъ вознагражденія. — Донинѣ господствуетъ мнѣніе, не только въ Россіи, но и въ Европѣ, что когда кукуетъ кукушка, надобно предлагать ей вопросы о долготѣи своей жизни, и сколько разъ она прокричитъ, столько лѣтъ жить на свѣтѣ. — Случалось слышать, что самые старики, стоящіе одной ногою во гробѣ, спрашивали у кукушки: кукушка, кукушка! скажи: сколько

(*) Жъ числу зловѣщихъ птицъ принадлежатъ: воронъ, грачъ, сымъ, сова, филинъ, пугачъ и сорока. Названіе зловѣщихъ птицъ получили за дикій и презангелный ихъ крикъ, напр. пугачъ и лѣсной филинъ воютъ среди глухой ночи, голосомъ отчаяннаго человека, зовущаго къ себѣ на помощь или кричаго ребенка, иногда же хохочутъ, стонутъ и ржутъ. Суевѣры носятъ при себѣ когти филина, чтобы отвратить отъ себя зло. Если веронъ или другая птица набудетъ изъ зловѣщихъ птицъ, прокричитъ на кровлѣ, то быть ей дождь покойнику.

Въ Москвѣ сохранилось повѣрье о сорокѣ, будто бы предавшей боярыня Кучку. Известно, что Москва основана на мѣстѣ убіенія Кучки, и когда онъ, желая избѣгнуть своихъ убійцъ, спрятался подъ однимъ кустомъ, тогда сорока своимъ сокопанемъ указала несчастнаго Кучку, который умирая промолвилъ ей: Отсюда, радилось взрваніе, что: сороки изгнаны навсегда изъ Москвы. —

Разсказываютъ еще, что Марія Мвишекъ, жена самозванца Дмитрія, была вѣдьма, и когда убили ее мужа, тогда она перекинулась въ сороку и вылетѣла въ окно изъ своего терема. За это были прокляты всѣ сороки. — Охотники до взрваній утверждаютъ еще, что она прокляты однимъ вѣдьмнымъ старцемъ за то, что одна сорока унесла послѣдній кусокъ его сыра.

лѣтъ мнѣ жить на свѣтѣ? — Она бывало прокричитъ разъ сорокъ; старики радуются и разсказываютъ объ этомъ встрѣчному и поперечному. — И кто не хочетъ жить! Но оказывалось, и весьма часто, что пророчество кукушки было недѣльное, какъ ворожеевъ: старики не переживали полгода. Молодыя дѣвушки, и все неопытное, любятъ спрашивать у кукушекъ. Случалось, что на вопросъ о ихъ долголѣтїи, кукушка прокричитъ разъ пять или два раза. Сколько тогда горестей отъ ея зловѣщаго голоса! — Но молодыя, на перекоръ вѣщанїю, живали до глубокой старости. — Въ Малороссеї дѣвушки, услышавъ кукушку, останавливаются съ трепетнымъ волненїемъ и спрашиваютъ: зозуля, зозуля! скажи: чи багацько осталось мени жыты? Зозуля молчитъ; охъ вновь повторяютъ вопросъ; зозуля не отвѣчаетъ; охъ сердятся, но спрашиваютъ, и вдругъ она какъ нарочно, прокукуетъ одинъ разъ; тогда разсерженныя бросаютъ на нее землю, сгоняютъ съ дерева, говоря: бреше зозуля! — Когда льстятъ намъ, тогда мы вѣримъ и самой лжи. — Въ народѣ осталась пѣснь на кукушку:

Прилитила зозуленька,

Зѣ темнаго лисочку;

Сила, пала, заковала,

У зеленымъ садочку.

Ой, якъ выйшла Дунячка,

Въ ней запытала:

Скажи мени, зозуленько,

Чи довго буду въ батька?

Будешъ, мила Дунячко,

Весь день до вечера,

Бодай же ты, зозуленько,

Симъ лить на ковада,

Що ты мени, молоденькой,
Правды не сказала. — (')

Во многихъ малороссійскихъ думахъ и пѣсняхъ, отразился пророческій голосъ кукушки; на примѣръ въ думѣ о гетьманѣ Наливайкѣ, по возстаніи его претиву Польши (въ 1596 г.) (**).

Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля кувала.
Шо вона кувала, про межъ святыхъ чувала,
Що вона кувала, тому й бути статы.

Въ думѣ: походъ на Поляковъ, за смерть Павлюка,
(1639 г.);

Закриче воронъ, степомъ летючи;
Заплаче зозуля, лугомъ скачучи;
Закуркуютъ кречеты сизы,
Да все усе по своихъ братахъ;
Загадаются орлики сизы,
Да все усе по своихъ братахъ,
По буйныхъ товарищахъ козакахъ!

Мандри-
ки и за-
вѣваніе
вѣнковъ.

Въ Малороссіи существуетъ повѣрье, что если кричитъ кукушка, послѣ дней Петра и Павла, то это значитъ, что не будетъ изобилія въ хлѣбѣ. — Въ день св. Апост. Петра и Павла пекутъ изъ творогу, на масле и яйцахъ, круглые небольшіе сырники, которые называются мандриками, и ѣдятъ ихъ, въ томъ вѣро-

(*) Сахар. Сказ. Русск. нар. изд. 1841 г. т. I см. малороссійскія пѣсни, подъ статью Троицкія с. 272, причислилъ ее къ троицкимъ пѣснямъ. — Ее поютъ во всякое время, и она сочинена на счетъ гадающихъ, особенно, когда дѣлаютъ загадки кукушкѣ.

(**) Максим. Украин. нар. пѣсни с. 24-28, изд. Моск. 1834 г.

ванія, что кукушка не будетъ кричать болѣе. Если послѣ этого времени кукушка кричитъ, то она кукуетъ уже такъ, какъ будто бы чѣмъ нибудь подавилась, почему и говорятъ: зозуля подавилась мандрикою. У Нѣмцевъ такъ же есть повѣрье, что если кукушка перестала кричать, послѣ Иванова дня (іюня 24); то навѣрно будетъ голодъ въ томъ году. — (*)

Въ орловской губерніи на праздникъ Петра и Павла, дѣвицы и молодые мушны ходятъ въ лѣсъ завивать вѣнки. Съ собою берутъ яйца варенныя, пироги и коровай: печеные на яйцахъ, маслѣ и молокѣ; угощаютъ другъ друга. При плетеніи вѣнковъ поютъ хоровадные пѣсни. Боятся заходить далеко въ лѣсъ, вѣря, что русалки скрытно качаются на зеленыхъ вѣтвяхъ, нападаютъ на людей и зашекочиваютъ ихъ до смерти.

Во многихъ мѣстахъ совершается поселянами крещеніе кукушекъ, въ третье, иногда въ пятое, шестое или седьмое воскресенье по Пасхѣ, а болѣе въ день женъ мирносецъ. — Женщины идуть въ лѣсъ, выбираютъ тамъ двѣ молодыя кудрявыя березки, и вагнувъ ихъ, переплетаютъ вѣтвями; потомъ связываютъ платками и полотенцами, образуя изъ нихъ вѣнокъ, къ которому привѣшиваютъ два креста. Двѣ женщины, желающія жить въ дружбѣ, или какъ онѣ говорятъ: покумиться, ходя вокругъ вѣнка въ разныхъ направленіяхъ, цѣлуются крестообразно, три раза сквозь вѣнокъ. Прочія женщины поютъ между тѣмъ:

Ты кукушка ряба,

Ты кому же кума?

Крещеніе кукушекъ и кумованье.

(*) Объ этомъ я слышалъ, когда я былъ въ Вань. Прогуливаясь по саду съ однимъ Нѣмцемъ, я услышалъ кокушку. Нѣмецъ немедленно замѣтилъ мнѣ, что ея крикъ въ это время, предвѣщаетъ неурожай.

Покумимся кумушка,
 Покумимся голубушка:
 Чтобъ намъ съ тобою не бранится.

За тѣмъ онѣ мѣняются крестами, именуются съ того времени кумушками и живутъ между собою въ дружбѣ. — Послѣ готовятъ женщины яшницю, пируютъ и пляшутъ подѣ плясовыя пѣсни. — Въ орловской губ. кумятся и мушины. Кумы, надѣвъ крестикъ на траву кукушку, кладутъ ее на разостланный платокъ, садятся вокругъ, мѣняются крестами и вступаютъ въ кумовство. Потомъ ѣдятъ яшницю. (*)

Въ Литвѣ, на третій день Свѣтлаго Воскресенія, собираются изъ деревни молодыя дѣвушки и мушины, въ одинъ домъ. Тамъ поютъ сначала разныя пѣсни, и потомъ пляшутъ танецъ *gaguzi*. Дѣвица особой красоты, управляетъ этимъ танцемъ и называется *goguzio* (*giegiely*). — Она садится на стулѣ съ завязанными глазами, — прочія дѣлаютъ около ея коло и пляшутъ. Послѣ каждаго круга подходятъ мушины къ сидящей, и взявъ за руку, поютъ:

Царица кукушка, — куку, куку!

Она отвѣчаетъ:

Я твоя, братецъ, — куку, куку!

Царица, узнавъ голосъ, милый для ея сердца, развязываетъ свои глаза, избираетъ трехъ молодцевъ, и

(*) Бродовск. Путеш. отъ Триаса до С. Петербур. 1840 г. ч. 1. в 2.

танцуютъ съ ними; но преимущественно отъ тѣмъ же ей ближе къ сердцу. При разставаніи съ ними она даритъ каждому своей работы по построму кушанью: молодцы дарятъ ее съ своей стороны. Съ этихъ поръ дѣвушка называетъ ихъ братьями, а они ее сестрой. Эта забава, вѣроятно произошла изъ народнаго преданія о сестрѣ и трехъ братьяхъ, которые, подъ начальствомъ неустрашимаго литовскаго князя Кейстута, пали на полѣ битвы противу рыцарей меченосцевъ. Сестра не могла перенести горести; она оставила родительскій домъ, скиталась по лѣсу и рыдала. Верховный литовскій богъ, сжалившійся надъ нею, превратилъ ее въ кукушку. —

Въ Россіи вдова и сирота называются простолюдинами *горемычною кукушкою*, *горькою кукушкою*. Есть даже трава *кукушкины слезы*. (*orchis latifolia*) (*)

Въ народной сказкѣ *дѣвица красавица*, говорится, что она превращена чародѣикою въ *кукушку*, по собственному ея желанію, чтобы жить не разлучно съ тремя убитыми на войнѣ ея братьями, которые всякую ночь являлись къ ней, и просили не разставаться съ ними. (**)

Въ какомъ видѣ они являлись къ ней? — объ этомъ

(*) Сынъ отъ 1836 г. №. 16.

(**) Въ вѣнскомъ народѣ сохранились преданія: о превращеніи; происхожденіи и значеніи некоторыхъ предметовъ, о которыхъ онъ толкуетъ по своему. Представляемъ здѣсь нѣсколько образцовъ.

Превращеніе Двѣпра, Волги и Двины (западной).

Двѣпръ, Волга и Двина, были прежде людьми: Двѣпръ, — братъ, а Волга и Двина, — сестры. Еще въ дѣтствѣ остались они круглыми сиротами, и не дивя куска хлѣба, должны были сидѣть пропитаніе дневной работою, не по ихъ силамъ. — Когда это было? Очень давно, говорятъ старыя люди, и драгды наши

ничего не говорить сказка, которая безъ сомнѣнiя перелѣлана изъ литовскаго повѣрья. — Самогитскiя дѣвицы донынѣ поютъ:

не помнить. — Выросли братья и сестры, а счастья имъ не вѣсть, какъ вѣть. — Каждый день, съ утра до вечера, все работа да работа и все изъ дневнаго пропитанiя. Одежда у нихъ была, какую Богъ послалъ! Найдутъ лоскутъ въ сору, и тѣмъ прикроютъ свое тѣло. Натерпѣлись бѣдные холоду и голоду; надоело имъ житье, хуже горькой рѣвки! Одинъ разъ, послѣ трудной работы въ моль, сѣли они подъ кустъ, дожидать поспѣвшаго хлѣба кустъ; съѣвши его: доплакали, потужили, думали и придумывали, какъ бы имъ прожить свой вѣкъ, и имѣть свой хлѣбъ; какъ бы имѣть одежду, и ничего не работая, кормить и поить другихъ. Вотъ придумали: отправиться по бѣлу свѣту искать тадану, а отъ людей привѣту; искать и отыскивать лучшихъ мѣстъ, гдѣ бы имъ можно течь большими руками, — а это было тогда вещь возможная. Ходили они, ходили; не голъ, не два, а безъ малого три, и выбрали они мѣста и сговорилсъ: кому гдѣ начать свое теченiе. Вся трое приобстановились ночевать въ болотѣ, но сестры были хитре брата. Едва Дивиръ уснулъ, онѣ встали потихоньку, заняли самыя лучшия и отлогiя мѣста, и потекли. Проснулся по утру братъ, посмотреть и слѣдъ простылъ сестеръ! Разсердился онъ и побѣждалъ догонять ихъ; но на дорогѣ одумался, рассудивъ, что человекъ не можетъ бѣжать быстрее рѣки, ударился объ землю, и поился догонять рѣкою: по рвамъ, по буеракамъ, и чѣмъ бѣжалъ дальше, тѣмъ злился больше. — Не добывавъ за нѣсколько верстъ до моря, гнѣвъ его утихъ, и потомъ скрылся въ море; а дѣв его сестры, бѣжавшия отъ него во время его погони, разбѣжались по разнымъ странамъ, и ушли на дво моря. — Когда Дивиръ бѣжалъ сердито, тогда онъ изрылъ крутые берега: отъ того онъ въ теченiи быстрее, чѣмъ Волга и Двина; отъ того онъ имѣетъ много рукавовъ и пороговъ.

Происхожденiе горъ.

Въ началѣ свѣта благоволилъ Богъ выдвинуть землю: Онъ повалъ чорта, велѣлъ ему вырнуть въ бездну водянную, что бы достать оттуда горсть земли и принесть Ему. Известно, что

Сестрица дорогая,
Кукушка пестрая,

Чортъ всегда идетъ противу Бога.—Ладно, думаетъ себя сатана, я самъ сдѣлаю такую же землю! Онъ нырнулъ, досталъ въ руку земли, и набилъ ею свой ротъ. Онъ принесъ Богу и отдасть, а самъ не произноситъ ни слова, потому что ротъ его былъ набитъ землею. Господь куда не броситъ землю, то она вдругъ является,—такая ровная, ровная! что на одномъ концѣ становишь, то на другомъ все видно, что делается на землѣ. Сатана смотритъ и все смотритъ; хотѣлъ что то сказать и перхнулся. Богъ спросилъ его: чего онъ хочетъ?—Чортъ закашлялся и побѣжалъ отъ испугу. Тогда громъ и молнія поражадо бѣгущаго сатану, и онъ, гдѣ приляжетъ, тамъ выдвинутся пригорки и горки; гдѣ кашленеть, тамъ выростеть гора; гдѣ привскачетъ, тамъ высунется поднебесная гора. И такъ, бѣгая по всей землѣ, онъ изрылъ ее: надѣлалъ пригорокъ, горокъ, горъ и привысокихъ горъ.

Происхожденіе рака.

Ракъ, назвкомое гадкое и прегадное, вопервыхъ потому, что онъ есть созданіе чорта, а во вторыхъ, что онъ есть пагуба для земноводныхъ и водяныхъ существъ. По созданіи животныхъ, чорту стало завидно, что онъ ничего не создалъ. Сталъ думать. Онъ долго думалъ и выдумалъ прехитрую вещь, преродливую штуку: правда онъ сдѣлалъ ее, да не зналъ назвать. Вотъ пошелъ онъ къ Богу и говорить: сдѣлалъ я штуку да не знаю, какъ назвать.—Отдай мнѣ, сказалъ Господь, я скажу, какъ назвать эту штуку.—Чортъ сталъ думать: чтожъ изъ того, что я сдѣлалъ? я сдѣлалъ, да не умѣю назвать: вотъ штука—да! такъ все равно, эта штука будетъ скататься по всему свѣту; тамъ люди узнаютъ и скажутъ: эта штука, прехитрая штука, никакъ какъ чорта! Подумалъ сатана и отдалъ на волю Господа Всемогущаго.—Богъ, сказалъ: пусть эта штука будетъ ракъ, и бросилъ его въ воду въ омутъ. Чортъ бросился туда и кричалъ отъ радости: ракъ! ракъ!—Отъ того говорятъ доселѣ: гдѣ раки зимуютъ, тамъ черти въ омутъ. означая этимъ, что такой человѣкъ знаетъ вся мѣста,

Ты кормишь
Братнихъ коней;

что такой человекъ пройдоха, — Хитрецъ, хоть ничкомъ да ползкомъ, но доберется своего, — ракомъ.

Вся старообрядцы ни за что въ свѣтъ не станутъ быть ракомъ. почитая ихъ созданиемъ дьявольскимъ,

Черемуха, дятлинка и медяница, запрещенныя для пчелъ.

Когда Богъ создалъ свѣтъ и человекъ не грѣшилъ еще, тогда Господь удостоивалъ своего лицевернiя и разговора, каждое творенiе рукъ своихъ. Изъ всѣхъ созданий. Онъ любилъ пчелу. Испытавъ ее неутомимое трудолюбiе, Онъ хотѣлъ испытать вѣрность ея, поэтому послалъ ее перечестъ всѣ цвѣты, которые разсыпалъ Господь по землѣ, и хотѣлъ знать: которыя изъ цвѣтовъ годны для меда, а которыя для воска? — Пчела полетѣла по всей землѣ и перечла цвѣты, и очень обрадовалась, когда увидѣла въ первый разъ черемуху, дятлину и медяницу. — Коварная мысль скрыть ихъ отъ Бога, въ ту же минуту бросилась въ ея голову. Про эти три цвѣтка, думала она, я не скажу Богу, потому что если Онъ захочетъ отвѣтъ у земли, всѣ другiе цвѣты, то будетъ довольно съ меня и моихъ товарищей, отвѣтъ трехъ; у нихъ больше всѣхъ меду и воску. Вздумана и сдѣлано. Она возвратилась предъ Бога, стала пересчитывать цвѣты, а объ черемухѣ, дятлину и медяницѣ, не сказала ни слова. Но Богъ спросилъ: все ли ты пересчитала цвѣты? — Въз, Господи, отвѣчала она — Если всѣ, то питаются ими, и снабжаютъ людей медомъ, но до тѣхъ, которые ты утаила, не смѣю догребаться. — Если возьмешь медъ съ черемухи, то просидишь 12 дней сыпкою; если возьмешь съ дятлины, то ни сама не изыщешь, ни въ улей не принесешь: ни меду, ни воску; если возьмешь съ медяницы, то сей же часъ умрешь. — Отъ этого пчелы не берутъ меду ни съ черемухи, ни съ дятлины, ни съ медяницы.

Смерть пчелы за ея злость.

Когда человекъ потревожилъ, еще въ первый разъ, жилище пчелъ, отвятилъ у нихъ меду и сотовъ; тогда пчелы такъ разсердились на человека, что повѣтали къ Богу. — Господи! ска-

Ты мотасишь,
Нити шелковыя.

заяи онъ, человекъ обижаетъ насъ: онъ отнимаетъ у насъ въ одинъ часъ все до, что мы собираемъ дѣлое лѣто съ великими трудомъ. Ты, Господи, дай намъ жало, а мы да сѣмъ поръ не знаемъ: на что употребить его! Позволь намъ ужаливать людей — Господь неволилъ имъ только защищаться отъ людей, своимъ жаломъ. — Въ наступившее лѣто, человекъ снова обобралъ пчелъ, не смотря на то, что онъ и кусалъ и жалилъ его, — Пчелы опять полетѣли къ Богу съ просьбою. Мы куда-деи человека, говорили пчелы, но онъ весь выгналилъ нашу медь. Правда, тѣло его распухло отъ нашего ужаливанія, поэтому мы думаемъ, что жало наше стало быть ядовитое: покуда намъ такъ ужаливать, чтобы человекъ умиралъ отъ жала нашего. — Вы очень злыя, сказали имъ Господь, и въ наказание за вашу злость, умирайте сами, когда ужалите человека или другое какое либо животное. — Съ тѣхъ поръ пчела, ужаливши человека, умираетъ сама. —

Птичка, сильно просишая пить.

Есть птичка, которая летая въ сухое время повсюду, жалко чиркаетъ и кричитъ: пни, пить, и вышаливается, чтобы дали ей пить. Люди рассказываютъ о ней съ соболъзнованіемъ. Когда Богъ создалъ землю и вдумахъ наполнить ее морями, озерами и рѣками; тогда Онъ повелѣлъ нити сильному дождю; послѣ дождя собралъ всѣхъ птицъ и приказалъ имъ помогать Ему въ трудахъ: чтобы онъ носили воду, въ назначенныя имъ мѣста. — Вся птицы повиновались Богу, а эта несчастная, мать, она сказала Богу: мавъ не нужны ни озера, ни рѣки, и ни камушка, ни пенька. — Господь разгнѣвался на нее, и запретилъ ей и ея потомству, даже приближаться къ озеру, рѣкѣ и ручейку, а позволяя утолить жажду только той водою, которая после дождя, остается на неровныхъ мѣстахъ и между камнями. — Съ тѣхъ поръ бѣдная птичка безпрестанно плачется людямъ, жалобно проситъ пить, пить!

Скажи кукушка:
Скоро ль мнѣ за мужъ?

Колосъ прежній и тотъ, что нынѣшній.

Въ старину, а какъ давно, никто не помнитъ, рожь была не такая, какъ въ наши годы: съ корня одна солома, а на самой макушкѣ колосокъ, а тогда отъ корня до самаго верху, былъ колосъ, да наливный колосъ, что твое яблочко наливное! Отъ чего рожь такъ извѣвилась? - Отъ того, что у бабъ волюсь дологъ, да умъ коротокъ; отъ того, что народъ сталъ грѣшить съ каждымъ днемъ, болѣе и болѣе. - Одинъ разъ бабы, собравшись толпою, пошли жать рожь послѣ дождя, а она еще не просохла послѣ Божьяго дождя: она была полна воды и зерекъ, частыхъ зеренъ, какъ часты звезды. Бабамъ тяжело показалось жать; онѣ, чтобы помочь своему горю, стали бранить рожь на перерывъ. Одна говорила: чтобъ ты пропала, окаянная! другая: чтобъ тебѣ ни всходу, ни умолоту! третья: чтобъ тебя проклятую сдернуло съ низу до верху! - Последняя брань понравилась всѣмъ бабамъ, и онѣ въ одинъ голосъ закричали: чтобъ тебя проклятую сдернуло снизу до верху! - А Господь Богъ вездѣшній, разгнѣванный ихъ ропотомъ, забралъ колосья и началъ истреблять по одному. - Бабы стоять да смотреть. - Когда осталось Богу выдернуть послѣдній колосъ, нашъ колосъ сухощавый и щедушный; тогда собачи стали просить, чтобы Господь оставилъ на ихъ долю, сколько нибудь колоса. Господь сжалился надъ ними, и оставилъ имъ колосъ, какой видимъ нынѣ.

Происхожденіе одежды.

До согрѣшенія Адама и Евы, они ходили нагими; не чувствовали ни зною, ни холоду и не знали стыда, потому что были праведные; тѣло ихъ, вмѣсто одежды, было покрыто бляю какъ эмаль, и мягкой какъ пухъ кожицею, называемой чешуею. Но когда они согрѣшили, тогда Господь покрылъ ихъ стыдомъ, - обнажилъ ихъ, и въ воспоминаніе того, чѣмъ тѣло было покрыто, оставилъ на пальцахъ рукъ и ногъ, по маленькому значку, называемому нами ногтями, и съ тѣхъ поръ людямъ стала одежда необходимая.

Сколько прокукуетъ кукушка, чрезъ столько времени должно исполниться желаніе дѣвухи. (*)—Изъ всѣхъ этихъ преданій видно, что кукушка у иныхъ представлялась предвѣщательницею, у другихъ несчастною дѣвухой или горемычною сиротою.

Въ Норвегіи празднуется *кукушкинъ день*, но у насъ на Руси не было кукушкина праздника. Безъ сомнѣнія, вѣрованіе въ голосъ кукушки, господствовало у насъ съ весьма давняго времени; однако оно никогда не было предметомъ поклоненія.

Въ народѣ есть повѣрье, что у кукушки нѣтъ самца, но его замѣняетъ ястребъ; что она кладетъ яйца въ чужія гнѣзда.—Жалобный голосъ ея, возвѣщаетъ ее страданіе. Будтобы, во время Воскресенія Спасителя, когда всѣ птицы пробудились и прославляли возставшаго изъ мертвыхъ: одна кукушка опоздала, и теперь въ наказаніе, должна страдать и влечить жизнь одинокую. — Думаютъ, что кукушку можно словить безъ всякихъ хитростей: стоитъ только, когда она кукуетъ на деревѣ, опоясать его поясомъ, и тогда она никуда не улетитъ.

(*) Сынъ отеч. 1836 г. № 16.
Часть V.

VI.

КУПАЛО.

Поклоненіе огню и водѣ, очищеніе огнемъ и водою, Источа-
ніе огня
и водн. возжиганіе огней и перескакиваніе чрезъ нихъ, все это употреблялось въ глубокой древности на востокѣ у всѣхъ народовъ.

Индѣйцы поклонялись огню и водѣ, но Персы особенно чествовали огонь. Гвевры, доселѣ слѣдующіе ученію Зороастра, видятъ въ огнѣ бога или духа повсюднаго. Греки и Римляне, держали во храмахъ очистительные огни. Во храмѣ богини Весты, безпрестанно горѣлъ предъ ея истуканомъ неугасимый огонь, который былъ столь священъ, что если онъ нечаянно погашался; то Весталку погребали живою въ землю. На праздникахъ Цереры, Палесы или Весты, и Палиліи, скакали черезъ зажженные огни, для очищенія себя отъ грѣховъ. Овидій говоритъ, что не только поселяне, но и скотъ перепрыгивалъ черезъ огонь три раза, и кропялся омоченою въ водѣ лавровой вѣтвию. Татары переводили свои стада черезъ огонь. Представлявшіеся хану обязаны были прежде пройти черезъ огонь, и потомъ поклониться тумирамъ. Подарки, какіе приносились ему, очищались огнемъ. Князь черныговскій Михаилъ, когда прибылъ въ станъ къ Моголамъ (1246 г.), не хотѣлъ вступить въ шатеръ

Батыевъ, чрезъ разложенные огни. Тогда волхвы и благодетели суевѣрныхъ обычаевъ, требовали, чтобы онъ шелъ черезъ разложенный предъ ставкою огонь, и поклонился священному кусту, огню и кумирамъ. Онъ отринувъ ихъ требованіе, сказавъ: «христіянинъ не служитъ ни огню, ни глухимъ идоламъ.» Ему объявили гнѣвъ Батыя, и что онъ долженъ повиноваться, или умереть. «Да будетъ такъ» отвѣчалъ князь. «Возьмите славу міра, хочу небесной.» Убійцы бросились на него по данному знаку и мучили; наконецъ одинъ изъ нихъ отсѣкъ ему голову. (*)

Общее
употреб-
леніе ог-
ня.

У Нѣмцевъ долгое время существовалъ древній обычай переходить черезъ ивановскій огонь, и переводить черезъ него свои стада. Оставшіеся угли, клали въ хлѣвъ и стойла, для предохраненія скота отъ всякой заразы; золу бросали на поля и огороды, для истребленія вредныхъ насѣкомыхъ.

Ивановскіе огни въ употребленіи почти во всей Германіи, Россіи, Польши, Богеміи, Моравіи, Далмаціи и другихъ славянскихъ странахъ. Это остатокъ древняго языческаго обыкновенія, но навѣрное нельзя сказать, кто изъ нихъ отъ кого позаимствовалъ.

Скаканіе имѣетъ свое особое знаменованіе. У иныхъ оно означаетъ освобожденіе отъ колдовства и болѣзней; у другихъ, когда высоко скачутъ, предзнаменовываетъ изобиліе льна и долгую жизнь. Скакали еще черезъ огонь на лошадей, или бросали въ пылавшій костеръ лошадиную голову, чтобы воспретить появленію колдуновъ. (**)

(*) Кар. Н. Г. Р. т. IV. с. 38-35. прим. 41. изд. 1817 г.

(**) Ueber die alten Slawen, т. 1. с. 86.; Ant. Tkany: Mythol. II. с. 43.; Kollar. Národn. Zpiew. ч. I. с. 426-427., ed. Budn. 1834 г.

Варроуъ, (*) пишетъ, что поселяне, натаскавъ кучу сѣна и соломы, зажигали и сжигали для очищенія себя. Квинтиліанъ Цицеронъ, въ письмахъ къ своему брату, знаменитому Марку Туллію Цицерону, говоритъ, что Бритты праздновали лѣтнее солнцестояніе, подъ именемъ *Гранія*, бога солнца. На канунъ солнцестоянія, они раскладывали огни по горамъ и холмамъ. Женщины, дѣти и стада животныхъ, перепрыгивали черезъ огонь въ честь божеству. Толпа народа хранила таинственно-глубокое молчаніе, пока не показывалось солнце на небосклонѣ. И едва оно появлялось, тотчасъ привѣтствовали его радостными восклицаніями. (**)

Многіе идолопоклонническіе обряды, смѣшавшись въ Европѣ съ христіанскими, отражали долгое время суевѣрные празднованія. Надобно было великихъ усилій, чтобы измѣнить ихъ, но это не могло послѣдовать прежде смягченія нравовъ. Не ранѣе XVI в., когда просвѣщеніе восторжествовало надъ грубостію нравовъ, начали примѣтно отставать отъ языческихъ праздниковъ, но все они остались въ воспоминаніи.

Почти во всей Европѣ празднуется Иванъ Купало, и онъ совпадаетъ съ лѣтнимъ солнцестояніемъ. Въ средней Германіи это время называется переходомъ солнца (*Sungihite*). Ивановымъ днемъ (*Иванстаг*), Ивановымъ огнемъ (*Иванифеуер*), въ Саксоніи поворотомъ солнца (*Sonen-wende*), въ Даніи и Англіи пол-лѣтнею ночью (*midsummersnat*, *midsummerseve* и *midsummersniht*) и праздникъ св. Ивана (*Sanct Hans Aften*); въ Италіи Сабатина (*sabatina*). Въ Силезіи, Богеміи и Польши

(*) Opera Varronis., ed. Bipon. 1788 г. in 8

(**) Guthrie: Disserti Sur les antiquités de Russie, c. 75. ed. S.-Peterb. 1795 г.

собоити и *собоутка*. Нѣкоторые производятъ это слово отъ *собица*, пособлять, а другіе отъ бога *Саботы*. Въ Силезіи былъ идолъ *Сабиты*, который стоялъ на горѣ *Сабиты*. У венгерскихъ Словаковъ: *святотомскій огонь*, *саямо*, *саяно*, *саянокъ* и *субатка*. *Ваямо*, *саямо* у Словаковъ, значить нымѣ большой огонь. Если Словакъ видитъ большой огонь въ кухнѣ, то онъ обыкновенно говоритъ бо *kladeš taklo wajuco?* Къ чему разводилъ такой большой огонь?—Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ писателей выводили ивановскій огонь, отъ сожженія Іоанна Гусса, знаменитаго богемскаго обличителя напсннхъ злоупотребленій, и что будтобы Чехи и Моравы, вслѣдъ за ними всѣ прочіе Славяне, установили годичное торжественное поминованіе по его смерти. (*) У Сербовъ и Иллирійцевъ, *Ивань*. У Сербовъ господствуетъ мнѣніе, что въ Ивановъ день солнце останавливается три раза на своемъ теченіи. Тутъ зажигаютъ еще факелы и бересту, и обходятъ съ ними хлѣва и пастбища; потомъ идутъ на горы, и сожигаютъ при пляскахъ факелы и бересту. Истрийскіе Славяне кормятъ чурбанъ хлѣбомъ, потомъ бросаютъ его въ огонь. Сербы, въ Ивановъ день, вѣшаютъ еще вѣтки на кровляхъ, домахъ и хлѣвахъ, для удаленія злыхъ духовъ. У Кроатовъ и Краинцевъ называется Ивановъ огонь *кресъ*,—отъ слова *кресать* (доставать огонь чрезъ кремень); въ Уснокѣ у Далматовъ *колада*. (**).

(*) Іоаннъ Гуссъ сожженъ на Констанскомъ полѣ, 1415 г. іюля 6., между тѣмъ богемскій ученый, Гаекъ, говоритъ въ своемъ сочиненіи 1383 г. объ ивановскомъ огнѣ за нѣсколько лѣтъ до смерти Гусса. Онъ замечаетъ еще, что въ его время жгли въ Прагѣ *святотомскіе* огни.

(**) *Koňar Narod. Zpiew.* ч. I. с. 425-429.; *Pauli* : — *Pieśn. ludu polsk. w Galicyi*, с. 19-25, *Lw.* 1838 г.; *Goleb: Lud. polsk.*

У наших предков совершалось большое празднество въ честь Ивана Купала, какъ бы въ воспомина- ние неугасимаго огня. Остатки этого древняго обря- ча, до нынѣ соблюдаются у простаго народа на всей Россіи, особенно въ Малороссіи; и всегда приходится іюня 23 предъ Рождествомъ Іоанна Предтечи (24 іюня). Въ западно-южной Россіи онъ называется Ивановъ, а въ сѣверо-восточной, предъ именъ мученицы Аграфины (23 іюня), Аграфены купальницы.

Откуда же перешелъ Купало въ Россію? На это нельзя отвѣчать утвердительно, но можно сказать, что это восточныхъ народовъ празднованіе, измѣненное въ- ками въ разныя названія и обряды. Намъ извѣстно, что еще съ VII в. по Р. X, строго воспрещалось рас- кладывать огни, скакать чрезъ нихъ и отправлять раз- ныя забавы, которыя совершались всякій разъ при на- рожденіи новаго мѣсяца. (*) Но въ Россіи никогда не было бога Купала, какъ нѣкоторые считаютъ его бо- гомъ земныхъ плодовъ. (**) Въ мѣсяцѣ XVII в. мы

(*) Maciejow. Pamiętn. o dziejach plem. i prawod. Słow. ed. 1890. ч II. к. 83 — Нѣкоторые изъ писателей видятъ въ Купалѣ индѣйское божество. — Dubois: Moeurs constitutions et ceremonies des peuples de l'Inde, t. I. и 2. Par. ed. 1845 г.

(**) Таковое ошибочное мнѣніе имелъ Гизель въ своемъ Си- ноисисѣ, ему послѣдовалъ св. Дмитрій Ростовскій, см. его четьи мнѣю, и другихъ писателей славянской мнѣологии. — Въ наше время появилось странное мнѣніе о происхожденіи Ку- пала, а именно г. Сабинина, см. журн. мнѣ. нар. проев. за 1861 г. ч. XXXI. с. 21. Онъ говоритъ, что религія въ древней Россіи была скандинавская, а не славянская; что Купало есть скандинавскій Валдюръ, основываясь на томъ, сами передаютъ, что Балдюръ, бивъ сожженъ на кораблѣ, ушелъ въ воду, а потомъ чрезъ нѣсколько времени вышелъ Купаломъ изъ моря. — Вся статья Сабинина преполнена невѣроятными выводами,

встрѣчаемъ имя Кувала. У Каринго-Россого и Анто-
цава, поютъ въ Ивановъ день пѣсни въ честь Ладо;
украшаютъ свои ручки цвѣтами и древесными вѣтвя-
ми; собираютъ травы, почитаемыя предохранительны-
ми отъ всякихъ болѣзней. Старо-Пруссы или Борусы
и Старо-Литовцы, зажигали предъ Ивановымъ днемъ
огни: подъ липами, въ честь Лиго, бога весны и ве-
селія. Во всю ночь шѣли и плясали, съ пригѣвомъ:
лиго, лиго! (*)

которые отчетливо разобраны Н. В. Савельевымъ-Ростислави-
чемъ, см. Славян. сборн. с. CXZIV—CZII.

(*) Снегур. Русск. прост. празд. и пр., выпускъ IV, стр. 27.;
v. Rhesa: *Preußische Volkslieder*, ed. Königsb. 1809 г. Во мно-
гихъ русскихъ простонародныхъ пѣсняхъ, сохранились припѣ-
вы: Ой дядь-ляда, деля и люли. Некоторые польскіе писа-
тели, считая Ладо за славянское божество, произвели на свѣтъ
близнецовъ Деля и Полеми. Нѣтъ никакихъ историческихъ на-
мянниковъ, которые бы свидѣтельствовали дѣйствительность
этихъ боговъ-близнецовъ. Припѣвы: деля, полели, делуя,
делю и лело, употребляемыя до нынѣ въ пѣсняхъ галиційскихъ,
польскихъ и венгерскихъ Славянъ, Сербовъ и проч., не
доказываютъ еще существованія боговъ: Ладо, Деля и Полеми.
Они, какъ русскіе припѣвы: ой дядь-лядо, ой люли, люли,
суть ничто иное, какъ общепринятая для обрядныхъ и хо-
роводныхъ пѣсней окончанія. Въ Польшѣ съ давнихъ временъ
употребляли въ пѣсняхъ, сходственное съ люли, *лемоме, пол-
ломь*.—Польскіе летописцы: Кромеръ, Стрыйковскій и Гвашицъ,
говорятъ, что въ ихъ время, подгулявшіе на веселой бесѣдѣ
Поляки, пѣли съ причитаніемъ въ каждому: стиху: *лемоме,
полломь*.—въ послѣдствіи измѣнилось это на *ле-луд, эй-ле-луд*.
Въ Бѣларусіи этотъ возгласъ обратился, въ концѣ XVI в., въ
галале, леле, и употреблялся даже при оплакиваніи умершаго.
*Галале, леле! и прочь-тѣй мене умарь, Іа за тѣмъ нямале, что ес-
ти, аабо пити? и прочь-тѣй умарь! Галале, леле! Іа за тѣмъ
нямале краевъ и молодича? Іа прочь-тѣй умарь! Ой-леле, леле!*

Купало всего кажется правильнѣе производить нежно отъ глагола *купаться*, потому что въ это время повсюду купаются въ рѣкахъ, и самыя пѣсни, напримѣръ малороссійская: *купався Иванъ, та въ воду упавъ, или венгерскихъ Славянъ:*

*Яна, Яна, на сватега Яна,
Купала се свата Аня и пр.*

Эти выраженія подтверждаютъ значеніе Купалы. Нѣкоторые противопоставляютъ этому слову: *купа* (*), *копание*, отъ копанія корней и кладовъ, а наконецъ нѣкоторые ищутъ сходства *куны* въ индѣйскомъ *купаль*. (**)

Огонь, чрезъ который перескакиваютъ, знаменуетъ Очища-
тельный
огонь. очищающий-Очищительные или священные огни, назывались у Англо-Саксовъ *podtug*, у Датчанъ *midsemmerstaal*, у древнихъ Нѣмцевъ *anzfug*, *redfeuer* и *rotfeuer*, кои, по ихъ мнѣнію, предохраняли отъ заразы и болѣзней, и возжигались для умилоствленія усопшихъ тѣней. У Финновъ называли *коко*, т. е. костеръ, зажигаемый ночью среди лѣса, по большой части на горѣ. Въ Эстляндіи и Лифляндіи сохранилось имя *ивановскаго огня*. Тамъ поселяне поютъ пѣсни хоромъ, при-

---

Ой леле, леле!—Для чего ты померь? не доставало ли тебѣ чего ѣсть и пить?—Для чего же ты померь? Ой леле, леле! Не ималъ ли ты прекрасную жену? И ты померь! Ой леле, леле; ой леле, леле! — Paul Piesn. lud. polsk. с. 3.; de Russor. et tartar. religione, ritu, etc. съ статья: Meletii: de relig. et sacrificiis veter. Borussorum, с. 262. ed. 1582 г.

(*) *Купа* польское и малороссійское значатъ кучу. Поэтому производятъ Купалу отъ нучи хворосту, зажигаемаго въ то время.

(**) Слегир. Руск. прост. празд. и пр., вып. I. с. 59 и вып. IV. с. 19.

бавляя къ каждой строгѣ: касинѣ, каникѣ. Въ VIII ст. господствовалъ, между турнигскими Славянами, Яновъ огонь. На островѣ Мальтѣ рыцари мальтійскаго ордена Иоанниты, ходили вокругъ зажженнаго огня. (*)

Обрядъ
празднованія
Купалы, об-
щій меж-
ду Сла-
вянами.

Съ древнихъ еще временъ многія юго-западныя славянскія племена, празднуютъ день Купалы, какъ нынѣ. Дѣвицы плели вѣнки изъ цвѣтовъ, возлагали ихъ на головы, и взявшись за руки, скакали около огня. У Сербовъ ведется донинѣ ежегодное празднество, Иванье. Тамъ пастухи, на канунъ Иванова дня, жгутъ около хлѣбовъ березовыя и черешневая лыжи. Въ сумерки зажигаютъ уже огни и веселятся. Сербскія дѣвушки плетутъ вѣнки изъ ивановской травы, кладутъ ихъ на крыши домовъ и въ стойла, чтобы предохранить скотъ отъ злыхъ духовъ и всякаго чародѣйства.—Нѣкогда купали истукана въ водѣ и обливали его водою. — При плетеніи вѣнковъ поютъ:

Иванено вѣсть,
Иванъ я бере, те бере,
Майцы я бере у крыло,
А майка скрила на землю (**).

Въ Польшѣ съ давнихъ временъ употреблялись собутки. Польскій ботаникъ Мартинъ, который описываетъ собутки въ концѣ XVI в., говоритъ, что дѣвушки въ его время не оставляли этотъ языческій обычай: приносили травы въ жертву, дѣлали вѣнки и ими украшали себя. Въ этотъ дьявольскій день, какъ

(*) Свевигр. Рус. прост. прад. и пр. выш. IV. с. 26 и 27.

(**) Рачъ: Ист. разв. слов. нар., кн. I. гл. XXI над. Визское; Pauli: Pieśn. lud. polsk. w Galic, с. 24. ed. Lw. 1837 г.

онъ выражается, разводили огонь, который доставали через трещіе досокъ, чтобы празднество было точно дьявольское, въ коемъ принимали участіе самыя демоны. Пѣли сатаническія пѣсни, скакали, и съ ними снакалъ отъ радости дьяволъ, которому онѣ молились в его восхвалили, а Бога забывали. Въ день св. Іоанна никого не бывало въ церквѣ, потому что все проводило собутки съ бѣсами со всякимъ безчинствомъ. Женскій полъ, до разведенія огня, ходилъ въ поле искать разныхъ травъ, и собранныя, въ этотъ день травы, имѣли чудесную силу. Примѣчательнѣйшія изъ нихъ были: Ивановъ, цвѣтъ, лопухъ, богородицкая трава и медвѣжье уко. Дѣвушки вили изъ нихъ вѣнки, пускали ихъ на воду и гадали по ихъ плаванію. Чей тонуть, той не выйдти за мужъ. Другія, сшивъ вѣнки изъ богородицкой травы, святили ихъ въ церквѣ и хранили у себя круглый годъ. Во время людскихъ болѣзней и скотскаго падежа, поили настоемъ изъ тѣхъ же вѣнковъ. Такой обычай господствовалъ и въ червонной Россіи.

Въ XVI ст. мушкетеры и женщины, холостыя и женатыя, выходили изъ селенія съ радостными пѣснями; разводили огонь на горѣ или въ роцѣ при рѣкѣ, плясали вокругъ и скакали черезъ него. Дѣвушки часто пѣли гадательныя пѣсни, и замѣчали по разнымъ примѣтамъ: исполнятся ли ихъ сердечныя желанія?

Dwanascie dziewek,
 Jednakó ubranych,
 Bylycá opasanych,
 Spiewac nauczone,
 W tańcu nie zganione.

Ogień napalono na dworze,
 Ciekano rannej zorze.
 Od malek moly,

Ze na dzień 6. Jana,
Sobotka palana. (*)

Нынѣшніе поселяне удержали въ Польшѣ и Галиціи, почти тѣже самыя обыкновенія: тамъ донынѣ еще вѣрятъ, что тотъ, у кого болитъ голова и находится при огнѣ *собутки*,—пройдетъ немедленно головная боль. Богородицкою травой запасаются для того, чтобы во время жатвы не болѣлъ спинный хребетъ. Въ другихъ мѣстахъ въ день св. Іоанна крестителя, выходятъ поселянки до солнечнаго восхода, на дугъ, и растилаютъ по росаной травѣ полотняные передники. Принесши ихъ домой, намоченные свято-ивановской росой, выжимаютъ ее и хранятъ для употребленія. Думаютъ, что умытое лице этою росой, придаетъ свѣжесть, красоту и прелесть. Ищутъ еще рано по утру двухъ сросшихся во ржѣ колосьевъ.— При танцахъ и другихъ забавахъ поютъ:

Ianie! Ianie! Święty Ianie!
Cóżeś nam przyniósł nowego?
Cóżeś nam przyniósł nowego?
Ianie! Ianie! Święty Ianie!
Przyniosłem ja rosy,
Dzieweckom dla kraszy;
Także macierzanki,
Panienkam na wianki.—
Ianie! Ianie! Święty Ianie!

—
Ku Dunajowi, ku głębokiemu;
Oj ku lasowi, ku zieloniemu!
Oj palą, palą sobótkę,
I piją piwo i wódkę.—

(*) Golebow. Gry i zab. c. 295.

Kto na sobótce nie będzie, —
Glowka go boleć wciąż będzie

Чехи раскладывали ивановскіе огни въ собутки, которые называются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *купадломъ* (купаломъ). Они раскладывали не только по полямъ, но и въ городѣ, и нерѣдко приносили въ жертву дѣтей. Дѣвицы собираются теперь, на канунъ дня Іоанна крестителя, на Богушову гору; раскладывают тамъ солому, зажигаютъ ее лучинами и потомъ бѣгаютъ по горѣ: рѣзвятся, скачутъ, поютъ и ѣдятъ свои лакомства. — Приношеніе дѣтей купалѣ у Богемцевъ, подтверждается еще старинной пѣсней:

Пашницъ суды къ тому свице,
Около огнѣ танцуйце,
Павны младенцушъ купадла давай,
А соседе добро вули мавай. —

Такой же обычай скаканія и въ славянской Венгріи. Пѣсни употребляемыя тамъ при этомъ случаѣ, сходствуютъ во многомъ съ прочими славянскими. Въ Шарискѣ (Saariske stolicі) поютъ:

Яна, Яна, на сватого Яна,
Купала се свата Анна! —
Якъ она се выкупала,
Такъ на Яна заводала:
Яне, Яне, дай ми ручку,
Небъ загинемъ при поточку.

—
Яне, Яне, сваты Яне,
Осветишъ ты висецко зеле:
И майрамъ и фіялку,
Іаралтовску красну дивку.

—

Кто на тоту соботку не придзе,
 До рочка го глава болецъ будзе.
 Я на тоту соботечку пришла,
 До рочка я бубу фришна (здоровая).—

Кладземе мы соботечку,
 За розмарію щопочку.
 Кто на нашу соботку не прійдзе,
 До рока го глава болецъ будзе.
 Наша соботечка ясна,
 При ней челадочка красна:
 А Генцовска такá тмава́,
 А при ней челады плуява.

Иногда дѣвушки и парни поють попеременно:

Дѣвушки:

Червенны по гарь гори,
 Съ червенными ягодами:
 А кто же го гасиць будзе,
 Кедь тамъ парубки не будзе?

Парни:

Красна дѣвочка го гасна,
 У вѣночкахъ воду ноша;
 Кело въ тымъ вѣночку воды,
 Тело въ дѣвочцѣ цноты. —

Дѣвушки:

Червенны по гарь гори,
 Съ червенными ягодами:
 А кто же го гасиць будзе,
 Кедь тамъ дѣвочекъ не будзе?

ПАРНИ:

Красны парубци го гасна,
 У покреткахъ воду ноша;
 Кело въ тей покретце воды,
 Тело въ паробкахъ свободы.

Яне, Яне, свята Яне!
 Машь ты гыру на колентъ,
 Кебы се ти розпучила,
 Сobotку би загасила. —

На разтапе, на потоце,
 Два голубки воду пію,
 Такъ се они догвараю:
 Кого они случницъ (соединить) маю?
 Есть у суседа красна дѣвка,
 Треба бы то въ едно случницъ.
 Буде то се вернѣ лубницъ,
 Вернѣ, вернѣ, потасницъ,
 О рокъ, о два, недарениѣ. —

При собираніи ивановской росы:

Тварь (лице) моя, тварь моя квітти ми ружиц-
 кой (розами).
 Будемъ ты имазать ту житной росичкой:
 Ту житной росичкой, сбраной зарана,
 Кымъ слице не выйде на святого Ивана
 (Пока не взоидеть солнце на святого Ивана).

При рѣзаніи травы въ день св. Ивана:

Жала сомъ травичку, на Яна мачичку,
 Порезала сомъ са на мою ручичку:
 Порезала сомъ са на мачички пригокъ (палець).
 Хцела сомъ одрезать на шумнаве врштокъ.

Въ Зволенскѣ, горней Леготѣ, поютъ:

Свѣта Яна пѣля,
Черти мниховъ хваля. —

Тамъ думаютъ, что когда жгутъ огонь, тогда черти воскаляютъ своихъ доброжелателей-монаховъ. У многихъ южныхъ славянскихъ племенъ владычествуеть повѣрье, что никто столько не дружится изъ людей съ чертями, какъ монахи. Это повѣрье родилось во время насильственнаго крещенія Славянъ, католическимъ монашествомъ.—Доминиканцы и Іезуиты, вездѣ нетерпимые за низкія ихъ дѣйствія, въ великомъ презрѣніи у Славянъ. — Въ той же странѣ поютъ еще;

О Яна, Яна ваяна!
Па прѣстредь зволена
Есть лѣпка зелена!

О Яна, Яна ваяна!
Дай добры часъ почать,
А лепше dokonчатъ.

О Яна, Яна ваяна!
О Яно, Янечко,
Зобудь ма ранечко.

О Яна, Яна ваяна!
Рано прѣдъ зорами,
Трома годинами.

О Яна, Яна ваяна!
Кравы подонти;
На пасу выгнати.

О Яна, Яна ваяна!
На пасу зелѣну,
На росу студѣну.

О Яна, Яна ваяна!
Свѣтго Яна пѣля,
Пѣна дѣчковъ яма

О Яна, Яна ваяна!
 Акы е текъ мѣсяцъ
 Пекны огродьны. —
 О Яна, Яна ваяна!
 Пекныша вдовами.
 Крайшима паннами.

Въ славянской Турціи и Липтовѣ:

Яно, Яно, ваяну!
 Прилетѣла голубка въ часъ рано;
 Прилетѣла другая,
 Зъ червенега круга;
 Прилетѣла третья,
 Зо заграды зъ квѣтя
 Яно, Яно, ваяну!

Ваяну, ваяну!
 Или: Яно, милы Яно!
 Зобудзай въ часъ рано,
 Въ часъ рано ранничко,
 Кедъ выйде слѣзчко.

Въ одномъ Липтовѣ:

Эй, Яне нашъ, Яне!
 Кде ты палить маме?
 На бобровекой странѣ,
 Та ты палить маме.
 Кого ожениме?
 Дура Штѣффиновъ.
 Кого же му даме?
 Мару Калиновъ.

Въ Новоградскѣ :

Кабы я видѣла, кебы буде Яна,
 Вербы сомъ накладла, на три страфы огна;
 Ъдонъ бы накладла одъ солнца восходу,
 Другы бы накладла моему милему,
 Моему милему, шугайку шварнему,
 (Пригожему молодцу).

—
 На сватега Яна,
 Кажди ѣ пѣяна :
 Кедъ ми такъ будеме,
 Ай ми пѣятъ будеме.

—
 А я мою жену,
 Заженѣмъ на войну,
 На Сватега Яна,
 Кедъ буде ожрана (пьяна).

—
 Тенъ тыдень, тенъ тыдень, по сватѣмъ Янѣ,
 Лежими, лежими, ма мила въ ямѣ :
 Смилуй са, смилуй са, надъ ей душепкой,
 Ако са смилууе, коцуръ надъ мышкой.

Ивановскій день въ Ускокахъ (въ Далмаціи), начинается за десять дней до праздника Іоанна крестителя. Въ это время толпа поселянъ складываетъ можжевельникъ въ кучу, которая называется коледо, и зажигаетъ его, сопровождая танцами и пѣснями. Дѣти смотрять за огнемъ, чтобы онъ не погасъ, и чтобы дымился можжевельный запахъ. — Это продолжается постоянно до Иванова дня. — На канунъ этого праздника, который особенно отличается множествомъ огней, дѣвушки и молодыя женщины отправляются въ сады собирать цвѣты и травы, изъ коихъ плетутъ вѣнки и

украшаютъ ими свои головы, въ томъ мѣнѣн, что во весь годъ не будетъ болѣть у нихъ голова, и самыя опасныя болѣзни не пристанутъ къ нимъ.

Въ Силезіи въ день *soboty* или *sobotki* празднуютъ ивановскій огонь, который называютъ еще *огнемъ поворотомъ солнца*. Предъ днемъ св. Іоанна женщины жгутъ огни, танцуютъ, поютъ и совершаютъ молитвы и почести дьяволу. Приносимая ему въ жертву богородицкая трава, развѣшивается въ домахъ и хранится, какъ предотвратительное средство отъ несчастій. — Огонь добываютъ трѣніемъ досокъ. Сохранилась старая пѣснь, которую пѣли въ ивановскій праздникъ въ черномъ лѣсѣ (сендомірской губ.)

Gdy słońce raka zajrzewa,
A słowik więcy nie spiewa,
Sobótke jako czas niesie,
Zapalono w czarniem lesie,
Iako matki nam podały.
Same także z drugich miały,
Ze na dzień Świętego Iana,
Zawždy sobótka palona.

Поэтъ Кохановскій такъ описываетъ субботу:

Dwanascie dziewek jednako obronych,
Bylicą opasanych,
Spiewaé nauczzone,
W tańcu nie zganione,
Ogien napalano na dworze.
Czekano rannéj zorze.
Od matek miały, że na dzien S. Iana,
Sobótka palana.
Niemy ogień do switania,
Nie bez pieszni, nie bez grania,
Skokiem tanice najsmudniejszy.
Kędy w bęben przybijają,

Wystąp ty, coś ciągnął kota.
A na chwilę puść się plota (*).

Обычай жженія огня, перешелъ сюда отъ другихъ Славянъ. Люнебургскіе Венды совершали языческія жертвоприношенія, долгое время по принятіи христіанской вѣры. При священномъ деревѣ они закалывали пѣтуха, съ обряднымъ возліаніемъ и окропленіемъ, потомъ предавались пляскамъ и пѣснямъ.

У дравскихъ Вендовъ (между Луковымъ, Доннебергомъ и Вельценомъ), въ высокомъ почитаніи дерева: *вѣнечное* (березовое) и *пѣтушиное* (Бабнбаум). Вѣнечное употребляется женщинами въ Ивановъ день. Онѣ однѣ только могутъ его рубить, возить и ставить въ землю. Всякая женщина, какъ бы она ни была дряхлая, едва могущая ходить на костылѣ, отправляется смотрѣть, гдѣ будутъ ставить дерево. Его рубятъ на канунѣ праздника, снимаютъ съ него всѣ вѣтви, оставивъ одну только верхушку, на подобіе вѣника. — Въ Ивановъ день берутъ женщны тѣлегу, сами въ нее впрягаются вмѣсто лошадей или воловъ, и отправляются въ рошу. Ни непогода, ни дурная дорога, не препятствуетъ имъ: онѣ идутъ черезъ болота, и въ воду по уши. Молодыя и здоровыя женщины идутъ возлѣ тѣлеги: поютъ и vessятея, а ихъ матери везутъ. Какъ скоро появятся съ деревомъ въ селѣ, тамъ поднимаютъ радостный крикъ и спѣшатъ къ тому мѣсту, гдѣ стояло еще прошлогоднее дерево и срубливаютъ его. Хозяинъ, передъ домомъ котораго оно стояло, покупаетъ у нихъ, и даетъ имъ нѣсколь-

(* Jan. Kochanowsk., *над. Mostowskiego*, т. I с. 122–143; *Goleb. Gry i zab.* ч. 3. с. 295.

ко денегъ на водку. Новое дерево становится при торжественномъ восклицаніи: оно увѣнчивается вѣнками и цвѣтами; потомъ выкачиваютъ нѣсколько бочекъ пива и освящаютъ празднество. Обычай становить дерево, совершается ежегодно съ особымъ почитаніемъ.—Люнебургскіе Венды праздновали Ивановъ день, въ ознаменованіе наступленія жатвы. Въ огонь бросали пѣтуха и лили пиво; потомъ плясали вокругъ дерева и окропляли скоть жертвенной водою. (*)

Въ Россіи, по введеніи христіанской вѣры, упор-
Поклон-
ники во-
беснмъ
свѣтъ
и огня.

ствовали многія племена въ уничтоженіи старыхъ обычаевъ. Въ пятиѣ вотской: въ Ижорѣ, около Ивангорода, Яма, Копорья, Ладоги; Невы до Кааяни и Лапландіи, на пространствѣ болѣе тысячи верстъ, еще были въ XVI в. обожатели солнца, луны, звѣздъ, озеръ, водъ, камней и горъ. Исповѣдая христіанскую вѣру, они имѣли своихъ жрецовъ, *ардуевъ*; и не хотѣли отстать отъ кумировъ. Митрополитъ Макарій послалъ сюда (1534 г.) умнаго монаха Ілію, съ наставительною грамотою. Жители, увѣряя его въ своей ревности къ христіанству, говорили, что не смѣютъ коснуться идоловъ, оберегаемыхъ ужасными духами. Ілія зажегъ священные ихъ лѣса, бросилъ въ воду кумировъ, удивилъ народъ, и проповѣдію довершилъ торжество Вѣры. Пятилѣтніе мальчики помогали ему сокрушать молельні.—Самые Русскіе усердно слѣдовали, въ XVI в., многимъ языческимъ обрядамъ. Жители пековской области праздновали день Кунальи

(*) Kollar: Národn. Zpiew. ч. I с. 16—18 изд. Bud. 1834 г.; Paul. Pieśn lud. polsk. с. 19—21.; Ian Kochanowsk. см. dzieła jego; Gebhard. Fortsetz. der Allgem. Weltgeschichte. der neuen Zeit, ч. 33. с. 254., ed. 1789 г.

(іюня 24), съ не меньшимъ заблужденіемъ: они собирали травы въ пустыняхъ и дубровахъ, съ суевѣрными обрядами; ночью веселились, были въ бубны, играли на соцеяхъ и гудкахъ; молодыя жены и дѣвцы плясали и обнимались съ юношами, забывая стыдъ и цѣломудріе. Памфилъ, игумень элезаровской обители, съ укоризною писалъ къ намѣстнику и сановникамъ Пскова (1505 г.) «Егда приходитъ день Рождества Предоточева, и прежде того, исходятъ *оавлицы*, мужіе и жены чаровницы, по лугамъ и по болотамъ, и въ пустыни и въ дубровы, ищущи смертныя травы и *привѣточрева*, отъ травнаго зелія, на пагубу человѣкомъ и скотомъ; туже и дѣвѣи коренія коплютъ, на потворенія мужимъ своимъ. — Сіа вси творятъ дѣйствомъ дьяволимъ, въ день Предоточева, съ приговоры сатанинскими. Егда бо придетъ праздникъ во святую ночь, мало не весь градъ возмаетеса и въ селѣхъ возбесятса: въ бубни и въ сонели и гуденіемъ, струннымъ, плесканіемъ и плясаніемъ; женамъ же и дѣвамъ и главами киваніемъ, и устнами ихъ неприазненъ кликъ, вся скверныя пѣсни, и хребтомъ ихъ вижданія, и ногамъ ихъ скаканіе и топаніе; туже есть мужемъ и отрокомъ великое паденіе; ту же и женское и дѣвичье шептаніе, блудное имъ возрѣніе, и женамъ мужатымъ оскверненіе, и дѣвамъ растлѣніа.» (*) Въ Стоглавѣ находится извѣстіе (1551 г.), что мушны, женщины и дѣти, предъ праздникомъ и на самой праздникъ Іоанна крестителя, ходили ночью по домамъ, улицамъ и водамъ; забавлялись безстыдными играми, пѣли сатанинскія пѣсни и плясали подъ

(*) Кар. И. Г. Р. т. VII прим. 372.

гусли. По прошествіи ночи, шли въ рошу съ великимъ крикомъ и омывались въ рѣкѣ, какъ бѣшеные. (*)

Донынѣ близъ Антоніево-дымскаго монастыря, недалеко отъ Тихвина (новгород. губ.) простой народъ купается въ дымскомъ озерѣ, и въ немъ купаютъ больныхъ лошадей, почитая эту воду пѣлебною. Препод. Антоній, основавшій этотъ монастырь въ XIII ст., совершилъ на этомъ озерѣ чудеса, почему бываетъ ежегодно юн. 24 крестный ходъ. Въ томъ монастырѣ хранится желѣзная шляпа этого угодника, найденная въ дымскомъ озерѣ. — Около старой Ладоги производится купанье при огнѣ, раскладываемомъ на горѣ Побѣдницѣ. Въ новгородской губер. этотъ огонь называется: *живымъ, льснымъ, царь-огонь* и *лькарственнымъ*. Въ озерѣ клешинскомъ (владим. губер. уѣз. Переяславля-залѣскаго), донынѣ купаются и водятъ по его берегамъ хороводные круги съ пѣснями.

Купанье
в хороводные
круги.

Карпатскіе Славяне моются росою до восхожденія солнца, и потомъ скачутъ чрезъ разложенные огни. — Нѣкоторыя же карпатскія и судетскія дѣвушки, ополсываются цвѣтными перевязами, головы убираютъ вѣнками, сплетенными изъ душистыхъ травъ и цвѣтовъ, и потомъ поютъ около огня хороводныя пѣсни. — Въ Литвѣ ходятъ за городъ мыться *росою*, а праздникъ Купалы, называемый тамъ *роса*, сопровождается зажиганіемъ огней. (**)

(*) Стоглавъ, гл. 41—44.: О Иванъ днѣ и въ навечеріи Р. Х. и Крещенія, сходятся мужи, жены и дѣвицы, на ночное плещованіе и на безчинный говоръ и на скаканіе, и бываетъ отрокомъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе... и егда ночь мимо ходитъ, отходить къ рѣцѣ съ великіемъ кричаніемъ и умываются водою, и егда начнутъ заутреню звонити, тогда отходить въ дома своя и падаютъ аки мертвы, отъ великаго клоукотанія.

(**) Narb. Dzieie nar. Litewsk. т. I.

Аграфо-
на ку-
пальни-
ца.

Въ сѣверо-восточныхъ мѣстахъ Россіи праздновали, вмѣсто Купалы, *Агрипину купальницу*.—Предъ собира-ніемъ хлѣба приносили ей жертвы и съ того же времени начинали купаться въ рѣкахъ, потому она прозвана купальницею. Молодые люди украшались вѣнками, раскладывали ввечеру огонь, плясали и пѣли въ честь *купальницы*. Въ архангельской губ. топятъ бани въ день св. Агриппы, настилаютъ полъ травою купальницею (лютикъ), а потомъ купаются въ рѣкѣ. Въ окрестностяхъ Москвы дѣвушки парятся въ баняхъ свѣжими вѣнками, связанными изъ цѣлебныхъ травъ, и готовятъ кашу. — Въ Петербургѣ встрѣчалось мнѣ видѣть, что старые люди, на канунѣ Агриппы купальницы, парятся свѣжими березовыми вѣнками, съ смѣсью разныхъ жгучихъ и цѣлебныхъ травъ: крапивы, лютика, попоротника, богородицкой травы, Иванъ да Марья, ромашки, мяты и полыни. (*)

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ новгород. губ. (около старой и новой Ладоги и Тихвина) топятъ на Ивановъ день бани и парятся травою Иванъ да Марья. — Въ Нерехотскомъ уѣздѣ (костромской губ.) дѣвушки собираются, на канунѣ Аграфены купальницы, къ одной изъ своихъ подругъ: *толокчи въ ступъ ячмень*, и это толченіе сопровождается веселыми пѣснями. На другой день варятъ изъ него кашу, которая называется кутьею, и ѣдятъ ее вечеромъ съ коровьимъ масломъ; потомъ берутъ переднія колеса тѣлеги, съ осью и оглоблями, возятъ сидящихъ на оси по селенію и по-

---

(*) Когда я спросилъ у одного старика: для чего это дѣлать?—Э, баринъ, ты вишь и не знаешь, отвѣчалъ онъ, эти травы изгоняютъ всю тѣлесную нечистоту, а Аграфена купальница заповѣдала то намъ.

лямъ, распѣвая до утренней росы, и въ заключеніе, умываются рососою, думая что она приноситъ здоровье. (°)

Въ другихъ мѣстахъ Россіи, производили иначе празднество купальницы и купалы. Въ день св. Агриппины собирали крапиву, шиповникъ и другія колючія растѣнія, клали въ кучу и скакали черезъ нихъ, не только люди, но и рогатый скотъ, чтобы воспретить русалкамъ, лѣшимъ, вѣдьмамъ и злымъ духамъ, донтъ молоко, которое, по мнѣнію народа, засыхаетъ у коровъ послѣ ихъ доенія. — Ночью возобновляли зажженные огни, чтобы предохранить свои стада отъ порчи лѣшихъ. (**)

Болѣе ста лѣтъ тому назадъ, какъ Ижоряне праздновали въ окрестностяхъ Петербурга, ивановскій огонь съ особымъ отличіемъ отъ другихъ. — По рижской дорогѣ, въ 10 верстахъ отъ Петербурга, находилась липа, которой вѣтви сплетались съ вѣтвями другихъ деревьевъ, такъ что онѣ образовывали природную бесѣдку. — Петръ В. не разъ отдыхалъ въ ней. — Тутъ собирались Ижорки въ Аграфенинъ день, и проводили всю ночь при разложенномъ огнѣ, съ пѣніемъ и воплемъ. Напоследокъ сожигали бѣлаго пѣтуха, сопровождая жертвоприношеніе скачками и плясками.

Въ другихъ мѣстахъ приносили Славяне жертву съ 24 по 29 іюня, *Купаль*, котораго боготворили подъ видомъ бога земныхъ плодовъ. Юноши, дѣвицы, мужчины и женщины, украшенные вѣнками и опоясанные травяными и цвѣтными поясами, раскладывали огонь, плясали около него, взявшись за руки, и пѣли

(°) Кар. И. Г. Р. т. 7. с. 187-189. прим. 371 и 372, т. I. с. 90-91 изд. 1817 г.

(**) Guthrie : Dissert. Sur les antiq. de Russie, с. 77.

пѣсни при перепрыгиваніи. Въ день Петра и Павла, становили качели, съ тѣми же обрядами; качались. пѣли, плясали и скакали на доскахъ. (*) Въ Москвѣ издревле празднуется на *трехъ горахъ* Ивановъ день. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разводили здѣсь огни и паровали.

Мѣстное
совер-
шеніе
купаль-
скихъ о-
гней.

Купальскіе огни разводятся по всей Россіи, съ нѣкоторыми мѣстными измѣненіями. — На Подолѣ и Волынѣ, дѣвицы сходятся въ то мѣсто, гдѣ поставлена убранная вѣнками и цвѣтами верба, называемая *Купайло*, и ходя вокругъ ея, поютъ печальныя пѣсни. — Мушны и женщны стекаются на это зрѣлище, въ праздничныхъ одеждахъ; молодые парни бросаютъ полевые цвѣты на то мѣсто, гдѣ ходятъ дѣвушки, и потомъ бросаются на вербу, отнимаютъ ее у дѣвушекъ и срываютъ вѣнки и цвѣты.

Простой народъ въ Литвѣ вѣритъ, что въ ночь предъ Ивановымъ днемъ, вѣдьмы высасываютъ молоко у коровъ; но чтобы воспрепятствовать имъ, втыкаютъ по угламъ хлѣбовъ вѣтви ласточьего зелья; надъ дверями вѣшаютъ убитую сороку и приколачиваютъ крестъ на крестъ, кусочки срѣтенской восковой свѣчи. — Другіе ходятъ въ полночь искать въ лѣсу папоротника. Желающій достать папоротникъ, отправляется одинъ въ глубину лѣса, чтобы не было слышно пѣнія пѣтуха, и пришедши на то мѣсто, гдѣ онъ растетъ, очерчиваютъ около себя кругъ рябиновой палкою и садится въ немъ. Едва покажется цвѣтъ, онъ долженъ немедленно сорвать его, но тотъ часъ вылетятъ изъ ада черти, будутъ его упрашивать, чтобы онъ отдалъ; если это не

(*) Чулковъ Абевага Русск. суев. см. *Аграфены* с. 1. и *Купало* с. 228 изд. 1786 Москв.

склонить его, то начнут пугать, грозить, скрежетать зубами, быть пронзительно и страшно. Но онъ не долженъ выходить изъ своей черты и спокойно ожидать зари. Если онъ выйдетъ за черту круга, то у него вырвутъ паспортникъ, производящій чудесное дѣйствіе: владѣющій имъ дѣлается колдуномъ, знаетъ прошедшее и будущее. — Въ Ивановъ день солнце, по мнѣнію людей, выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ: серебряномъ, золотомъ и бриллиантовомъ, къ своему супругу мѣсяцу; въ проѣздъ свой пляшетъ солнце и разсыпаетъ по небу огненные искры, которыя могутъ видѣть только при его восходѣ.

На канунѣ субботки или Ивана Купалы, не выпускаютъ земледѣльцы въ поле своихъ коней, въ томъ мнѣніи, чтобы вѣдьмы не ѣздили на нихъ въ Кіевъ, на лысую гору, гдѣ въ то время бываетъ ихъ сборище.

Въ день Купалы складываютъ костеръ изъ поношенныхъ лаптей, онучъ и лубянныхъ вещей, и зажигаютъ ихъ; потомъ скачутъ и поютъ, пока весь не сгоритъ костеръ. Когда сгоритъ болѣе половины, тогда перескакиваютъ черезъ него парни, дѣвицы вдовы и женатые. — Женщины приносятъ съ собою вареники и водку, и угощаютъ веселящихся. — Вареники готовятъ изъ грешневой муки, и начиняютъ ихъ толченнымъ коноплянымъ сѣмянемъ и лукомъ. Послѣ начинаютъ танцовать около костра, бросая въ него березу и конопель. (*)

Въ Бѣлоруссіи вбиваютъ на канунѣ Ивана, по солнечномъ заходѣ, колъ въ землю; обкладываютъ его соломой и коноплемъ, а на самый верхъ кладутъ

(*) Golebow. Gry i zabaw. ч. 3 с. 299.

пукъ соломы, называемый Купало. Когда смеркнетъ, зажигаютъ его а вокругъ бѣгаютъ поселяне и поселянки, бросая въ него березовыя сучья, и приговаривая:

Кобъ мой лень
Такъ великій бувъ,
Якъ стая фарасина!

т. е. еслибъ мой лень былъ такъ великъ, какъ эта хворостина. Дѣвушки, парни и молодыя женщины, поютъ нотомъ:

Купала на Ивана!
Гдѣ купала, начавала?
Купала на Ивана!
Купала на Ивана,
Начевала у Ивана.
Купала на Ивана!
Купала на Ивана,
Шо у Ивана уживала.
Купала на Ивана!
Купала на Ивана
Уживала варенище у алейще.
Купала на Ивана!
Купала на Ивана,
Рыбку зъ перцемъ,
Чеснокъ съ клейцемъ. —
Купала на Ивана!
Купала на Ивана.

Въ другихъ мѣстахъ собираютъ ночью, дѣвушки и молодыя женщины, лѣчебныя травы: лопань, былицу, яскеръ, полынь, руту и разходникъ. Не участвовавшая въ забавахъ, по домашнимъ занятіямъ, предается грусти, и это очень хорошо выражено въ пѣсни:

Молодая, молодница,
 Выйди до насъ на улицу,
 Разложи купальницу.
 Николы мени выходиты,
 Бо дитя малое,
 Свекоръ лежить, не колыше,
 А свекруха сидыть, не дримас.

Малая ночка,
 Купальничка!
 Не выпалася Гануся, —
 Змочила хустоньку,
 Слезы утираючи;
 Шукала шнуры едwabны,
 Путала кони вороны.

Малая ночка,
 Купальничка!
 Не выпалася Парася, —
 Погнала воды хлипаючи,
 Змочила огонь котячи,
 Слезы утираючи;
 Шукала шнуры валовы,
 Путала шуры половы. (*)

Въ мѣстечкѣ Гомелѣ (**), близъ города Бѣлицѣ (мо-
 гилевской губ.) поютъ:

У пана Ивана посередь двора,
 Стояла верба,
 На верби горѣли свичи.
 Съ той вербы капля упала,
 Озеро стало.

(*) Goleb. Gry i zabaw. ч. 3. с. 298—301.

(**) Принадлежащемъ нынѣ фельдмаршалу графу Паскевичу-Эриванскому, князю варшавскому.

Въ озерѣ самъ Богъ купався
Съ дѣтками, судитками. (*)

Въ витебской губер. на канунѣ Иванова дня, называемаго *Яни день*, собираются по домамъ поселянки до солнечнаго восхода, и убираются въ самыя нарядныя платья. Молодыя дѣвушки надѣваютъ на голову *вайникъ* (родъ повойника изъ голубой матеріи, унизанный бисеромъ и вышитый узорами), поверхъ вайника вѣнокъ изъ травъ и цвѣтовъ. Въ косу, развѣвающуюся позади, влетаютъ ленты, а шею повязываютъ цвѣтнымъ платкомъ, и все такъ прекрасно, что каждая изъ нихъ красавица. Нѣсколько десятокъ паръ сходится на лугъ и забавляются танцами, или отправляются попарно, при пѣніи пѣсней, къ дому помѣщика. Въ честь его и семейства поютъ поздравительныя пѣсни. Помѣщикъ со всѣмъ своимъ домомъ, долженъ встрѣтить ихъ и угостить. Отъ него онѣ идутъ съ поздравленіями къ другимъ, и весь вечеръ проводятъ въ пѣніи и играхъ, въ коихъ принимаютъ участіе и парни. — Иногда замужнія и молодыя обоюго пола, ожидаютъ солнечнаго восхода близъ зажженныхъ смоляныхъ бочекъ и пылающихъ костровъ, распѣвая:

Иванъ да Марья,
На горѣ купалыся.
Гдѣзъ Иванъ купався,
Берегъ колыхався;
Гдѣзъ Марья купалась,
Трава расцвѣталась.

Пѣсни раздаются до толъ, пока *солнце не заиграетъ на небѣ*. Часто при разгулѣ поютъ подъ дудку:

(*) Paul. Pieśń lud. polsk. с. 24.

Калижъ тая серида прашла,
 Якъ няевши на пригонъ пашла,
 Весь день жала, нялянилася,
 Злому войту накланилася.
 А няпержа ни а чемъ тужиць,
 А войтъ пьяный у карчмѣ ляжиць.

Ночь Купалы исполнена, по мнѣнію простолюдиновъ, чародѣйныхъ явленій. Рыбаки увѣряютъ, что поверхность рѣкъ бываетъ тогда подернута серебристымъ блескомъ; деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто и шумомъ своихъ вѣтвей разговариваютъ между собою. — Утверждаютъ еще, что кто имѣетъ при себѣ папортникъ, тотъ можетъ понимать языкъ каждаго творенія; можетъ видѣть, какъ расходятся дубы и составляютъ свою бесѣду: можетъ слышать ихъ разговоры про богатырскіе свои подвиги. — Кто сорветъ въ эту ночь *перелетъ траву*, тотъ будетъ во всемъ счастливъ.

Въ Малороссіи: полтавской, черниговской, харьковской, кievской и въ смежныхъ съ ними губерніяхъ, гдѣ употребляется малороссійское нарѣчіе и малороссійскіе обычаи, собираются на канунъ Ивана Купалы, молодыя дѣвушки въ праздничномъ нарядѣ, къ дереву маренѣ, черноклону или другому какому либо срубленному; головы дѣвушекъ тогда увиты вѣнками изъ травъ: кануферу, любистку, зирокъ, божьяго дерева, сѣкирокъ, бирвинчекъ, васильку, мяты, руты, резеды и другихъ душистыхъ травъ; шапки молодцовъ, надѣтыя на бекрень, украшаются ими любимую душистой травою. Когда сойдутся для празднованія, въ коемъ принимаютъ иногда участіе и молодыя женщины, тогда дѣвушки, послѣ взаимныхъ привѣтствій, берутся за руки, ходятъ вокругъ дерева и поютъ:

Ой мала ничка, Нетривочка,
 Не выспалась наша дивочка!
 Не выспалась, не нангралась,
 Съ козаченькомъ не настоялась.
 Къ чреди шла, задремала,
 На пеньки ноги позбывала,
 На шпички очи повыймала.

Авже коровы у дубровы,
 Авже телята пасуть хлопьята,
 Авже вивцы на крутій гирцы.

За этимъ расходятся въ разныя стороны, и одна изъ дѣвушекъ беретъ соломленную, одѣтую въ женское пестрое платье, куклу, ставитъ ее подъ дерево; другія дѣвушки убираютъ ее голову лентами, очипкомъ и украшаютъ шею намистомъ.—Это чучело называется *Купалою*. Въ другихъ мѣстахъ ставятъ просто соломленное чучело съ деревянными руками, на кои вѣшаютъ вѣнки и женскія украшенія. — *Купалу* обкладываютъ кучей соломы съ крапивою, и зажигаютъ; потомъ, другъ послѣ другаго, перескакиваютъ чрезъ огонь и поютъ:

Ходыли дивочки, около мареночки,
 Коло мое водыла Купала;
 Гратыми сонечко на Ивана.
 Накупався Иванъ, та въ воду вправъ.
 Купала пидъ Ивана!

Въ махновскомъ уѣздѣ (киевской губер.) ставятъ дѣвушки вечеромъ дерево въ землю, которое украшаютъ цвѣточными вѣнками и при пѣннн зажигаютъ вокругъ него огонь. — Въ полтавской губ. дѣлаютъ вечеромъ подъ Ивановъ день, чучело изъ соломы, называемое *мара* (призракъ), носимое и при началѣ весны. Его несутъ къ водѣ при пѣннн, или,

наложивъ груду жгучей крапивы, перескакиваютъ черезъ нее босыми ногами, а посивъ раскладываютъ огонь и прыгаютъ черезъ него. Гдѣ есть поближе рѣка, туда бросаютъ чучело вмѣстѣ съ вѣнками, или развѣшиваютъ вѣнки на деревѣ. — Иныя несутъ домой свои вѣнки, вѣшаютъ ихъ въ комнатахъ и хлѣвахъ, для предохраненія себя и домашнихъ животныхъ отъ нечистой силы. — При перескакиваніи черезъ огонь поютъ :

Купала на Ивана!

Купается Иванъ,

Та въ воду упавъ. —

Купала на Ивана!

Иныя скачутъ черезъ огонь въ вѣнкахъ. Домохозяевы, съ ночи на Ивана Купала, оставляютъ теленковъ ночевать вмѣстѣ съ коровами, чтобы вѣдьмы не портили дойныхъ коровъ, а въ хатахъ кладутъ на окошкѣхъ жгучую крапиву, которая будтобы не пускаетъ нечистый духъ въ избы. — Когда несутъ или убираютъ Купало, тогда поютъ :

Та йшли дивочки и тояго дочки,

Съ тѣмъ вода чорна хмара на долини пала.

На улицѣ Купала на Ивана!

А въ периплочки нижки ни велички,

И на гору не зойде, на долини не стане,

Купала на Ивана!

Сего дня Купала, а завтра Ивана,

Чийъ мени, мой мати, торговати?

Повезу я свекорка продавати,

Риднего батынька куповати.

Здешевыла свекорка, здешевыла,

Риднего батынька не купыла!

Сего дня Купала, а завтра Ивана, —

Чимъ мени, моя маты, торговаты?

Повезу я свекруху продаваты,

Ридну матыньку куповаты.

Здешевыла, свекруха, здешевыла,

Ридней матыньки не купыла!

Сего дня Купала, а завтра Ивана,

Чимъ мени, моя маты, торговаты?

Повезу я диверка продаваты,

Риднего братынька куповаты!

Здешевыла диверка, здешевыла.

Риднего братынька не купыла!

Сего дня Купала, а завтра Ивана,

Чимъ мени, моя маты, торговаты?

Повезу я зовидю (золотку) продаваты,

Ридную сестричку куповаты.

Здешевыла зовыця, здешевыла,

Ридной сестрицы не купыла!

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи сажаютъ подъ срубленнымъ деревомъ марены, вмѣсто чучелы, дитя, которое убираютъ цвѣтами и вѣнками. Дѣвущки, убравъ его, развѣшиваютъ свои вѣнки на деревѣ, и потомъ взявшись за руки, ходятъ хороводомъ и поютъ.

Стояла ту поля, въ край чистаго поля,

Стій ту подицько, стій, не розвивайся!

Войцому витроцьку не поддавайся,

На нашей ту поли, чотыре сокола :

Первый соколко, молодой Иванко,

А другій соколко, молодой Николко,

А третій соколко, молодой Михайло,

Четвертый соколко, молодой Василько.

Ой! мушалочка купалася,
 Та на бережку сушилася,
 Тай тому люди дивовались.
 Ой не дивуйтесь сему люди,
 Бо я бачила дивнїше:

Щука-рыба красно ткала,
 А ракъ на буйракъ цивки сучить,
 А муха—горюха дижу шить,
 Комаръ шить, водицу несеть.

Пропѣвъ купалочныя пѣсни, бросаютъ марену въ воду. Когда же сами купаются, тогда топять марену въ рѣкѣ. Послѣ купанья угощаютъ другъ друга приготовленными закусками, и наконецъ возвращаются домой съ веселыми пѣснями.—Въ иныхъ мѣстахъ молодые обоого пола, купаются въ рѣкахъ предъ закатомъ солнца. Вечеромъ раскладываютъ огонь на поляхъ и на горахъ.—Дѣвушки и мушны, побравшись за руки, прыгаютъ попарно чрезъ огонь. — Если при скаканїи не разойдется пара, то это явная примѣта, что она соединится бракомъ.—Веселыя рукоплесканїя сопровождаютъ скачущихъ, и непременно до послѣдней пары.—Потомъ поливаютъ огонь водою, и послѣ идутъ домой толковать о своихъ вѣнкахъ, не забывая пѣть дорогою:

Ой не стій вербо надъ водою,
 Та не пускай зилье по Дунаю.
 Ой Дунай, море розливае,
 И день и ночь прибувае,
 Въ вербо корень подмывае,
 А сверхи вершокъ усынае,
 Коло верби лмстя опадае,
 Стань соби вербо на рыночку,
 У крищатому барвиночку
 У запашномъ васильку.

Наши подоліне церковь збудовали,
 Не такъ збудовали, якъ намалевали.
 Та намалевали три місяцы ясныхъ :
 Ой первый місяць, молодой Иванно,
 А другій місяць, молодой Василько,
 А третій місяць, молодой Михайло.
 Наше доляне церковь збудовали,
 Не такъ взбудовали, якъ намалевали —
 Та намалевали три зирочки ясныхъ,
 Три дивочки красныхъ —
 О перра зирочка, млада Маричка,
 А другая зирочка, млада Ганочка,
 А третья зирочка, млада Варичка.

Сонце сходе, играє,
 Иванко коника сидлає,
 На стрименочки ступає
 На сиделечко злегає.
 Тяжинко, важинко вздыхає,
 А его батинько пытає :
 Що ты се, сыночекъ, гадаєшь?
 На що ты, коника, сидлаєшь?
 Що тобі батинько до сего,
 Сидлаю коника не твоего, —
 Пойду до тестя до своего.
 Пуцу я коника по двору,
 Своему тестивн на хвору.
 Ой у моего тестя новый двирь,
 И барвиночкомъ спили двирь,
 И василечкомъ мели двирь,
 Щобъ мене тещинка хвалила,
 Щобъ мене дивчинна любила. —

Ой, чіе жито подъ горой стояло?
 Иванкове жито подъ горой стояло,
 Пидъ горой зелененько, по місяцу видисенько,
 Молода Маричка ходы жыто жаты.

Якъ я тебе возьму, жыто жаты научу.
 Пидъ горой зелененько, по нисямъ видненько,
 серденько.

Ой вербо, вербо, вербиця!
 Часъ тоби, вербиця, розивитця.
 Ой, ище ни часъ, ни пора.
 Часъ тоби, Иванку, женицься.
 Ой, ище ни часъ, ни пора,
 Еще жъ моя дивчина молода.
 Та не хай до лита, до Ивана,
 Щобъ моя дивчина погуляла;
 Та не хай до лита, до Петра,
 Щобъ моя дивчина подрохла. (°)

Иване, Ивашеньку,
 Не переходь дороженьку.
 Иване, Ивашеньку!
 Якъ перейдешъ, виновать будешъ.
 Иване, Ивашеньку!
 Зроблю тоби у трехъ зильяхъ,
 Иване, Ивашеньку!
 Прійшлось дивкамъ за Дунай плысти.
 Иване, Ивашеньку!
 Вся дивочки переплыли.
 Иване, Ивашеньку!
 А сироточка утонула,
 Иване, Ивашеньку!
 Дошли слухи до мачихи,
 Иване, Ивашеньку!
 Та не жаль же мени дочки,
 Иване, Ивашеньку!

(°) Снегир. Русск. простонар. празд., вып. IV. с. 47-50. Эти пѣсни были сообщены ему профес. харьков. универ. г. Артемовскимъ-Гулакомъ, которому достоверно извѣстны, что онѣ поются на Ивана Купала.

Та не дочки надчеряны,
 Иване, Ивашеньку!
 Жаль плахотчки крещаточки,
 Иване, Ивашеньку!
 И запасочки синяточки.

Торохъ, торохъ, по дорози!
 Що за гомонъ по дуброви?
 Ой братъ сестру вбивать хоче!—
 Сестра въ брата прохалалася:
 Мій братечку, голубчику,
 Не вбивай мене въ лисочку;
 Убий мене въ чистомъ доли.
 Ой, якъ убьешь, поховай мене;
 Обсады мене тремя зильями:
 Першимъ зильемъ гвоздичками,
 Другимъ зильемъ васильками,
 Третьимъ зильемъ, стрилочками.

Дивочки идуть, гвоздички рвуть,
 И мене зномянуть;
 Молодицы идуть, василечки рвуть,—
 И мене зномянуть;
 Наробочки идуть, стрилочку рвуть,
 И мене зномянуть. —

А въ борку на клинку,
 Чій же то лень, да не полотый?
 То Марусинъ лень та не полотый.
 Чомужъ вона та не вынолола?
 То за симъ, то за тымъ,
 То за сномъ товстымъ.
 Ой, чія жъ то синожать та не кошаная?
 То Грыцькова синожать та не кошаная.

То за снмъ, то за тынь
То за сномъ товстымъ (*).

Ивановская ночь почитается въ Малороссіи страшной ночью. Тамъ думаютъ, что въ это время хаты и скотные загоны посѣщаются вѣдьмами и вукулами (оборотнями). Для отвращенія ихъ посѣщенія раскладываютъ по окнамъ, порогамъ и стойламъ, жгучую крапиву или папоротникъ.—Однѣ яги-бабы (*), колдуны и кіевскія вѣдьмы, которыя собираются тогда во множествѣ, лѣтаютъ на помелѣ на лысую гору или чортово *берпище*, находящееся подѣ Кіевомъ, гдѣ онѣ совѣтуются на пагубу людей и домашнихъ животныхъ.—Въ Ивановъ день не выпускаютъ коня въ поле, думая, что чародѣйка заѣздитъ его.

Иванов-
ская
ночь.

Съ совершеніемъ купальскихъ обрядовъ не разлучны нѣкоторыя травы, какъ предохранительныя средства отъ болѣзней и злыхъ духовъ, или какъ имѣющія особую силу заколдовывать и открывать тайну. Къ таковымъ принадлежатъ: *колюка*, *папортникъ* или *кочедыжникъ*, *тирличъ*, *плакунъ*, *дурманъ*, *адамова голова*, *болотный голубецъ*, *ревенька*, *одоленъ*, *земляника*, *перенось*, *на-сонъ*, *разрывъ*, *перелеть*, *Иванъ да Марья*, *будягъ-чертополохъ*, *подорожникъ*, *лопушекъ*, *купаленка*, *медвѣжье ушко*, *богатенька*, *чернобыльникъ*, *лютикъ*, *архилинъ*, *муравьиное масло*, *медяница* или *курячья слѣпота* и *петровъ крестъ*.

Свойство
ку-
на
и
злѣ-
сныхъ
и
чаро-
дѣйныхъ
травъ.

(*) Максимов. Малор. пѣсн., с. 164-167 изд. 1827 г.

(**) У венгерскихъ Славянъ находится поговорка о яги-бабѣ:

Визи баба
Стара баба!
Ты машь зубъ костѣвы,
Дай ми за нь железны.

Kollar: Narod. Zpiew. ч. I. с. 12.

Колука собирается въ Петровъ ябеть, въ продолженіи вечерней росы, съ великимъ раченіемъ не одними поселянами, но и чародѣями. Она засушивается и хранится въ коровьихъ пузыряхъ. Дается за великую тайну стрѣльцамъ, которые думаютъ, что окуренное колюкою ружье, стрѣляетъ всегда впопадъ и самая чародѣйская сила не можетъ заговорить его. —

Папортникъ или *кочедыжникъ*. Его срываютъ на канунѣ Иванова дня, ночью, съ особенными обрядами и заговорами. Думаютъ, что онъ въ это только время цвѣтеть, однажды въ годъ, и огненнымъ цвѣтомъ. — Я не слыхалъ, чтобы кто похвалился, что ему удалось отыскать этотъ чудесный, всемогущій цвѣтокъ, потому что онъ охраняется адскою силой. Это повѣрье основано на томъ, что папортникъ образуетъ невидимое цвѣтеніе. Кто отыщетъ разцвѣтшійся кочедыжникъ, тотъ величайшій счастливецъ. Онъ можетъ повелѣвать всѣмъ безъ исключенія: предъ нимъ безсильны цари и мощные правители, и самые нечистые духи въ его распоряженіи. Онъ можетъ знать, гдѣ скрываются клады, входитъ безпрепятственно въ сокровищницы, лишъ стоитъ ему приложить цвѣтокъ къ желѣзнымъ запорамъ и замкамъ, — все рассыпется предъ нимъ! Онъ можетъ открыть себѣ свободный входъ ко всѣмъ красавицамъ, принимая на себя образъ невидимки, или какой захочетъ, словомъ: нѣтъ ничего для него, чтобы не было ему недоступнымъ или невозможнымъ. — Какъ цвѣтеть папортникъ и какія принимаются средства для полученія его, то объ этомъ такъ рассказываютъ знахари. Изъ широколистяннаго папортника является цвѣточная почка и поднимается постепенно: она то движется, то останавливается, и вдругъ зашатается, перевернется и запрыгаетъ, какъ живое. Иные даже слышатъ голосъ и щебетанье, и все это дѣлаетъ адская власть,

чтобы, пугая людей, не допустить ихъ до цвѣточка. — Когда созрѣетъ почка, тогда наступаетъ ровно 12 часовъ ночи: она разрывается съ трескомъ, вся покрывается огненнымъ цвѣтомъ, что глаза не могутъ вынести — такъ пышетъ отъ него жаромъ! — Вокругъ и вдали разливается ярнй свѣтъ, и только невидимая рука срываетъ его. Ищущий цвѣтокъ очерчиваетъ около папортника кругъ, становится въ немъ, и произнося заговоръ, ожидаетъ полночи. Надобно, чтобы рѣшившійся на такой поступокъ, былъ неустрашимый и переносимъ былъ безъ боязненно всѣ привидѣннн. Если онъ отзовется на голосъ или повернется къ призраку, то лишится жизни. Злой духъ сорветъ съ него голову, вышлето папортника, и пошлетъ его душу въ адъ на мученіе, за то что дернулъ похитить цвѣтокъ, составляющій украшеніе ада.

Тирличъ срывается одѣями вѣдьмами и чародѣями на лесной горѣ (подъ Кіевомъ), только на канунѣ Ивана дня. Изъ тирлича вѣдьмы выжимаютъ сокъ и употребляютъ его для своихъ чаръ, особенно противу гнѣва властей. (*)

Плакунь достается въ Ивановъ день при утренней заре. — Тотъ можетъ наводить страхъ на всѣхъ, кто владѣтъ имъ. Его обыкновенно вышютъ только чародѣи. Особенная сила его состоитъ въ корнн, который гонитъ не-

---

(*) Некоторые солдаты, чтобы отклонить отъ себя гнѣвъ своихъ отцевъ-командировъ, прибѣгаютъ въ слѣдующему предразсудку. Кладутъ въ сапогъ пучекъ соломы и носятъ его сутки, потомъ перевертываютъ пучекъ и носятъ еще сутки, наконецъ на третій день, вынявъ пучекъ изъ сапога, кладутъ солому на перекресткѣ, приговаривая: «какъ расходятся эти дороги на четыре стороны, такъ разойдитесь гнѣвныя мысли противу меня, моего отца-командира.»

частыхъ духовъ и спиритовъ ихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ суевѣріе къ влакуну доходитъ до сумасбродства. Чародѣй, войдя въ церковь съ корнемъ, и ставъ у алтара лицомъ къ востоку, произноситъ заговорныя слова: «плакунъ! плакунъ! плакалъ ты долго и много, а выплакалъ мало. Не катись твои слезы по чисту полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь ты страшенъ злымъ бѣсамъ, полубѣсамъ, старымъ вѣдамъ кievскимъ. А не дадутъ тебѣ вѣкорница, утомя ихъ въ слезахъ; а убѣгутъ отъ твоего позорща, замкни въ ямы преисподнія. — Будь мое слово при тебѣ крѣпко и твердо вѣкъ вѣкомъ» — Почитая корень за чудесную силу, суевѣры носятъ его при себѣ на крестѣ. Тогда человекъ, по ихъ мнѣнію, не попадетъ ни въ какія искушенія дьявола и ни въ какіе недуги. Повѣсивъ носъ сдѣланный изъ плакуна крестъ, на бѣсноватаго, вѣрятъ, что этимъ способомъ можно изгнать поселившася бѣса. Утверждаютъ еще, что бѣснующіеся, увидѣвъ корень, вскрикиваютъ, мечутся во всѣ стороны и страшно ревутъ, когда надѣваютъ на нихъ крестъ изъ плакуна.

Дурманъ. Если кто срываетъ дурманъ, сдѣлаетъ какое нибудь странное движеніе, напримѣръ: перекувырнется, и потомъ броситъ его на наметку въ баню, то всѣ находящіеся въ ней станутъ перекувырливаться.

Адамова голова. — Растетъ кустомъ около болотъ, вышиною въ $\frac{1}{2}$ арш. Цвѣтъ этой травы синій, багровый и темножелтый; листья въ ладонь и шершавые. При срываніи крестятся и читаютъ молитвы: *Отче нашъ, помилуй мя Боже и Господи Исусе Христе, слыши Божій, помилуй меня.* — Все это читается, пока не сорвется трава, которая по мнѣнію суевѣровъ, исцѣляетъ испорченныхъ и разрѣшаетъ роды. — По освященіи корня адамовой головы, надобно носить его съ собою, и тогда будутъ видимы дьяволы и колдуны. Кто бу-

детъ его носить на головѣ, тотъ будетъ получать подарки. — Для разрѣшенія отъ неплодія, варятъ корень въ козьемъ молокѣ и даютъ пить.

Болотный голубецъ. Онъ похожъ на крапиву, имѣетъ пушистый бѣлый цвѣтъ. Кто хочетъ ходить на медвѣдей, тотъ пей зваръ изъ голубца на тонцакѣ: съ уксу-сомъ и медомъ, тогда ни одинъ медвѣдь не избѣгнетъ охотника, а самъ охотникъ не будетъ бояться звѣря.

Ревенька. Она стонетъ и реветъ по зорямъ, отъ чего получила свое названіе. Растетъ подлѣ воды и часто въ самой водѣ, вышиною отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ арш. — Цвѣтъ ревеньки красноватый. Кто хочетъ хорошо плавать и никогда не утонуть, тотъ держи при себѣ корень ре-веньки.

Одоленъ. Онъ растетъ по каменнымъ мѣстамъ, близъ воды и рѣкъ; вышина его въ $\frac{3}{4}$ арш., цвѣтокъ темно-желтый съ бѣлыми листочками. Отваръ одолена да-ютъ пить отравленнымъ и отъ зубной боли. Съ кор-немъ одолена пастухи обходятъ свое стадо три раза, и тогда стадо не разбѣгается. Даютъ еще пить отваръ тѣмъ, кого хотятъ заставить полюбить или привлечь кого либо къ себѣ.

Земляника. Кто хочетъ занимать деньги въ долгъ, тотъ положи въ карманъ травы земляники, и иди смѣ-ло къ первому ростовщику, или къ кому хочъ — от-каза не будетъ. Чтобы сдѣлаться отличнымъ охотни-комъ и стрѣлкомъ, то надобно носить при себѣ эту траву.

Перенасъ. Чтобы быть честнымъ, то носи съ собою эту траву. — Перенасъ растетъ близъ рѣкъ, болотъ и пару. — Вѣка протекли, и никто не зналъ чудесной травы, могущей дѣлать людей честными! —

На-сонъ. Корень травы, называемый на-сонъ, му-жно сварить въ водѣ и пить съ медомъ: отъ дурного

глаза, сонной грезы и всякой скорби. — Трава на-сонъ имѣетъ листки узенькіе, вверху стручки, корень бѣлый; растетъ на ровныхъ мѣстахъ.

Разрывъ, извѣстный у Нѣмцевъ подъ именемъ корня прыгуна (*Springwurzel*), называется у насъ: прыгунъ, спрыгъ и скакунъ. Его отыскиваютъ въ Ивановъ день одни чернокнижники, и всякій можетъ достать его, у кого есть плакунъ и папортникъ. Свойство разрыва: разрывать желѣзные запоры, ломать сталь, серебро, золото и мѣдъ на мѣлкіе куски, однимъ прикосновеніемъ къ нимъ. Искатели кладовъ покушаютъ разрывъ у чернокнижниковъ за великія деньги, чтобы открыть сокровища, но проданный разрывъ не помогаетъ покупателямъ, и они никакъ не хотятъ думать, чтобы ихъ обманывали, и приписываютъ безсиліе имѣшательству дьяволовъ. — Повсюду носятся рассказы, что въ ямахъ зарыты великія сокровища, хранимыя подъ желѣзными запорами, и что нечистая сила закрываетъ къ нимъ входъ своей спиною, усаженной иголками. — Для уничтоженія этихъ преградъ не достаточно человѣческой силы: надобно прибѣгнуть къ разрыву. — Рассказываютъ еще, что воры особенно употребляютъ эту траву: они подрѣзываютъ тѣло подъ ногтемъ пальца и кладутъ туда разрывъ, и думаютъ, когда прикоснутся пальцемъ до запоровъ или замковъ, тогда непременно спадутъ запоры и отомкнутся замки. — Сохранилось повѣрье объ нахожденіи разрыва. Отыскавъ гнѣздо дятла, слѣдуетъ лѣтомъ вколотить гвоздь подъ деревомъ, потомъ разослать внизу дерева полотно. Поутру будетъ принесенъ сюда разрывъ самымъ дятлемъ, и положенъ на полотно. Но бываетъ, что мужики подкашиваютъ разрывъ. Это узнается тѣмъ, что коса, попавъ на траву, переламывается. Чтобы распознать чудесную траву, они собираютъ все скошенное и бро-

свою въ воду: какая трава вышлыветъ на верхъ, то разрыть.

Перелетъ трава или летающая трава, имѣетъ силу переноситься съ мѣста на мѣсто, и кто увидитъ сорвать цвѣтокъ, тотъ будетъ счастливъ во всю жизнь. — Цвѣтъ перелета состоитъ изъ радужныхъ красокъ, и ночью порою блеститъ какъ звѣздочка.

Иванъ да Марья. Кто хочетъ ускакать отъ погони или летѣть молодецки на клячѣ, тотъ носи при себѣ цвѣтокъ Ивана да Марья. — Иные даютъ пить сокъ, выжатый изъ этого цвѣтка, чтобы возвратитъ слухъ или потерянный умъ. —

Будиль-чертополохъ. Изъ стебля какой нибудь травы дѣлаютъ вилочки, и пришиливаютъ ими чертополохъ къ землѣ, говоря: если сгонишь червей съ моеи скотины, то отпущу тебя. —

Подорожникъ (*plantago latifolia*, Lin.) Натри ноги подорожникомъ и никогда не устанешь, ходя пѣшкомъ.

Лапушокъ. Кто хочетъ воровать ночью, чтобы даже и собаки не лаяли, то надобно носить лапушекъ съ собою. —

Купаленку (*trollius europaeus*), *медвѣжье ушко* (*verbascum*) и *богатенку* (*erigeron acris*), ищутъ новгородскіе поселяне въ лѣсу, и ими украшаютъ внутренность своихъ избъ: стѣны и образа, и загадываютъ: кому какъ долго жить на свѣтѣ? Чей цвѣтокъ въ избѣ завянетъ прежде, тому умереть въ тотъ годъ или быть хворымъ.

Чернобыльникъ отрываютъ простодюинны съ особыми заговорами. — Корень его стараются найтти подъ землянымъ угольемъ. Корень и уголье, по мнѣнію народа, исцѣляютъ падучія болѣзни и черную немочь. —

Лютикъ, въ простонародіи купальница, собираемая

предъ двумъ Аграфены и употребляемая въ баняхъ для изгнанія нечистотъ, извѣстна еще подъ именемъ *лютаго корня* и *лютой травы*; ихъ собираютъ на кануны купалы и слывутъ цѣлебными.

Архилик растетъ при большой рѣкѣ и былъ извѣстенъ только нашимъ предкамъ. Объ немъ они оставили слѣдующее извѣстiе: кто рветъ его въ день Юанна крестителя, чрезъ золотую или серебрянную гривну и носить при себѣ, тотъ не будетъ бояться ни злаго человѣка, ни еретика, ни дьявола. —

Муравьиное масло. Оно вынимается изъ муравьевъ и сливается въ стеклянную посуду; употребляется какъ цѣлебное средство отъ многихъ недуговъ. — Муравейники и его сокъ предписываются самыми врачами, какъ лучшее средство отъ ревматическихъ болѣзней. —

Медяница или курья слюта. — По мнѣнiю народа она срывается невидимой рукою и знахарями; наводитъ мертвый сонъ на того, кто держитъ ее при себѣ, потому мстительные суевѣры даютъ пить съ него отваръ. Думаютъ еще, что она лишаетъ зрѣнiя, кто ее положитъ себѣ подъ голову. Нѣкоторые утверждаютъ, что медяница вырастаетъ изъ гнѣнiя зловредныхъ гадовъ; что она растетъ слѣною, получаетъ зрѣнiе только въ Ивановъ день, и когда увидитъ человѣка или другое животное, тогда бросается на него стрѣлою и пробиваетъ его насквозь. (*)

Въ одной сербской пѣснѣ объяснены семь чародѣйскихъ травъ, которыя производятъ чудесное дѣйствiе, но примѣчательнѣйшiя изъ нихъ это суть: трава колоперъ (кануеръ) и любистокъ (заря).

(*) Устные рассказы.

первая исцѣлываетъ вѣрность женщинъ, а вторая внушаетъ имъ постоянную любовь. Вотъ исчисленіе свойства травъ:

Милолипа да ее милуемо,
 Колоперо, да не не атера;
 Любишце, да не свагда люби;
 Каранѣла, да ее не каралию;
 Чубра цвѣтя, да не добро чува;
 Босцока, да м'не смете ока;
 А невена, да му срце вене.
 Самдокаса и околочена. (.)

Петровъ крестъ, который такъ названъ потому, что корень его имѣетъ видъ креста и собираютъ его подъ Петровъ день. Онъ употребляется для отысканія кладовъ, и тотъ человѣкъ, который носить его при себѣ, бываетъ счастливъ во всю жизнь.

Растетъ еще какая то безименная трава, которую знаютъ одни только чародѣи и вѣдьмы, но они скрываютъ ее отъ людей. Свойство этой травы: кто носить ее при себѣ, тотъ знаетъ мысли каждаго, гдѣ бы онъ не находился, даже предугадываетъ, кто что замышляетъ.

Изъ собранныхъ свѣденій о купалѣ, видно, что празднество его сооровождалось зажиганіемъ огней, перескакиваніемъ чрезъ огонь, купаніемъ и собираніемъ цѣлебныхъ и предохранительныхъ травъ. —

Когда В. К. Владиміръ I. хотѣлъ окрестить въ одинъ день Славяно-русскій міръ, тогда предки наши не могли покинуть вдругъ своихъ повѣрьевъ, и къ понятіямъ

(.) Сривше пјесме, изд. Карадж. ч. I с. 349.

христіянскимъ. присоединили свои суевѣрїя, еше сильно тогда господствовавшїя. Это есть одна изъ главѣйшихъ причинъ, почему во всей Европѣ и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ силой вводили Евангельское слово, противопоставляли силѣ силу, и охотно оставались при старыхъ вѣрованїяхъ, какъ бы они ни были ложны, потому единственно, что такъ чтили ихъ отцы и праотцы.— Не уже ли наши дѣды были столько глупы, говорили проповѣдникамъ, упорствовавшіе въ идолопоклонствѣ, что они не знали во что вѣрили? Не хотимъ нововведеній, не хотимъ новой вѣры! Наши боги хранили насъ отъ всѣхъ бѣдствїй, а вашего Бога мы еше не знаемъ.— Природа таинственная увеличивала ихъ рвеніе къ поклоненію небеснымъ свѣтиламъ и обыкновеннымъ физическимъ явленїямъ, для нихъ непостижимыхъ. Сильный жаръ солнца въ теченїи іюня и іюля, переходъ его чрезъ черту лѣтняго равноденствїя, созрѣваніе плодовъ, цвѣтовъ и травъ, особенно тѣхъ, которыя собирались для врачеванїя; рѣчныя и здоровыя воды, въ коихъ купались разслабленные; утрення и вечерняя росы, кою умывались для приданїя свѣжести лицу и облегченїя головныхъ болей, все это приходилось въ такое время, когда природа дѣйствовала цѣлбно на все живущее. Посему немудренно, что наши предки невольно изобрѣли особый праздникъ Купалѣ, который въ послѣдствїи измѣнился значительно. —

Въ иныхъ мѣстахъ Купало выходитъ изъ употребленїя, а въ другихъ едва уже извѣстенъ, какъ темная память по усопшемъ. Въ Малороссїи, Бѣлороссїи, Литвѣ доселѣ въ употребленїи зажиганїе и скаканїе чрезъ огни, съ собственнымъ имъ пѣніемъ. Въ прежнія времена самая ивановская ночь была страшная и таинст-

венная; съ нею соединялись гаданія вѣнками, рѣшавшими судьбу дѣвицъ, а теперь онѣ служатъ для одной забавы; прежде оказывали Купалѣ чествованію, а теперь сожигаютъ его какъ чучело. —

VIII.

Я Р И Л О .

Остатки языческихъ празднествъ такъ затемнены мѣстными измѣненіями, что трудно добраться до ихъ начала — къ числу таковыхъ принадлежитъ Ярило. Въ какое время онъ появился у насъ? Какія оказывались ему почести? — на это нельзя отвѣчать положительно. Извѣстно только, что онъ сопровождался буйными веселостями въ костромской, тверской, нижегородской, рязанской, тамбовской и воронежской губ., быть можетъ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ всевятское заговѣнье или въ всевятское воскресенье, составляли его увеселеніе: кулачныя забавы, игры и ярмочныя сходбища (*)

Темныя
свидѣнія
объ Яри-
лѣ.

Слово Ярило созвучно по окончанію со многими иноземными словами: съ санскритскимъ *ари*, греческимъ *арисъ*, означающія враждебный. Въ пѣснѣ *о полку Игоря*, встрѣчается названіе *яръ туръ*.—Между иллирійскими и венецкими божествами, находятяся *яръ* и *Яровидъ*. (**)
Туръ у Грековъ, Скандинавовъ, Финновъ и Славянъ, былъ идеалъ крѣпости и ярости. Если Ярило или Ерило производить отъ собственнаго его слова, то онъ

(*) Труд. общ. любит. рос. слов. ч. XX.

(**) Кар. И. Г. Р. т. 1. с. 87 и 88.

выражаетъ ярого, буйнаго. Нѣкоторые думаютъ, что Ярило греческій Эросъ, богъ любви и страсти (*). Ярило, выражающій время ярости животныхъ, извѣстенъ былъ у Словаковъ, Чеховъ и Поляковъ, подъ именемъ *яръ*, который означаетъ такъ же зеленый и ранніе посѣвы хлѣбовъ: *яровой* и *ярина*, и соответствуетъ животворной веснѣ. Когда все растущее приходитъ въ яръ, т: е: покроеся зеленью, тогда животныя *ярятся*. По сему неудивительно, что *Ярило* праздновался въ иныхъ мѣстахъ, какъ животворная сила природы: въ Славоніи, Богеміи и Польши, а въ другихъ какъ предметъ неукротимой страсти. — Изъ всего этого заключить можно, что онъ соединялъ въ себѣ свойства плодотворной силы. Откуда же онъ перешелъ въ Россію и въ какое время? Этого во все неизвѣстно. Нѣкоторые думаютъ, что Ярило есть идолъ *Ярунь*. (*) Но изъ всѣхъ указаній на славянскія божества, мы не находимъ въ ихъ числѣ Яруна.

Чество-
ваніе
Ярилы.

Одно только мѣстное чествованіе могло считать его своимъ божествомъ, и это подтверждается тѣмъ, что доселѣ въ Костромѣ всесвятское заговѣнье и гулянье, называютъ *яриловымъ*. Изъ мѣстныхъ воспоминаній объ немъ, удерживались тамъ нѣкоторыя суевѣрныя и язычскія забавы, совершавшіяся въ честь Ярилы. Въ Костромѣ отправляли еще погребеніе въ честь *Ярилы*, на всесвятское заговѣнье. Тамъ старикъ, одѣтый въ изорванное платье, несъ во гробѣ куклу Ярилы, которая изображала мужчину со всѣми естественными его частями. Пьяныя женщины провожали ее сьрыданіями, и потомъ зарывали въ землю.

Я видѣлъ въ Малороссіи обрядъ, еще въ юношес-

(*) Снегиръ: Русск. прост. празд. вып. IV. с. 52.

(**) Макаровъ: Русск. праздн., изд. 1818 г.

кіе мои годы, который обращалъ на меня особобъ вниманіе. Послѣ всесвятскаго заговѣнья сходились по полудни женщины и казаки, чтобы погулять у шивка. Тамъ они вѣли и плясали до вечерней поры; потомъ, по захожденіи солнца, выносили на улицу мужское соломенное чучело, со всѣми его естественными частями и клали во гробъ. Развеселившіяся отъ спиртуозныхъ паровъ женщины, подходили къ нему и рыдали: померъ онъ! померъ! Мужчины сходились на этотъ вопль, поднимали чучело, тряхли и произносили: *эв, баба не брешет! Она знае, що їй солодче меду.* — Женщины продолжали вопить: *якій же вінъ бувъ хороший, да якій услужливый.* Смотрѣли на него любово-страстно и говорили: *не встане вінъ больше! О якъ же намъ раставатися съ тобою! и що за жизнь, коли нема тебе.* — *Приподнимись хоть на часочекъ! но вінъ не встает и не встанет.* Послѣ продолжительныхъ и многообразныхъ поговорокъ, уносили чучело и хоронили. Погребеніе заключалось закускою и попойкою.

Въ Галичѣ и Кивешмѣ, костромской губ., молодыя дѣвушки и парни забавлялись нѣкогда надъ упоеннѣйшми старикомъ, представлявшимъ Ярилу, и въ то время хороводныя игры сопровождали ихъ забавы; но каждая дѣвушка, не прежде вступала въ хороводный кругъ, пока не отвѣсила пояснаго поклона старику Ярилѣ. (*) Въ рязанской и тамбовской губ., правленіе Ярилы приходилось тоже въ день всѣхъ святыхъ, или на другой день Петра дня; въ Владимірѣ на Клязьмѣ, въ Тройцынъ день; въ нижегородской губ. іюня 24, въ день ярмарки. (**) Въ Твери оно начиналось

(*) Снегир. Руск. прост. праздн. в. IV, с. 55. и 56.

(**) Труд. общ. люб. русск. слов. ч. I.

въ первое воскресенье послѣ Петрова дня, въ Троицкомъ саду, на рѣчкѣ Дазурѣ. Молодые женщины, дѣвушки и парни собирались сюда цѣлосу, подъ балабайку или торбанъ. *Блажка* особый танецъ, похожій на кадрилъ, и тутъ было раздолье влюбленнымъ. Матери охотно отпускали своихъ дочерей на ярмарочную гулянье, какъ они говорили: *понесть ститися*. (*) Женки высматривали невѣсты, а невѣсты жениховъ, но однако происходили дурныя послѣдствія отъ понаѣстиванія. Во время ярмарочнаго разгула дозволялись обниманія, цѣлованія, совершавшіяся подъ вѣтвистыми деревьями, которыя прикрывали таинственныя ощущенія. Претиву этого сильно возставали архіепископы: Меодій и Амвросій, и ихъ только ревностію прекращены ярмарочныя веселости. — Въ Вероцежѣ существовало долгое время народное игрище, Ярмло, (до 1763 г.). Оно совершалось предъ загоульемъ Петрова поста.

Тамъ на кануцѣ ярмарочнаго игрища готовились закуски и праздничныя одежды, и потомъ, съ разсвѣтомъ дня, двигались толпы за городъ на большую площадь, разсѣленную видъ московской заставы. — Молодые дѣвушки наряжались, одна другой лучше: красныя чоботы (сапоги), разноцвѣтная заплата съ широкими рукавами, бѣлая рубашка и пукъ разноцвѣтныхъ лентъ, вплетенныхъ въ косу, водѣшали годовое и торжественное правленство. Молодцы также не упустили случая, чтобы выказать свои щегольскія одежды. — Пожилые и старыя, равномерно принимали участіе въ предстоящемъ веселіи. Торговцы заблаговременно разбивали на выгонѣ палатки, и раскладывали на столахъ лакомства, игрушки и мелочныя товары. Это веселіе составляло смѣсь яр-

(*) Литерат. приб. къ Русск. изв. 1838 г. № 35.

мощнаго, съ шумными праздничными гуляньями. Пѣсни, пляска и музыка, сопровождали общее разгулье. Среди этихъ забавъ наряжали одного мужчину въ пестрое платье, убрали его цвѣтами и навѣшивали на него ленты и бубенчики; на голову его наматывали высоній бумажный, съ пѣтушнымъ султаномъ колпакъ, который раскрашивался фантастическими изображениями; лице его чернили или наводили румянами, въ руки давали побрякушки и водотушку. — Дѣти съ барабаннымъ боемъ, возвѣщали Ярилово шествіе. Толпа гулявшихъ стекалась къ этому зрѣлищу. Онъ переважно расхаживалъ на площадѣ и плясалъ; къ нему присоединялись другіе плясуны, которые угощали его пряниками, маковиками, пирогами, однимъ словомъ всѣмъ тѣмъ, что приносили для своего разгула. Когда все увлекалось веселіемъ, тогда составляли произвольныя игры; отъ нихъ переходили къ молодецкимъ, — къ кулачнымъ боямъ, которые весьма часто оканчивались смертоубійствомъ. Епископъ Тихонъ, называя эти забавы бѣсовскими, говоритъ, что былъ нѣкогда древній истуканъ Ярило; что праздникъ, въ его еще время, назывался игрищемъ, которое велось издавна, и что люди ожидали этого празднества, какъ годового торжества. — Оно начиналось въ среду или въ пятницу по сошествіи св. Духа, и оканчивалось въ первый понедѣльникъ. — Тихонъ, епископъ воронежскій, искоренилъ этотъ обычай. (*)

Во многихъ мѣстахъ Россіи совершаются понынѣ,

(*) Извѣстныя извѣстія. — Митрополитъ Евгеній : Опис. жизни и подв. Тихона, еписк. воронежского и елецкаго. — Описаніе игрища, см. еписк. Тихона проповѣди, говоренныя имъ въ воронежской епархіи. — С. П. Б. 1784 г. и 1794 г.

въ день всесвятскаго заговѣнья, нѣкоторые суевѣрные обряды и увеселенія, и это подало многимъ поводъ думать, что эти игры вѣроятно суть остатки Ярилова игрища, называвшагося бѣсовскимъ. Въ Стоглавѣ суевѣрныя игры названы *бѣсовскими потѣхами*, но изъ нихъ нельзя заключить, чтобы они относились къ Ярилу. Церковь называла все то *бѣсовскимъ, беззаконнымъ, сквернымъ*, что было противно христіанскимъ постановленіямъ и чистотѣ нравственной.

IX.

ОБЖИНК И.

Обыкновеніе совершать празднество при созрѣніи хлѣба, было во всѣхъ странахъ свѣта, древняго и новаго. Наши предки Славяне, когда сдѣлались земледѣльческимъ народомъ, соблюдали долгое время жатвенные обряды, и даже отправляли ихъ съ торжественными угощеніями, особенно во время уборки хлѣба. Доселѣ остались слѣды отъ этихъ обычаевъ, и это доказывается тѣмъ, что понынѣ во многихъ мѣстахъ, во время и послѣ жатвы, приносятъ въ церковь для освященія: первые снопы и печеный хлѣбъ отъ перваго умолота; первые соты меда и первые созрѣлые плоды. (*) Въ Мадороссіи дѣлаютъ, при этомъ случаѣ, кутю изъ риса, которую украшаютъ цвѣтами и благоухающими травами, и приносятъ ее въ церковь для освященія съ плодами и медомъ. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ занимаются разведеніемъ пчель, вмѣняется обычаемъ въ обязанность, чтобы каждому хозяину приносить въ церковь первые медовые соты.

Прино-
шеніе
первыхъ
плодовъ
возрашъ

(*) Мойсей оставилъ Евреямъ въ священную обязанность, чтобы они приносили первые плоды. Кн. 3. Мойсей, Левитъ гл. 23 с. 10-41.

То время, въ которое собираютъ тамъ медъ, называется *пасычнымъ* и *пасиковымъ*. (*)

Арконскіе Славяне, по уборкѣ хлѣба, приносили жертвы въ честь Святovidу. Въ день его праздника, народъ толпился у воротъ и вокругъ ограды храма Святovidа. Верховный жрецъ закалалъ одного изъ домашнихъ животныхъ, и преподавалъ наставленіе народу. — На другой день отворялись двери храма и народу показывали рогъ Святovidовъ. Если меда убыло въ немъ, въ теченіи года; то предсказывали будущій неурожаи, и собирали запасы на слѣдующій годъ. За тѣмъ жрецъ выливалъ остатокъ меда къ ногамъ истукана, и снова наполнялъ рогъ. Послѣ приносили испеченый пирогъ, въ ростъ человѣческой. Жрецъ, ставъ за пирогъ, спрашивалъ у народа: видитъ ли его? Если народъ отвѣчалъ, что его не видитъ, то жрецъ изъявлялъ желаніе, чтобы и въ будущемъ году онъ могъ укрыться за пирогомъ, — это значило желаніе лучшаго урожая. — Жрецъ снова поучалъ народъ; потомъ наступало пиршество и всякаго рода забавы, въ коиъ умѣренность и воздержаніе, почитались стыдомъ. (**)

(*) Пасика, южно славянское слово, означаетъ мѣсто, въ которомъ пчелы производятъ медъ. На русскомъ языкѣ такое мѣсто именуется пчельникомъ, а время сбора меда, пчельнымъ. Пора созрѣванія верхового хлѣба и плодовъ, называется въ простонародіи жнивкою, т. е. жатвеннымъ временемъ.

(**) Булгар: Россія, ч. 2. с. 138-139., Кар. И. Г. Р. т. 1. — У древнихъ Булгаровъ пекли хлѣбы такой величины, что одного было довольно для накормленія десяти человекъ. — Епископъ болгарскій Феофилактъ, рассказываетъ, что одинъ человекъ былъ одержимъ такою прожорливостію, что десяти хлѣбовъ болгарскихъ не насыщали его. — См. Новый источникъ для бол-

Въ Бѣлоруссіи освящались, послѣ жнива; хлѣвъ, ^{Зажинки въ Бѣлоруссіи.} гумно и поля. Еще въ концѣ ХVІ. в. (1581 г.), совершались тамъ многіе языческіе обряды. — Одинъ со-временный писатель, бывшій свидѣтелемъ зажививныхъ обыкновений, передалъ намъ извѣстіе. Въ день Георгія осенняго (ноября 26), обитатели въ Поруссіи (нынѣшней Пруссіи), Самогиціи, Литвѣ, Бѣлоруссіи и Лифляндіи, приносили жертвы богу Пергрубію (Pergrubium), коего считали покровителемъ цвѣтовъ, растѣній и хлѣбородія. Жрецъ, называемый Вуршайтенъ (Vurschauten), держа въ правой рукѣ чашу, наполненную виномъ, обращался къ божеству отъ имени благодѣтельныхъ духовъ; возносилъ его похваляя и говорилъ: «ты изгоняешь зиму и возвращаешь намъ радостную весну. Поля и сады, роши и лѣса, зеленѣютъ по твоей волѣ.» По окончаніи хвалебнаго пѣнія, бралъ зубами чашу, выпивалъ изъ нея вино и бросалъ сосудъ чрезъ свою голову на землю. Потомъ, онъ поднималъ его съ земли, наполнялъ вновь виномъ, давалъ всѣмъ присутствующимъ пить по порядку, и тогда всѣ пѣли хвалебныя пѣсни въ честь Пергрубія. Въ заключеніе пировали цѣлый день и забавлялись хороводами. По созрѣніи на поляхъ хлѣба, земледѣльцы собирались приносить жертву тому же Пергрубію, и это время называлось у Бѣлорусцевъ *зажинками*, т. е: начало жатвы. По совершеніи жертвоприношенія, всякій осматривалъ жатву и приглашалъ къ себѣ на помощь сосѣдей или кого либо другихъ. Съ окончаніемъ

гарской исторіи IX в., помѣщ. въ Славянск. сборн. г. Савельева-Ростиславича с. 40-41 и 53. — Въ новомъ источникѣ для болгарской исторіи, указано на открытіе, доселѣ вовсе неизвѣстнаго сочиненія, епископа болгарскаго Теофилакта, но только не рѣшенъ споръ: къ какому вѣку приписать должно? къ IX или XI вѣку?

жаты, отправляли торжественное благодареніе въ честь *ожминокъ*, состоявшее въ жертвоприношеніи хлѣбныхъ колосьевъ. У Поруссовъ приносили козла и жгли еще на жертвенникахъ янтарь. — Тамъ народъ, привесть въ житницу козла, убивалъ его. Вуршайтенъ возлагалъ обѣ руки на жертву и взывалъ къ покровительствующимъ богамъ. (*), какъ бы присутствующимъ въ житницѣ. По возваніи поднимали козла вверхъ, и въ такомъ положеніи держали его въ продолженіи нѣвня; потомъ опускали его на землю. Тогда жрецъ произносилъ народу поученіе, и совѣтовалъ старшинамъ соблюдать этотъ обычай впредь, съ должнымъ благочестіемъ, и потомъ, кровью убитой жертвы, окроплялъ собраніе. Мясо отдавалось женщинамъ, которыя варили въ той же житницѣ. Въ это время мушины приготовляли, изъ крупчатой муки, лепешки, которыя не сажали въ печь, но ставъ вокругъ очага, перебрасывали ихъ черезъ огонь, пока онѣ не изсушивались. Къ приготовленному пиру собирались все; день и ночь проводили въ забавахъ и пѣніи. На другой день рано утромъ выходили за городъ, на то мѣсто, гдѣ пировали, и остатки загребали осторожно, чтобы ни птицы, ни звѣри не пожирали ихъ. По возвращеніи домой, каждый снова повторялъ свой праздникъ. (**)

(*) А именно: Оккопирну, богу неба и земли; Антримпю, богу морей; Гарастену, богу мореплавателей; Потримпю, богу рѣкъ и источнику; Пильту, богу богатствъ; Пергрубію (*Pergrubium*), богу весны; Паргну (*Pargnum*), богу громовъ и погоды; Киклю, богу ада и мрака; Покколю, богу воздушныхъ перемѣнъ; Путскету, богу священныхъ рощей; Авскету, богу невраждебности и мечачи; Маркопполю, богу вельможъ и дворянъ; Барстукку, богу подземному.

(**) Melletii: *De relig. et sacrificiis veterum Borussiae. epist.*, с. 258—259. ad. Spiraе. an. 1582. in 4., помѣщ. въ соч. de Russor.

И въ наше время, когда поспѣваетъ жатва, зажиточный хозяинъ даетъ пирь своимъ сосѣдямъ: угощаетъ водкою и пирогами, и проситъ ихъ помочь ему въ сбораніи хлѣба. Многіе служатъ молебни, и потомъ окропляютъ поля и жнецовъ святою водою. Хозяинъ или священникъ, беретъ серпъ и дѣлаетъ начатокъ; первые снятые колосья, называются зажинками. Ихъ хранить до будущаго года.

Жатвенное угощенье въ русскихъ и лютосскихъ зажинкахъ

Поселяне, до началія еще жатвы, дѣлаютъ свои замѣчанія о дороговизнѣ и дешевизнѣ хлѣба, по наливающимся колосьямъ. Если рожь цвѣтетъ снизу колоса, то утверждаютъ, что будетъ низкая цѣна на хлѣбъ; если съ середины, то средняя; сверху колоса, высокая или дорогая.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ обыкновеніи, что свекровь зажинаетъ молодую сноху, поступившую въ ея семейство только въ первый годъ жатвы. Свекровь накрываетъ снопъ полотенцемъ и даетъ своей снохѣ вязать его, — тогда сноха будето *работящая*. — Если явятся во ржѣ заломы, т. е: заломленные колосья на нивѣ, то они производятъ большой страхъ между жнецами, которые далеко обходятъ ихъ и боятся прикоснуться къ нимъ. Залому этому виной колдунъ, который, не зная какъ отвязаться отъ нечистой силы, вѣчно просащей у него работы, даетъ ей заламывать колосья ржи; потомъ усаживаетъ каждого чорта въ заломанный или перегнутый имъ колосъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы всякій изъ нихъ взошелъ въ душу человѣ-

---

Moscovit. et Tartaror. ritu.—Bergius, въ сочиненіи de statu ecclesiae et religione Moscovitor., ed. Lub. an. 1709. in 12, приписываетъ сочиненіе de Russor. Moscov. et Tartar. ritu, Одерборнію, извѣстному жизнеописаніемъ Царя Іоанна IV. грознаго, коего онъ былъ современникомъ.

ка, какъ скоро кто дотронется до него. Эти заломы, по мѣнѣю народа, страшны еще потому, что они наводятъ бѣснованіе на всѣхъ, особенно на женщинъ, которыя безъ заломовъ подвержены бѣснованію. Кричатъ въ церквѣ, коверкаются, сумашедствуютъ и ругаются надъ святынею. — Чтобы изгнать злой духъ изъ перегнутыхъ колосьевъ, приглашаютъ на ниву саященника, который, окруживъ ее народомъ, служить молебень и потомъ зажигаютъ ниву. — Колдунъ никакъ не можетъ вынести этого: онъ подходитъ къ заломамъ и вынимаетъ оттуда чертей, иначе они замучатъ его.

Литовскіе зажинки (*pariūšene*) были извѣстны тамъ съ самаго древняго времени. Хозяинъ, нажавъ снопу ржи, приносилъ его домой и ставилъ въ углѣ; на другой день начиналась жатва. Нынѣ измѣнилось тамъ: одна изъ жницъ, захватывъ серпомъ пучекъ ржи, связываетъ и откладываетъ въ сторону; за нею начинаютъ потомъ жать всѣ прочія. По окончаніи работы, первая жница укрывается полевыми цвѣтами и она впереди всѣ несетъ снопу съ торжествомъ, на хозяйскій или господскій дворъ. Тамъ ихъ угощаютъ всѣхъ. Въ послѣдній день жатвы, называемый дожинки (*pariūšene*), плетутъ изъ послѣдняго сжатого хлѣба вѣнокъ, перевиваютъ его травами и цвѣтами. Изъ среди жницъ выбираютъ молодую и на ея голову кладутъ вѣнокъ: толпа поетъ пѣсни и всѣ, при громкомъ пѣніи, отправляются на хозяйскій дворъ. Хозяинъ встрѣчаетъ ихъ съ радостнымъ привѣтствіемъ. Жницу съ вѣнкомъ принимаютъ въ избѣ съ хлѣбомъ и стаканомъ пива на блюдѣ. Послѣ снимаютъ съ ея головы вѣнокъ и подаютъ хозяину, который хранитъ его въ своей избѣ до слѣдующей жатвы, какъ Божее благословеніе. — (*)

(*) Narb.: Dzeje staroż. narod. litew. т. 1. с. 307-311.

Жатва сопровождается обыкновенно пѣніемъ радостныхъ пѣсней и дружной работою. У дунайскихъ Славянъ находится великое множество причитаній: на созрѣніе, жатву и уборку хлѣба. Въ то время тамъ угощаютъ жнецовъ пирогами и пивомъ. Словаки и венгерскіе Славяне, такое же соблюдаютъ обыкновеніе. Въ ихъ устахъ еще сохранились причитанія на засѣваніе поля, работу жнецовъ и снятіе хлѣба. Богатое и обширное поле жатвы, требуетъ многихъ жнецовъ, потому у нихъ говорится, при этомъ случаѣ:

Причитанія Словаковъ на постьяхъ, содрѣваніе ксипіаніе хлѣба съ полей.

Машъ Патеръ са дива, чи са дожде нива ?

Дожде, акъ да женцомъ пироговъ и пива ;

Дожде, ай повяже, ай сноси до крижовъ.

Акъ слуби вязачомъ, винечка а слижовъ.

Винечко са уроби, кымъ не падне роса,

Акъ да работникомъ днесъ вечеръ ядома.

На широкую и засѣянную хлѣбомъ полосу :

Ланы мои, ланы, вы широкѣ ланы :

Пре чо ты шугайко кажды чловекъ гани ?

Требасъ теба гани цѣлы широки светъ,

И ты рада, видомъ, шукай го бѣлы кветъ.

или : Требасъ ты машъ дѣвчѣ пышне цѣлы ланъ,

А я ланъ ту за градечку яко ланъ :

Не будешъ ма,

Неви можна,

Тысь дѣвчѣка, тысь дѣвчѣка фалесна !

Пѣснь влюбленнаго, при жатіи хлѣба :

Эй лука, лука, зеленá лука !

Радбыхъ са женить, немашь клубука.

Эй лазы, лазы, зелене лазы,
 Радбыхъ са женить, немамъ пенязи.
 Эй житко, житко, зелене житко!
 Подъ ме милá, зожнеме вшетко.
 Эй граштекъ, граштекъ, зелены граштекъ.
 Подьме ма милá, тамъ на тенъ врштекъ.
 Эй вика, вика, пекна ярина,
 Залюбу сомъ тя шварна дѣвчина.
 Эй ячень, ячень, зелены ячень!
 За тобой милá шелитьса зачень.
 Эй овесь, овесь, зелены овесь!
 Вбрь милы недбамъ, требасть са обесь.

Другая пѣснь влюбленнаго, проникнутая чувствомъ протосердечія и любви:

Кедь моя миленька въ поли житко жала,
 Я самъ ишелъ около ней, на мня завожала.
 Пыталъ сомъ са милей: чо хце се мной жати?
 Поведала же хце въ ласце сталаеи се мной жати.
 Саднуль чомъ си съ милой подла на ходничекъ,
 Слибовалъ семъ же тѣ будемъ верны миловничекъ.
 Кедь сме находничку, се дѣти застали,
 Дали сме си паръ губичекъ, ай руки подали.
 Якъ живъ семъ я не былъ въ такомъ потѣшени,
 Мислелъ семъ си же ве свете ветши радость нени.
 Кдыжъ семъ адъ миленьки ужъ домовъ носпихалъ,
 Такъ то семъ си целау често къ мему Богу здыхалъ:
 Поможъ Боже, поможъ зъ милой се себрати,
 Абы сме мы могли въ ласце вечнѣ сетрвати.
 Чо семъ си виншовалъ, чо семъ собе жадалъ,
 Досталъ семъ то шварнѣ дѣвче, ктерѣ самъ миловалъ.

Воспоминаніе влюбленной дѣвушки:

Влакомъ слуняцко, влакомъ,
 Пойдемо домо мракомъ.
 Я се мракомъ не боимъ,
 Ленъ си съ милымъ, стоимъ.

Мраку сонъ съ небала,
Лешъ сонъ съ милымъ поседа!

При захожденіи солнца:

За горь слунечко, за горь,
За тень зелены дворь,
За тень найзеленѣйши,
Кисъ ть муѣ найшлѣйши.

Воспомяніе дѣвушки объ отсутствіи своего милаго:

Кобы я мила милаго дома,
Та домо, та домо!
Але я не мамъ милаго дома;
Не домо, не домо!
Але си пошлемъ коня враняго,
Оседляяго, пре мойго милаго.

Грусть о миломъ:

Соколе бѣлы птáкъ! ты высоко лѣтáшь,
Чи мойго милаго тамъ дадѣ не видашь?
«Видамъ го я, видамъ въ томъ широкомъ полу,
Тамъ смутны седáвá при чѣрномъ тополу!»

Пѣснь жатвенная:

Чѣ же то яриѣ житко,
Поль горами,
Поль горами,
Поль горами?
Выбили го вранне коне,
Подковами,
Подковами.

Часть V. Указъ о мѣрѣхъ и вѣсѣхъ, изданный въ 1796 году.

Зелена е поганочка (Гречиха)

Зелена е,

Зелена е,

Зелена е.

Трайже ю душа моя,

Вонява е, (пахучая).

Вонява е.

Скочила сомъ до заградки (въ садъ)

Скочила сомъ,

Скочила сомъ,

Скочила сомъ.

Отерла сомъ три ружички (ровы),

Воняла сомъ, (была получая)

Воняла сомъ.

Около мня шуганчко.

Около мня,

Около мня,

Около мня.

Ако птачикъ ярабачикъ.

Около пня,

Около пня.

При созрѣніи гречихи и проса:

Една жала татаречку, друга жала просо,

Една бола въ жглыхъ чижмахъ, другá бола босо.

Една мала годбавъ одѣвъ, другá мала платно.

Една боло цифрано, друга дѣвчя шварно.

Гречиха :

Въ зеленой паганце седемъ паровъ воловъ :

Оставай ма мила, съ милымъ паномъ Богомъ.

Просо :

Вылетела препенелка въ проса,
 А я за ней бежала сошь боса.
 Идемъ са я мой мамки выгнать,
 Чи я мамъ ту вренадичну хытати.
 «Хытай же ю дівка моя, хытай ;
 Ленъ же са тй хвостика не тыкай.»

Макъ :

А коже то, ако сею макъ !
 А то такъ,
 Сею макъ. —

Когда цвѣтеть рожъ :

Зелено житко до колена,
 Возми ма милы на колена.
 Зелено житко заквитавъ,
 Ужъ ма муѣ милы занехавъ.

Тоже :

Насяй сошь житко, не будешъ го житъ ;
 Миловай сошь дивча, не будешъ го брѣти.
 «Ленъ са ты шугай житко возны,
 Ленъ си ты шугай дивча возни :
 Ленъ си ты шугай житко вымлаты ,
 Ленъ же мив шугай сарца на враты.»

Рожъ и обѣтъ :

Поведай си же ма возмешъ,
 Кель на поли житко дошхомъ ?
 Ужъ си возмашъ и повязашъ,
 Енче си ма предна не вяшъ. —

Въ честь серпа :

Грабь сриниць, грабь,
 Ужь ты ие далеко жонесиць грабь,
 Эа адь крас-виць до крась,
 Грабь же ни сриниць, грабь!

При заходѣ солнца поють жнецы:

Ужь намъ панъ Богъ помогу, помогу,
 Инымъ людамъ не могу, не могу.
 А вы речте : о Воже! о Воже!
 И намъ панъ Богъ поможе, поможе.
 Ужь мы домовъ идеме, идеме,
 Чо вечерать будеме, будеме?
 Печёнёю кáчера, кáчера (утна):
 Тое наша вечера, вечера. —

Окончивши работу, жнецы дѣлають возваніе къ прочимъ, еще работающимъ:

Домовъ лудя зъ поля, ужь вашъ часъ приходи,
 Раняйша зорничка за гору заходи,
 Домовъ лудя зъ поля, кому добра вула,
 А кому ие къ вула, всьхъ вѣдуе, ам. колжачотн!

При возвращеніи жнецовъ домой:

Въ нашего пановъ дворе,
 Стои руже на столе;
 Нашъ панъ се въ ней пребера,
 Же вонъ певнү пану ма.
 Готуй, пане, вечеру,
 Двацца оумтѣ пешену,
 Готуй въ тому лямнице,
 Иду ты домо жнице.

Готуй, пане таньаре,
 Иду домо вазаре,
 Еденъ вазарь намъ досталъ,
 Главкы болешъ досталъ: —

По оконаніи жатвы:

Будь похвалень, панъ Богъ нашъ!
 Же помогай въ тепо часъ!
 Житко вожать, повязать,
 До стодолы повязать. —

По уборки хлѣба жнецы возвращаются домой торжественнымъ шествіемъ. Мальчикъ несетъ впереди ихъ изъ шелковой матеріи знамя; верхушка его украшается разными доскутками, пуками полевыхъ цвѣцовъ и хлѣбными колосьями. Подаетъ него или за нимъ, идетъ дѣвушка съ вѣнкомъ на головѣ, который обыкновенно плетется изъ стебельевъ и колосьевъ, на подобіе короны; за нею идутъ поющіе жнецы. Они приходятъ или прямо домой или на хозяйскій дворъ. Вѣнецъ вѣшаютъ по срединѣ гумна или предъ его воротами, и оставляютъ тамъ до новой жатвы. Потомъ поютъ на двѣ половины:

Кторей же днешь, иторей, увіеме весѣтъ?
 Тея, итору выдѣ найрайши младенецъ.
 Кому же днешь, кому даме ивѣтъ заставу?
 Тому, чо вѣ пода свою ручку праву.
 Тенъ Ондришъ Славине, та Анна Благее:
 Тобы боу пекны парь, кобы имъ панъ Богъ давъ!
 Пани наши, пани, отворайте браны,
 Несѣме вамъ дарикъ, женицовъ пекны паринь.
 Идѣ женщины зъ роли, прествройте столы,
 Столы яворѣ, обрусы кшентове.

Другая пѣснь:

Нашего пана живво,
 Скоро се докончило,
 А суседово живво,
 На полы въ полу сгидло.
 Нашего пана живво,
 Теразъ се докончило,
 А суседово стон,
 Бо се го челадь бон.
 Живво сме доконали,
 Пальце сме порезали.
 Треба бы намъ ренечкы,
 Позавіаць палечкы.
 Наша пани не пышна,
 На врата ку намъ вышла,
 Богу се помодала,
 Же живво докончила.
 Несеме палу вѣнокъ,
 А пани подарунокъ. —
 Панови до стололы,
 А пани до коморы (*)

Жатвен-
ныя пѣс-
ни у Сер-
бовъ.

У Сербовъ такъ же имѣются жатвенныя пѣсни, вотъ нѣкоторыя:

Надежнѣва се момак и девојка:
 Момак нажне двадсет и три сноа,
 А девојка двадсетъ и четири.
 Кад у вече овечери било,
 Момак пије двадсет и три чаше,
 А девојка двадсет и четири.

(*) Kollar: Narod. Zpiew. ч. I. с. 303-310.

Кал у јутру боо дам освяну,
 Момак лажы, ни главо не диже,
 А девојка итаи всак весе.

По окончаніи жатвы, жнецъ беретъ пукъ колосьевъ, перехватываетъ его по срединѣ, и становится въ горизонтальный кружокъ. Дѣвушки колятъ вокругъ него съ пѣніемъ, и въ то время каждая старается выдернуть соломенку. Кто выдергнетъ, той быть за мужемъ.

Да сватамо танке сламке, танке, танане,
 Да гледамо, ко ће с кыше да се любимо.
 Ватајте се танке сламке, танке, танане,
 Да гледамо, ко ће кому у срећи пасти.
 Кома старо, коме младо ком' што срећа да.
 Било старо, било младо любвићу га ја,
 Косе не ће полюбити, убио га Бог!
 Убила га света Петка Параскевија!
 Пуштајте ее, беле руке не држите се,
 Косе с њене уватко, да се любимо (*)

Задунайскіе Славяне, весьма богатые въ изліяніи простосердечныхъ чувствъ, обнаруживаютъ ихъ во всей своей жизни, своихъ занятіяхъ и работахъ. У нихъ существуютъ поговорки, причитанія и пѣсни, даже на самое кушанье. — Въ Россіи равно существуютъ свои причитанія и пѣсни, но онѣ извѣстны одному народу. Мнѣ случалось много разъ слышать причитанія на многія вещи, но время изгладило изъ моей памяти, а обстоятельства не дозволили собирать ихъ. — Въ Малороссіи

(*) Караджичъ : Народне српске пјеме, Лип. 1824 года кн. I. с. 42-47.

заживныя причитаія въ большемъ употребленіи, и онѣ во многомъ сходствуютъ съ славянскими.

Заживки
и обжир-
ки въ Ма-
лорос-
сіи.

Малороссійскій хозяинъ отправляется прежде осмо- трѣть свое поле: не пора ли жать? Если хлѣбъ созрѣлъ, то онѣ, нарвавъ пучокъ колосьевъ, принеситъ ихъ домой, закладываетъ за образа и тамъ оставляетъ ихъ до слѣдующаго урожая. При принесеніи имъ колосьевъ, про- ходитъ въ домѣ общее веселіе: всѣ радуются и ждутъ съ нетерпѣніемъ начатія жатвы. Хозяинъ, если самъ не можетъ управиться, то онѣ отправляется къ сосѣдамъ и ихъ проситъ помочь ему. Когда онѣ появителъ съ жнеца- ми въ полѣ, тогда онѣ прежде всего дѣлаетъ крест- ное знаменіе, обратясь къ востоку лицомъ, и говоритъ: *поможи Боже сожать жито, пшепцию и всяку пашки- цю*, и первый захватываетъ серпомъ рожь; за нимъ на- чинаютъ жать и всѣ прочіе. Начало жатвы называет- ся заживками. Иногда, вмѣсто хозяина, зачинаетъ жни- ца, извѣстная своимъ благочестіемъ.

Собираніе хлѣба сопровождается пѣніемъ, исполнен- нымъ душевной радости. По полямъ раздаются бе- зочетно игривыя пѣсни; сама природа, кажется, ве- селится съ жнецами: все имъ благоухаетъ и все жи- вить упительной веселостію. — Смотри на нихъ, серд- це невольно завидуетъ ихъ счастью. Душа свободы, довѣрчивая откровенность и простосердечное самодо- вольствіе, ставятъ ихъ выше всѣхъ счастливицевъ въ мѣрѣ. — Ряды жнецовъ работаютъ дружно. Малые и большіе: съ серпами въ рукахъ, съ граблями на спинѣ, всѣ трудятся и всѣ поютъ. — Пѣсни заживныя поются безъ разбора, но чаще всего шуточныя и ве- селыя:

Казала намъ пивка,
Що е у пана горилка,
Въ кожори, на полици,

Въ хрустальной силванцѣ,
 Въ конорѣ видъ давою,
 Приросла муравою.

На гори крыница,
 Коло немъ пшеница,
 Жали и жинцы,
 Та сами молодцы;
 Хлопцы вусаты,
 И дивки косаты.
 Добра нивонька буца,
 Сто копъ уродыла.
 Що копа, то колода,
 Панови награда.
 Запрягайте волю,
 Идите по подпоры:
 Скирдтоньки подираты,
 Вязальниковъ прошаты. —

У нашего пана,
 Золотая брама,
 Золотая присца,
 Сило вязальниковъ зъ трета.
 Не добру долиньку мас,
 Рано зъ поля сьязжас,
 Тилько тужаночка,
 Що жинки не мас.

Ой у чужого господаря обидаты пора,
 А у нашего господаря ще и думки не ма.
 Ой паноньку нашъ! обидаты часъ!
 У чужого господаря герилочку пьютъ,
 А у нашего господаря веды не дають.
 Ой паноньку нашъ! обидаты часъ!
 У чужого господаря полудноваты пера,
 А у нашего господаря щей на думки не ма.

Ой паноньку нашъ! полудноваты часъ!
 У чужого господаря не полудновалы,
 А у нашего богатого ще й не думалы.
 Ой паноньку нашъ! полудноваты часъ!

Закатылось сонечко
 За виноградный садъ.
 Цлуйтеса, милуйтеса,
 Кто кому радъ.

Ой Маруся зъ Иванькомъ
 Цлювалася, миловалася,
 И ружьничку дала:
 Отъ се тоби, Иваньку,
 Рученька моя!
 Ой якъ пождемъ до осени,
 Буду я твоя.

Выйди паноньку до насъ,
 Выкупъ вищець у насъ.
 Положи червоного,
 Видъ вицца полового.
 Бо якъ не выйдешъ до насъ,
 Не выкупишь вицца у насъ.

До корчмы понесемо,
 Отъ до того жнда;
 Горилки напьемось,
 И не будемъ до обида. —

Эту пѣсню поютъ еще, когда жнецы, возвращаясь на господскій дворъ, встрѣтятъ дочь хозяйки, и требуютъ, чтобы она выкупила у нихъ вѣнокъ. Дѣвушка выкупаеть, воднося имъ по чарки водки.

Ой чіе жъ те поле,
 Зажовтѣло стѣя?

Иванове поле,
 Зажестило стол.
 Женцы молоды,
 Серпы злоты?
 Ой чіе жъ то поле,
 Задремало стол?
 Гришкове поле,
 Задремало стол.
 Женцы все стары,
 Серпы все изломаны.
 А мы своему пану,
 Изробыли славу:
 Житечко пожалы,
 Въ снопы повязалы,
 У копы склалы.
 А мы своему пану,
 Изробыли славу.
 Ой паноньку нашъ,
 Обжиночки часъ!
 Благослови жъ Боже!
 Обжиночки часъ.

Ой упала нивка въ кинцы матырынка,
 Тамъ дивчына жито жала, сама чернобрывка.
 Идетъ козакъ дорогою : помогай Вигъ жинцы!
 Вона стала, отгадала, сердынькомъ назвала.
 Сія жъ слава на все село пала,
 Що дивчына козаченьна сердынькомъ назвала.
 А щожъ, моя маты, неженатый хожу,
 Калыночку ломлю?
 Оженыся сынку, оженыся Максимку:
 Возьми соби панянку, у шинкарки дочку.
 Шинкарчина дочка мени ни равная :
 Ходить вона до рыночку, джъ королева.

Мени зъ нею не статья, тай же говорыты,
Только статьи, шанку заныты.

Ой за гаємъ, гаємъ, гаємъ зелененькинь,
Тамъ орала дивчицеца
Волькомъ черненькинь —
Орала, орала, ни видла гукаты,
Тай наняла москаликъ (*) у скрышку граты.
Мос каликъ, играе, брованы моргае.
Чорты батька его знае, чего вишь моргае!
Чи на мои волы, чи на мои коровы?
Чи на мое биле личко, чи на мои черны бровы?
Волы и коровы уси повдыхаютъ,
Биле личко зъ румянцемъ ни злине.

Ой покинувъ сизый голубъ на поли живиця,
Ой похавъ москаликъ у Польшу жениця!
Шумыть, шумыть дубровонька, шумыть зелененька,
Плаче, плаче дивчыненька, плаче молоденька.
Ой ждала я, ждала, нема моего пана.
Ой пйду я до домочку, та зайду въ комору.
Въ мой комори тай всего довольно,
Только того не довольно, що я одна въ комори.
Стану билу постель слаты:
Била постель мени не мила, ни съ кимъ размовляты.
Ой прильнувъ сизый голубъ зъ поля, ни навѣнись.
Ой прихавъ москаликъ зъ Польщи, ни женѣнись.
Ой не шуми дубровынька, та ты зелененька;
Не плачь, не плачь дивчыненька, та ты молоденька.
Кому я та кошу, досередь покосу,
А такую панянку николи не брошу.
Пйду я на ричку, та пймаю шуду,
Возьму я панявочку за билую ручку.

(*) *Москал*, уменьшительное отъ него *москаликъ*, значать Русской. — Иные поютъ еще: *тай наняла козаченька*, и т. д.

Ой горе, горе, несчастная дядя!
 Изорала Марусенька бровишками поле,
 Карыми очима тай заводочила,
 Дрибненькими слезоньками все поле замочила.

Ой по горахъ, горахъ, щисичешки яры,
 А по долинонькамъ щелковьи травы.

Ой на тій же на травони, коракы столды.

Марусю пытали:

Марусенька, панька, чи памь тай домъ?

Нема мого пана, донхавъ на ловы.

Колы нема пана, вайды де насъ сама:

Марусенька вийшла, въ черешчакъ вийшла,

Середь двора стала, коней распявала:

Ой ни есть же вы козапоньки,

Вы бурлаки-разбойники!

Мого пана убили и коней забрады.

Не правду говоришь и насъ козачишкыивъ,

Въ безславоньку вводилы.

Бо сїя кони въ степи покупили,

На зелений отавци за гроши покупали.

Булы жъ у насъ сваты, — зелени дубки,

Була у насъ шинкарочка, — бидля березочка.

Могорычы запыдали, — водичей въ крышци.

Послала мене маты,

Зеленого жыта жаты.

Ой нуте косары,

Що не рано почалы!

Хоть не рано почалы,

Да богацько утали.

А я жыта не нажала

Въ борозденьци пролежала.

Ой нуте косары, и т. д.

Нахали чужеземцы,

Нашли мене въ борозденьци.

Ой нуте косары, и пр.

Осердылася Марына,

Що не кошачьи дочки,
Ой нуте косары, и пр.

Отозвался чернобробый:
Не сердись моя Марыно!

Ой нуте косары, и пр.
Мы покосимъ, погребемъ,
И въ кошечки складемъ.

Ой нуте косары, и пр.
Черезъ твои бѣлы ручки,
Нема еще нити въ кутки.

Ой нуте косары, и пр.
За твои черны брови,
Мы нанесимъ перелогы.

Ой нуте косары и пр.
За твою ласку,
Готовъ выддать копя кублачку

Ой нуте косары, и пр.
Пійшла маты до Кмева,
Мене въ домъ покинула.

Ой нуте косары, и пр.,
Мени маты наказала,
Робыты дома приказала.

Ой нуте косары, и пр.
Робы, донько моя, робы,
За всимъ сама ходы.

Ой нуте косары, и пр.
Хто робыты волниница.
Тому лихо приключицца.

Ой нуте косары, и пр.
Пришла маты, засветыла,
Мене дома не зустріла.

Ой нуте косары, и пр.
Продай маты двѣ коровы,
Купы мени черны брови.

Ой нуте косары, и пр.
Продай маты двѣ телени,

Купы мени двѣ сподвижы.

Ой нуте косары, и пр.

Продай шоты мучи мурку,

Сведи мене съ тому жолнарку.

Ой нуте косары,

Що не рано почалы!

Хоть не рано почалы,

Да богацько утяли.

Звѣгала мени маты,

Ячмицю жаты.

Жми, жми, моя доненько!

Жми, жми, мое серденько!

Ячмицю не жала,

На межы лежала,

Лежи, лежи, моя доненько!

Лежи, лежи, мое серденько!

Снопочикъ нажала,

Къ сердечку прижала.

Жми, жми, моя доненько!

Жми, жми, мое серденько!

Ячмище зернячко,

Укололо сердячко.

Терпи, терпи, моя доненько!

Терпи, терпи, мое серденько!

Ой жгы терпала,

Да жгы вожила.

Млїй, млїй, моя доненько!

Млїй, млїй, мое серденько!

Щобъ сердце злчнты,

Треба козака любити.

Люби, люби, моя доненько!

Люби, люби, мое серденько!

Щобъ моя маты,

Ъ козаконъ мени гуляты.

Гуляй, гуляй, моя доненько!

Гуляй, гуляй, мое серденько!

Еще жъ моя ната, ...
 И волю ему давати. ....
 Давай, давай, моя дошенька! .....
 Давай, давай, моя сердешная! .....

По окончаніи работы дѣвушки плетутъ ржанный вѣнокъ, который перевиваютъ цвѣтами и травами. Мушны связываютъ особый снопъ и перевязываютъ его рожью, а иногда цвѣтами. Вѣнокъ надѣваютъ на голову одной изъ красавицъ, предъ кою мальчикъ несетъ снопъ. Прочія дѣвушки окружаютъ свою подругу, такъ же съ вѣнками на головахъ, но плетенными изъ васильковъ, незабудочекъ, колокольчиковъ и другихъ полевыхъ цвѣтовъ. Всѣ идутъ къ хозяину на дворъ: чимъ онѣ дарятъ его снопомъ и вѣнкомъ, и желаютъ ему дожждаться еще изобильнѣйшей жатвы. Хозяинъ выслушиваетъ ихъ съ трогательною признательностію, благодаритъ и всѣхъ проситъ *отвечеряти* (отужинать); вѣнокъ и снопъ вносятъ въ избу и хранятъ за образами до будущей жатвы.—На дворѣ, подъ открытымъ небомъ, угощаются всѣ ужиномъ хлѣбосольнымъ и радушнымъ.

Въ послѣдній день жатвы, называемой обжинками, жнецы идутъ съ равнымъ торжествомъ на господскій или хозяйскій дворъ. Тамъ давно стоятъ для нихъ столы накрытые.—Грешневые тѣлушки съ саломъ (кѣлцки) ставятъ на столъ, и тутъ уже подносятъ по чаркѣ водки. Хозяйка находится безотлучно при сельскомъ, но гостепріимномъ ужинѣ, и проситъ всѣхъ *вечеряти* какъ у себя дома. — Въ другихъ мѣстахъ, по уборки хлѣба съ полей, угощаютъ жнецовъ въ одинъ изъ дней свободныхъ отъ работъ, или въ праздникъ, особымъ обѣдомъ, при чемъ подаютъ горячіе пироги изъ мяса, творога и паляницы со сметаной; потомъ борщъ, молочную кашу или дайшу, жаркое изъ говядины или баранины. Въ продолженіи обѣда жарка съ водкой

постоянно ходить по рукамъ. Самъ хозяинъ съ хозяйкою раздѣляютъ общій столъ, и они строго смотрятъ, чтобы всѣ были сыты и довольны. Въ заключеніе подаютъ варенуху, и день непременно обращается въ праздникъ *обжинокъ*. Послѣ стола гостепріимные хозяева надѣляютъ жнецовъ пирогами и палачами, или чѣмъ другимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приносятъ въ церковь *первинки* для освященія, которые состоятъ изъ выпеченнаго хлѣба, и если въ то время созрѣли плоды, то яблоки и груши (*). На особой деревянной тарелкѣ ставятъ медовые соты, а на прочихъ *первинки*. Священникъ, отслуживъ благодарственный молебенъ, кропляетъ *первинки* священной водою и потомъ они съ благовѣніемъ раздаются домашнимъ; нѣкоторую часть изъ нихъ оставляютъ и хранятъ дома, какъ предохранительныя средства отъ многихъ болѣзней. —

Здѣсь, по окончаніи жатвы, выбираютъ женщины изъ Обжинокъ въ черной Россіи. дѣвушекъ одну прелестнѣйшую и украшаютъ ее голову плетенымъ вѣнкомъ: изъ ржи и васильковъ. Хоръ дѣвушекъ, окруживъ ее, отправляется съ нею къ господскому дому, при пѣніи радостныхъ пѣсней. Помѣщикъ встрѣчаетъ ихъ на крыльцѣ, и потомъ подходитъ въ увѣнчанной: снимаетъ съ нея вѣнокъ и благодаритъ жнецовъ за успѣшное и благополучное окон-

---

(*) Повсюду въ обыкновеніи, что при кушаніи въ первый разъ *первинокъ*, или при видѣ на комъ либо обновы, дерутъ за уши, какъ бы въ наказаніе, за вкушеніе плода, напоминающаго этимъ, что за вкушеніе запрещенныхъ плодовъ, были изгнаны изъ рая первые два челоуѣка. — Въ послѣдствіи это обстоятельство примѣнено къ обновѣ, при чемъ уже люди, не привыкшіе драть за уши, поздравляютъ съ обновою. — Этотъ обычай господствовалъ по всему востоку.

чаніе работы. За тѣмъ онъ угощаетъ ихъ водкою и ужинномъ, или даетъ имъ на водку. Между тѣмъ въ его комнатѣ появляются на стѣнѣ вѣлки, съ пучкомъ колосовъ.

Въ Подлясін (червоной Россіи) *постадниця* (старшая изъ жнецовъ) начинаетъ всякій разъ жатву, обряднымъ дѣйствіемъ. Связавъ снопъ хлѣба, она поднимаетъ его въ гору, и проаноситъ громко:

Ото наша веселка,
 Одъ полудня до вечера :
 Щобъ жалось веселенко,
 И здоровенько,
 И Богу миленько,
 И людямъ и намъ,
 И нашимъ панамъ.

А жните, пожинайте,
 Колосъ побирайте.
 Не стоить панъ о колосъ
 Оно о соломѣ,
 Поживаты етодолу и обору.
 Мій снопъ восвода,
 Ходить коло города ;
 Мій снопъ осталець,
 Поведе постадницю въ танецъ.
 Що поведе, поцилуе,
 Медомъ, винцомъ почастуе.

Съ окончаніемъ причитанія, она бросаетъ изъ за своей головы снопъ, въ ознаменованіе тяжкихъ работъ жнецовъ (*).

Пожни-
ка, и жне-
чинка. Въ другихъ мѣстахъ (пензенской и симбирской губер-
 ніяхъ), существуютъ пожинки. Тамъ, по окончаніи жатвы,

(*) Goleb. Gry i zabaw. ч. 12. с. 54—155.

собирается народъ въ поле дожидать послѣдніе загоны, и когда уже свяжутъ послѣдній снопокъ, называемый *имляникъ*; тогда наряжаютъ его въ сарафанъ и кокошникъ, и съ пѣснями несутъ его на господскій дворъ, гдѣ жнецовъ угощаютъ пивомъ и виномъ. (*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, послѣдній снопокъ такъ же называется *имляникомъ*. Ему придѣлываютъ руки, убираютъ въ пестрое женское платье и несутъ его на хозяйскій дворъ, гдѣ ожидаетъ ихъ богатое угощеніе. Хозяинъ печетъ тогда коровай изъ новаго хлѣба и раздѣляетъ его между своими гостями. Въ сѣверо-восточной Россіи такъ же пекутъ коровай, но его водносятъ жнецы хозяину въ подарокъ. Въ смоленской губерніи придѣлываютъ къ снопу руки, надѣваютъ на него бѣлую насовку, а на вершину снопа кичку, или наматываютъ женскій уборъ, называемый *накидка*, и двѣ женщины несутъ на господскій дворъ. Хозяинъ выходитъ имъ навстрѣчу, жнецы поздравляютъ его съ счастливымъ окончаніемъ жатвы и бьютъ снопокъ вѣникомъ березовымъ, съ особыми приговорками, въ томъ предубѣжденіи, что животныя, истребляющія поля, истребятся послѣ этого таинственнаго обряда. Потомъ угощаютъ всѣхъ; пѣсни и пляски заключаютъ всеобщее веселіе.

Въ вологодской губерніи снятый послѣдній снопокъ съ поля, называется *кумушка*. Тамъ собираютъ овесъ послѣ всѣхъ хлѣбовъ. Остатокъ его срѣзывается дружно съ корня, всѣми жнецами; верхъ этого снопа повязывается платкомъ. *Головная жнеца* — первая, начинающая жать первый загонъ — беретъ *кумушку* и несетъ его въ домъ своего помѣщика, въ сопровожденіи пѣсней своихъ подругъ, которыя поздравляютъ своего ба-

---

(*) Снегирь.: Русск. прост. праздн. и пр. выпускъ IV. с. 86.

рина съ двумя полями съжатыми а съ третьимъ засѣян-
нымъ. Поблагодаривъ ихъ за усердіе, онъ принимаетъ
кумушку и ставитъ его въ передній уголъ подъ образами;
тутъ онъ остается цѣлую недѣлю; потомъ снимается и
хранится до Покрова. Въ этотъ день кормятъ куму-
шкой, рогатый скоть, закармливаемый на зиму.

Въ саратовской губерніи по уборкѣ хлѣба наряжа-
ютъ солеменную куклу, въ кумачный сарафанъ; на
голову надѣваютъ чуплюкъ, на шею ожерелье и ук-
расивъ цвѣтами, носятъ чучело по селенію, съ пѣсня-
ми и плясками.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Литвы и Бѣлоруссіи, до-
жинки и пожинки называются *госпожками*.

Госпо-
жинъ
день,
осенний,
осенни-
ца, де-
жень и
спасодѣ-
день.

Въ другихъ мѣстахъ Россіи окончаніе жатвы из-
вѣстно подъ именемъ *спожинокъ, оспожинокъ, госпожи-
нокъ и опожиницъ*, а въ лѣтописяхъ *госпожинъ день*. По
мѣстному положенію они совершаются не въ одно
время, но всегда послѣ уборки хлѣба. Названіе го-
спожинъ день, произошло отъ древняго простонарод-
наго слова *спожинать*, доканчивать жатву. Въ Бѣло-
руссіи *Госпожа*, значитъ *Богородица*, а самый Успен-
скій постъ называется *госпожинками*, и въ это время
довершается жатва. Въ витебской губерніи обжинки
совершаютъ единообразно, какъ почти во всей Бѣло-
руссіи. Жнецы обоого пола, особенно дѣвушки и мо-
лодки, наряжаются въ праздничныя одежды и идутъ,
при пѣніи пѣсней съ самого поля, къ дому помѣщика.
Дѣвушки украшаютъ свои головы вѣнками, и одна изъ
нихъ, славящаяся красотою, идетъ впереди; за нею
всѣ прочія. Мужчины несутъ на плечахъ грабли и ко-
сы, а женщины держутъ въ рукахъ серпы: все идетъ
попарно, съ торжественной радостію. Помѣщикъ,
услыхавъ издалека голосъ поселянъ, выходитъ со
всѣмъ своимъ семействомъ къ нимъ на встрѣчу. Тол-

пы жнецовъ входятъ въ дворъ, поздравляютъ барыню съ окончательной жатвою, и желаютъ ему дожждаться слѣдующей, еще изобильнѣйшей. Красавица снимаетъ съ своей головы вѣнокъ, и надѣваетъ его на голову барышни; если ее нѣтъ, то на голову молодой барыни. Тогда всѣ стоящія попарно жнецы, кланяются ей, привѣтствуютъ и желаютъ, если это дѣвушка: добраго и богатаго жениха, а барыни дожждаться счастья своей дочери. Помѣщикъ угощаетъ всѣхъ: ужиномъ, водкою и пивомъ. Послѣ ужина они предаются забавамъ и играмъ, и потомъ расходятся по домамъ. —

Достойно замѣчанія, что въ этой губерніи поселяне, во время жатвы, всегда надѣваютъ на себя чистое платье, и особенно щеголяютъ бѣлыми рубашками. При жатвѣ хлѣба дѣвушки становятся другъ противу друга, и поютъ попеременно пѣсни, и своими тѣлодвиженіями выражаютъ радость и печаль, любовь и безнадѣжность.

Въ Бѣлоруссіи *Госпожа* имѣетъ два названія: *малая Пречистая* и *большая Пречистая*. Первая означаетъ рожденіе Божіей Матери, а вторая Ея смерть или Успеніе. —

Въ большую Пречистую не только въ Бѣлоруссіи, но и въ Литвѣ, Малороссіи и во всѣхъ прочихъ мѣстахъ Россіи, совершаютъ освященіе созрѣвшихъ плодовъ, хлѣбныхъ колосьевъ, и медовыхъ сотовъ. Въ Россіи большая Пречистая извѣстна подъ именемъ *Успенницы*, а въ Малороссіи *Успенія*. — Съ Успеніемъ почти оканчиваются всѣ работы жнецовъ, и начинается повсемѣстная уборка и возка зерноваго хлѣба.

Въ Литовскихъ мѣстахъ уборка хлѣба извѣстна подъ именемъ *малыхъ осенинъ*. Самое названіе осенинъ показываетъ, что они произошли отъ осени, потому что въ эту пору оканчиваются полевые работы. Въ дру-

гихъ мѣстахъ отправляются *кожики* по мертвымъ въ осенниы, какъ въ дмитріевскую субботу или въ поминальные дни.

Въ костромской губерніи поселяне, предъ начатиемъ жатвы, молятся на три стороны, кромѣ сѣверной. По окончаніи жатвы оставляютъ на полѣ небольшой клочекъ хлѣба, называемый *волотка на бородку* (волотка значитъ хлѣбный колосъ); обвязываютъ оставшеюся соломой свои серпы и кладутъ ихъ въ домъ, предъ св. иконами. Другіе катаются по нивѣ, приговаривая: *жница, жница! отдай мою силку на пестъ на мѣшокъ, на колотило, да на молотило и на криво веретено* (*). Съ окончаніемъ жатвы, угощаютъ жнецовъ. —

Въ сѣверо-восточной Россіи совершаютъ овсяннику въ день св. Андріана и Наталіи, (августа 26). Жнецы несутъ домой снопы овса, и ставятъ его подъ образами въ уголь, называемый *сутки*. Хозяинъ приглашаетъ ихъ садиться за столъ, и угощаетъ ихъ толокномъ, называемымъ сдѣсь *дежень*, а потомъ пирогами и овсяннымъ киселемъ или кашею. Во время кушанья сравниваютъ урожай овса нынѣшняго года съ прошедшимъ, и считаютъ *суслонами*. (количество сноповъ). Если нынѣшній урожай богаче прошлогодняго, то жнецы получаютъ отъ хозяина по немного всякой муки, въ противномъ случаѣ остаются довольными угощеніемъ, и благодарятъ хозяина и хозяйку за сладкій *дежень*, и выходя изъ избы, клянутся на четыре стороны. —

Ръ рязанской губерніи празднуютъ *аспосовъ* или *спосовъ* день, и нѣтъ сомнѣнія, что это спасовъ день, въ который приносятъ въ церковь для освященія первые зеленые плоды.

(*) Свєгир. прос. праздн. русск. и пр. вып. IV. с. 80-82.

Въ великой Россіи такоеже происходитъ радушіе при Дома-
на и об-
женинахъ
Россіи. собираніи хлѣба, и такъ же сопровождается пѣніемъ веселыхъ пѣсней. — Жатва повсюду есть предметъ радости. Богатая награждаетъ земледѣльца, скудная никого не веселитъ. — Предъ окончаніемъ жатвы жнецы угощаются хозяиномъ водкою и пирогами, и это угощеніе называется дожинками. Они употребительнѣе въ югозападныхъ частяхъ Россіи: въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и въ сопредѣльныхъ съ этими мѣстами губерніяхъ. — Тамъ вѣшаютъ вѣнки, изъ полевыхъ цвѣтовъ, въ полѣ на шестѣ; головы дѣвушекъ украшаются цвѣтами, а женщины и мужчины принимаютъ участіе въ забавахъ молодыхъ людей. Иногда дѣвушки составляютъ хороводъ около жита: ходятъ вокругъ него, побравшись за руки, и поютъ приличные своимъ забавамъ сельскія пѣсни. Вечеръ заключаютъ плясками подъ гудокъ, и возвращаются домой съ пѣніемъ и радостію.

Послѣ жатвы наступаютъ для жнецовъ обжинки, получившіе свое названіе отъ слова обжинать, окончить жатву. Хозяинъ приглашаетъ къ обжинкамъ не только жнецовъ, но часто сосѣдей и постороннихъ людей; угощаетъ ихъ сначала водкой и пирогами, печеными изъ новаго умолта хлѣба; потомъ щами, кашею и печенымъ, — обыкновеннымъ деревенскимъ столомъ, который однако не вездѣ одинаковъ: смотря по зажиточности хозяина, онъ измѣняется. — Остальное время дня проводится въ пляскахъ, хороводахъ и народномъ пѣніи.

Рабочая пора у земледѣльца соединена съ замѣчаніями и обрядами, а время трудной работы называется Страда,
или стра-
дная по-
ра. *страдаю* или *страдною порою*. И это справедливо, потому что тогда земледѣлецъ болѣе всего терпитъ, и страдаетъ отъ своихъ тяжелыхъ трудовъ. Онъ не жалѣетъ ни рукъ, ни силъ: онъ работаетъ до взнеможенія. О, какъ часто, истощивъ свои силы, онъ никакихъ не помыш-

наетъ плодovъ! По этому самому, приступаетъ ли къ по-
сѣву или жатвы, онъ напередъ совершаетъ крестные
ходы съ св. образами, молитъ Бога увѣчать его тру-
ды, и спѣшить принести во храмъ Божій первые пло-
ды отъ своего хозяйства.

Помочь
и другія
отъ нар-
занія.

Въ разныхъ полосахъ Великороссіи, происходитъ въ
августѣ мѣсяцѣ сельское пиршество, называемое *помочи*.
Многіе хозяева, когда остается на ихъ поляхъ хлѣбъ
не дожатый почему нибудь, тогда они созываютъ со-
сѣдей, чтобы помочь собирать его. — На дворѣ уже
заготовлены столы, съ хлѣбомъ-солью, пирогами и пше-
ничными калачами. Вдовы, нуждающіяся въ помочахъ
и не имѣющія способовъ угостить своихъ добрыхъ со-
сѣдей, получаютъ отъ зажиточныхъ все нужное для
этого пиршества. Угощенные сосѣды отправляются въ
поле: тамъ снимаютъ хлѣбъ, возятъ сѣно а хозяинны
за то снабжаютъ ихъ на зиму: дровами и лучинами.—
Поселяне, считающіе за великій грѣхъ работать въ
воскресенье, идутъ охотно послѣ обѣдни работать на
вдовой землѣ.—Народная поговорка: *за вдовою и Богъ
съ сужою*, безъ сомнѣнія произошла отсюда.

Въ Малороссіи, Сибири, пермской, вятской, оренбург-
ской и смежныхъ съ ними губерніяхъ, выпалываніе и
совершеніе полевыхъ работъ извѣстно подъ именемъ
помочей, но онѣ, по роду занятій, носятъ разныя назва-
нія. Поленіе огородовъ называется *полотушка*, трепаніе
льна и конопля *потрепушка*, пряжа *супрляки*, у наво-
живаніе *назми* и *толоко*, собираніе рѣпы, рѣдки, мор-
кови, картофеля и проч. называется копаніемъ *поря-
ницы*, *оборкою* и *смижкою земляницы*; сниманіе лука и
чеснока, *луковыя днѣмь*; рубленіе капусты, *капустни-
цею*. Въ Сибири рубка капусты называется еще *вечеромъ
капустки*. Въ чебоксарскомъ уѣздѣ (казанской губерніи)
врадникъ капустки, принадлежащій собственно этому

уѣду, издавна есть народный. Такъ капустку ожидаютъ точно съ такимъ удовольствіемъ и нетерпѣніемъ, какъ рождественскіе святки. По наступленіи времени рубить капусту, собираются сначала одиѣ дѣвушки: рубить ее весело и радостно, и спѣшать какъ можно поскорѣй окончить свою работу. Послѣ рубки угощаютъ ихъ ужиномъ; потомъ собираются сюда въ нарядныхъ своихъ одеждахъ мужчины: они не смѣютъ войти прямо въ избу, но подходятъ сначала къ окошку просить позволенія у хозяина, и получивъ его соизволеніе, входятъ въ комнату съ начальнымъ привѣтствіемъ къ хозяйкѣ: *поздравляю милость вашу съ капусткой.*—*Покорно благодаримъ,* отвѣчаетъ хозяйка, *прошу бесѣдовать съ нами.*—Каждый молодецъ приноситъ съ собою лакомства.—Когда парней соберется довольно, тогда начинаютъ разныя святочные игры, и забавы продолжаются до разсвѣта. Въ продолженіи игръ, женихи стараются извѣдать нравъ и сердце молодыхъ дѣвушекъ, шутятъ съ ними, рѣвуются, поютъ пѣсни и ходятъ попарно перешепчиваясь, однако украдкой, безъ нарушенія приличія: въ противномъ случаѣ, за несоблюденіе должной скромности, молодцы не допускаются къ играмъ, и они должны немедленно оставить вечернее собраніе.

Родителямъ весьма не нравятся капустки, потому что женихи часто приходятъ высматривать невѣсть не тѣхъ, которыя имъ нравились, а тѣхъ, которыя имъ по нравятся, и случается, что женятся на другихъ, противу ожиданія родителей, предполагавшихъ въ нихъ будущихъ своихъ зятей (*) Такое празднество совершается

(*) Г-жа Фуксъ, въ описаніи частныхъ обрядовъ Чувшей, ошибочно сравниваетъ вечеръ капустки, съ гуляньемъ 1 мая въ Петербургѣ, говоря, что у насъ въ Петербургѣ сходится 1 мая гулять для того, чтобы высматривать невѣсть. — Гулянье 1 мая у насъ, есть встрѣча весны, и оно происходитъ въ Екатерингофѣ,

въ Малороссіи и въ большей части Россіи. Тамъ капустницы, собирающіяся для сѣченія капусты, ходятъ первоначально по сосѣдямъ, чтобы приглашать молодницъ и молодцовъ рубить капусту. Молодые люди, занимаясь сѣчкою капусты, проводятъ вечеръ въ дружескомъ пѣніи и шуточныхъ разказахъ. — Послѣ рубки угощаютъ ихъ пирогомъ изъ капусты, который называется *хлебальнымъ пирогомъ*, потому что его ѣдятъ со щами. Въ другихъ мѣстахъ нарочно варятъ пиво; угощеніе вообще заключается пляскою. Въ приволжскихъ губерніяхъ дѣвицы ходятъ въ праздничныхъ нарядахъ по домамъ, поздравлять хозяиновъ съ праздникомъ капустки и въ ихъ честь поютъ пѣсни. — Пѣсельницъ угощаютъ пирогами. Въ Малороссіи было въ обыкновеніи, что молодыя дѣвушки, нарядившись въ праздничныя одежды, ходили по домамъ поздравлять хозяекъ съ капусткою. Но это не было празднество, а приготовленіе къ капусткѣ, для которой созывали обыкновенно однихъ молодыхъ, чтобы работа шла веселѣе. Молодые обою пола, преимущественно сѣвшили воспользоваться этимъ временемъ; имъ тогда представлялся удобный случай пошутить и порѣзвиться между собою. — Тогда уже вечера капустки обращались въ вечерницы, т. е. въ вечернія забавы для молодыхъ: всѣхъ ихъ угощали паланицами и пирогами съ капустою. Молодежь созывали не только для сѣчки капусты, но для квашенія бураковъ (свеклы), моченія конопля, льна и для окончанія другой легкой домашней работы. —

куда сходятся и сѣзжаются не только со всей столицы, жители и государственные люди, министры и дипломатическій корпусъ; но и Царская фамилія, сопровождаемая Государемъ Императоромъ. — Можетъ ли это быть смотръ невестъ? — Этограф. описаніе казанск. губ., помѣщ. въ жур. мин. внут. дѣлъ, № 3, 1841 г., с. 371.

Въ другихъ частяхъ Россіи (вятской и пермской губерніяхъ) называютъ помочами удобреніе полей, равно-мѣрно такъ же и томе самое называется въ сѣверной волостъ Россіи, въ смоленской губерніи и нѣкоторыхъ литовскихъ мѣстахъ, но такое названіе не вездѣ сохраняетъ прямое свое значеніе, ибо косить сѣно называютъ уже тамъ толокомъ (*). Въ другихъ мѣстахъ говорятъ вмѣсто помочъ, *мазаны рытъ*, т. е: унавоживать поля наземомъ. Помочи и толоко, суть однезначущія. Лифляндскій лѣтописецъ Келькенъ говоритъ: владѣющіе обширными полями, созываютъ во время жатвы своихъ сосѣдей, для подаванія имъ помощи въ себраніи хлѣба, и вечеромъ угощаютъ ихъ, и такое угощеніе называется толокомъ.

Въ смоленской губерніи толоко обратилось собственно въ значеніе унавоживать землю, гдѣ ея удобреніе совершается не иначе, какъ чрезъ навозъ. Тамъ толоко занимаетъ всѣхъ домохозяевъ, и начинается обыкновенно съ Петрова дня; иногда и ранѣе, и продолжается до поздней осени. Хозяинъ сзываетъ сосѣдей на ржаный пирогъ и пиво, и угостить ихъ, просить помочъ ему возить толоко. Большіе и малые, и дѣти обоего возраста, возятъ на поле навозъ и тамъ разбрасываютъ его кучками. По окончаніи работы, ихъ угощаютъ вѣшь. Однажды я былъ свидѣтелемъ сельскаго угощенія послѣ толока.—Рабочіе сидѣли кружкомъ, лица ихъ были блѣдныя и высохшія, — тягостенъ трудъ земледѣльца! Они сидѣли въ молчаніи: предъ ними лежа-

---

• (*) Должно думать, что толоко происходитъ отъ древне-прусскаго, или эстскаго слова *talek*, которое означаетъ вознагражденіе за трудъ не деньгами, но угощеніемъ. — *Kelch: Lif- länd. Sifter*. Въ Литвѣ говорятъ *тлоко*.

ли ломти хлѣба, но когда подали кушнѣя: жидкую похлебку изъ гороха и зелени; тогда принесли, на деревянномъ блюдѣ, ржаный хлѣбальной пирогъ, начиненный кашустою и горохомъ. Хозяинъ подносилъ по чаркѣ вина, и потомъ каждый бралъ свою долю пирога и закусывалъ; наконецъ стали хлѣбать похлебку изъ общей деревянной миски, а тамъ, послѣ похлебки, подавали крошимо, рубленное мясо на куски, печеное и гречневую кашу съ масломъ. Во время обѣда подносили кружками черное пиво, нарочно вареное для этого дня. За нѣсколько дней до толокного угощенія, всегда варятъ здѣсь пиво; его пьютъ вдоволь. — О какъ было бы хорошо, если бы Русской, отъ природы умный, добрый, честный и трудолюбивый, замѣнилъ водку пивомъ. — Водка, губительница нравственности, ведетъ ко всѣмъ порокамъ и несчастіямъ. — Водка ядъ, — тихій, но вѣрный.

Уборка. За собираніемъ сжатого хлѣба, слѣдуетъ обыкновенно снимка его съ полей, и это называется *уборкою*. Уборка хлѣба не сопровождается особымъ какимъ либо угощеніемъ или празднествомъ; хозяинъ благодаритъ только помогавшихъ ему въ работѣ, и общается помочь имъ въ свою очередь, и если онъ зажиточный, то угощаетъ ихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уборка и оборка означаютъ послѣдній день оранія.

Не вездѣ свозна хлѣба съ полей, извѣстна подъ именемъ уборки. По мѣстности она называется различно, а именно: *свозка, увозонъ, перевозка*; но вездѣ они образуютъ народное веселіе, и можно сказать, празднество. Земледѣлецъ радуется, что благополучно снялъ съ поля хлѣбъ и уложилъ его вовремя въ свои скирды.

Овинъ и
овинное
пшени-
ны.

Въ костромской губерніи празднуютъ *овинъ* (сентябра 24) въ день мученицы Феклы, именуемой въ простонародіи *Феклою зарваницею*. Овинъ собственно значить гумно: хозяинъ собираетъ молотильщиковъ въ

овинѣ, который въ тотъ день называется *мяннинникомъ*; тамъ варятъ кашу въ честь мяннинника и угощаютъ ею всѣхъ работниковъ.—Это не есть особое празднество, но обрядъ гостепріимный: угостить новой кашею.—Когда поспѣетъ каша, тогда молотильщики садятся въ кружокъ и непременно въ самомъ овинѣ. Хозяинъ первый отвѣдываетъ кашу, а молотильщики говорятъ: *хозяину хлѣба варошокъ, а молотильщикамъ каши горшокъ*, и потомъ ѣдятъ ее съ масломъ. Въ другихъ мѣстахъ сѣверовосточной Россіи, это дѣйствіе слыветъ подъ именемъ *овинныхъ мянникъ* и тамъ варятъ кашу, но она называется уже *домолотною*, т. е: сваренною изъ окончательнаго умолота.

БАБЬЕ ЛѢТО.

Измѣненіе временъ года, праздновалось въ языче-^{Бабье}скомъ мірѣ съ религіозными обрядами, коихъ слѣды ^{лѣто.} остались въ христіанствѣ. У всѣхъ народовъ весна и осень, совпадали съ полевными работами. — Въ эту пору совершались повсюду торговые сдѣлки, годовые сроки и широкія соѣщанія. — Весенній у насъ Юрьевъ день и осенній Семенъ день, были срочными условіями для поселянъ и владѣльцевъ земель, и потому Семенъ день превращенъ простолюдинами въ бабье лѣто. — Нѣкоторые думаютъ, что сентябрь мѣсяцъ прослылъ въ простонародіи бабьимъ лѣтомъ, со временъ Петра I., измѣнившяго лѣтосчисленіе, которое велось прежде съ сентября 1., со дни преподобнаго Симеона перваго столпника. Эта догадка ни на чѣмъ не основана. Бабье лѣто существовало до временъ Петра I., и оно теряется въ глубокой древности. Германцы знали его, въ самое отдаленное время, подъ именемъ *мариининской пряжи* (*Mariengarn*), *мариининскихъ нитей* (*Marienfäden*) и *старого бабьего лѣта* (*Alter Weiber-Sommer*). — Въ это время видно на небѣ созвѣздіе бабы, расположенное изъ семи соединенныхъ вмѣстѣ звѣздъ, какъ бы утичье гнѣздо и называемое въ астрономіи Плеяды, посему нѣкоторые стали производить бабье лѣто отъ созвѣдія бабы; но и это не

правильно. Намъ извѣстно, что до перемѣны у насъ лѣтосчисленія, называлось это время *Симеономъ лѣтопроводцемъ*. Славянскія племена, искони любя полевые работы, оканчивали ихъ въ эту пору; женщины дружно принимались за собственные свои работы: онѣ мочили конопель и ленъ, сушили, трепали, ткали, сучили нитки, веревки и проч. Эти занятія, свойственныя женскому полу, всегда именовались бабьими работами и бабьими трудами, а самое время, которое бывало какъ нарочно теплое и какъ бы возвращало еще лѣто, совпадало съ бабскими трудами, и потому обратилось въ названіе *бабьяго лѣта*. —

Бабье лѣто продолжается одну недѣлю: оно начинается въ иныхъ мѣстахъ съ 1 сентября, а въ другихъ съ 8 сентября, съ Рождества Богородицы, какъ у Чеховъ, гдѣ оно называется *Семена панна Марія*, у карпатскихъ Славянъ *бабьинъ морозъ*. — Тамъ поется преданіе, что морозъ заморозилъ на полоныиѣ (на Альпахъ) бабу чародѣйку. Это намекъ на статуи тѣхъ каменныхъ бабъ, которыя становились долгое время и въ христіанство, на карпатскихъ дорогахъ.

Въ Польшѣ подъ именемъ бабьяго лѣта разумѣютъ продолжительную, теплую погоду, — тоже самое что бабье лѣто; въ Малороссіи и Литвѣ, оно называется *бабыно лѣто*. —

Семени
день. Въ прѣстонародіи и въ отечественныхъ лѣтописяхъ, первое сентября извѣстно подъ именемъ *Семенова дня*, *Семенъ день* и *дни Семена*. Въ церковныхъ праздникахъ называется еще этотъ день *Семенъ лѣтопроводецъ*, по случаю празднества преподобнаго отца Симеона перваго столпника, и по прежнему исчисленію года, коимъ оканчивалось тогда лѣто и начинался новый годъ — Праздникъ Симеона перваго столпника, уставленъ на первомъ никейскомъ соборѣ (въ 325 г.)

Время отъ 1 до 8 сентября называется *семиною медвѣлю*. Если погода стоитъ теплая, въ продолженіи семи дней, то говорятъ обыкновенно, въ насмѣшку: вотъ и бабье лѣто! Это лѣто часто долго сопровождается зеленью луговъ, и самыя листья деревьевъ, цвѣтовъ и прочихъ растѣній, не скоро вянутъ и кажется зеленѣютъ. Простолюдины тогда замѣчаютъ, что если пауки сплутъ паутину и запутываются, то предвѣщаютъ тихую осень и зиму непостоянную. Иди, если домашнія птицы щиплютъ траву на поляхъ, а перелетныя не улетаютъ; то вѣрный знакъ теплой зимы. Примѣчанія поселянъ измѣняются, по мѣстному расположенію страны. На сѣверѣ, гдѣ природа суровая и самое лѣто скорѣе проходящее, бабье лѣто не продолжительное. — Однако бываетъ, что оно при всемъ непостоянствѣ, на примѣръ, петербургскаго кннмата, продолжается около трехъ недѣль. — Холода сентябрскіе, пасмурная погода и частые дожди, имѣя вліяніе на расположеніе духа людей, измѣняютъ ихъ веселость и здоровье. — Каждый смотритъ на умирающую природу съ душевнымъ волненіемъ, потому что все вокругъ его сохнетъ и погибаетъ. *Ненастный и безжизненный сентябрь, дѣлаетъ почти каждого угрюмымъ и задумчивымъ, сердитымъ и вѣчнымъ, потому вошло говорить въ обычай: онъ смотритъ сентябремъ, на него нашла сентябрская хандра; онъ угрюмъ, какъ сентябрь; у него сентябрскія думы.*

Есть обычай, что подъ Семень день въ деревняхъ гасятъ вечеромъ огонь въ избахъ, и не держатъ его въ эту ночь. — На утро раздуваютъ новый огонь захаряи и знахарьки, съ особыми приговорами. Со времени Семена дня, повсемѣстныя сельскія работы называются бабьими. Къ этому названію способствовало самое время: ни холодное, ни теплое, которое какъ нарочно выгоняетъ женщинъ изъ избъ, чтобы работать на открытомъ воз-

духъ.—Тамъ онѣ мнутъ и треплютъ пеньку, моютъ и сушатъ ленъ, шрадуть и спуютъ холостъ. Если дѣвушка затыкаетъ красна въ Семенъ день, то она замѣчаетъ, какъ ложатся нитки: если прямо, то у нее будетъ хороший мужъ: если не ровно, то негодный. — На женскія работы стекаются молодые люди, чтобы имъ помочь, и помогаютъ преимущественно молодымъ и красивымъ дѣвушкамъ. — Въ вечеру начинаются посидѣлки, и тутъ просиживаютъ за работами до первыхъ пѣтуховъ. Въ первые посидѣлочные дни, угощаютъ разными кушаньями и пивомъ; въ Малороссіи гречашками и вулицемъ съ саломъ.

Пиво варить.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до нынѣ сохранилась есская игра съ хорОВОДОМЪ, подъ именемъ *пиво варить*. Эта игра взята изъ обыкновенія варить пиво къ бабѣму лѣту. Молодыя женщины выходятъ съ брагою къ воротамъ, за коими давно тѣснится толпа праздничныхъ поселянъ, и угощаютъ ихъ: напередъ старыхъ, потомъ молодыхъ, а послѣ дѣвушки начинаютъ хорОВОДЪ пива варить. Составивъ кругъ, дѣвушки ходятъ и поютъ съ насмѣшливыми движеніями. Дѣйствіями рукъ, плечъ и всего тѣла, онѣ обнаруживаютъ съ наирѣшимъ состояніемъ пьянаго, которое явно указываетъ на разгульную жизнь мужика, обращающаго каждый случай въ бражничество. Поясненіе этого находится въ самой пѣснѣ:

Ай на горѣ мы пиво варили,
Ладо мое, ладо, пиво варили!
Мы съ этого пива всеъ вокругъ соберемся,
Ладо мое, ладо, всеъ вокругъ соберемся!
Мы съ этого пива всеъ разоидемся,
Ладо мое, ладо, всеъ разоидемся!
Мы съ этого пива всеъ присядемъ,
Ладо мое, ладо, всеъ присядемъ!

Мы съ этаго пива снать ляжемъ!

Ладо мое, ладо, снать ляжемъ!

Мы съ этаго пива опять встанемъ,

Ладо мое, ладо, опять встанемъ!

Мы съ этаго пива все въ ладоши ударимъ!

Ладо мое, ладо, въ ладоши ударимъ!

Мы съ этаго пива все перепьемся,

Ладо мое, ладо, все перепьемся!

Теперь съ этаго пива все передеремся,

Ладо мое, ладо, все передеремся!

По окончаніи хоровода, женщины приносятъ кувшины браги, и угощаютъ дѣвушекъ. —

Въ Малороссіи существуютъ подобныя этому обычаи: тамъ равномерно варятъ брагу, дѣвушки гуляютъ на зеленомъ лугѣ, играютъ въ хороводы и поютъ пѣсни; сообразно игрѣ. Пѣснь поется также самая. —

Въ югозападной и сѣверовосточной полосѣ Россіи, Похороны мухъ и изгнаніе таракановъ. существуютъ похороны мухъ. Съ Семена дня или *Семена лтопроводца*, насѣкомыя начинаютъ исчезать. —

Увеличивающееся холодное время, производитъ тогда мѣръ на блохъ, прусаковъ, таракановъ и мухъ. Простой народъ зная, что съ этого времени насѣкомыя и многія животныя замираютъ на зиму, погребаютъ заранѣе мухъ съ шуточными обрядами. — Нарядныя дѣвушки дѣлаютъ гробы изъ кавуновъ или тыквъ, огурцовъ, рѣдьки и рѣпы; укладываютъ сюда мухъ, съ притворнымъ воплемъ, и несутъ къ выкопанной могилѣ. — Другой обычай, не менѣе странный, есть изгнаніе таракановъ во время заговѣнъ, предъ Филиповымъ постомъ. — Все находящіяся въ избѣ должны, побравшись за руки и зажавъ ротъ, тянуть за ногу изъ избы, привязаннаго къ ниточкѣ таракана, черезъ весь дворъ на улицу. Между тѣмъ одна изъ женщинъ, стоящая съ растрепанными волосами подъ окномъ, стучитъ и спрашиваетъ: *тѣмъ вы*

заговяетесь? — Говядиною. — А тараканъ чѣмъ? — Тараканъ тараканами, — Это ужъ произносятъ тогда, какъ вытаскать его изъ избы. Этимъ оканчивается изгнание, и тогда думаютъ, что тараканы не появляются болѣе. (*)

Въ это заговѣнье дѣвушки загадываютъ о суженыхъ. Во время ужина онѣ оставляютъ кусокъ говядины, чтобы никто не видѣлъ и не зналъ ихъ намѣренія; потомъ, ложась спать, кладутъ его себѣ подъ изголовье, приговаривая: суженый, ряженый, приди ко мнѣ заговѣться. — Это повторяется три раза. На другой день хвалится каждая подруга, что видѣла будущаго своего, — такого хорошенькаго! точно онъ мой женихъ! —

Семень день; превращенный въ бабье лѣто, не есть народный праздникъ, а мѣстный обычай угощенія по окончаніи полевыхъ работъ, которыя, какъ извѣстно, не вездѣ окончиваются въ одно время, потому что все это зависитъ объ обыкновеніи и положенія страны. За всѣмъ тѣмъ, бабье лѣто извѣстно по всей Европѣ.

(*) У старовѣровъ и другихъ суевѣровъ, считается за грѣхъ изгонять таракановъ, и размноженіе ихъ принимаютъ за Божье благословеніе. Некоторые еще кормятъ ихъ, сберегая подъ ваникомъ въ печуркѣ или подъ печью.

XI.

БРАТЧИНЫ.

Мірскія сходки въ древнее время, были въ большомъ обыкновеніи. На нихъ рѣшались семейныя и частныя дѣла, и весьма часто однимъ сходомъ, по братски. Послѣ примиреній предлагались взаимныя угощенія, обратившіяся въ послѣдствіи какъ бы въ особое празднество, извѣстное подъ именемъ братчинъ, братовщины и братовщинокъ. Тутъ прекращались навсегда сельскіе раздоры, водворялось дружество, миролюбіе и побратство. Время однако измѣнило значеніе братчинъ, преобразовавъ его въ народное празднество, и эта перемѣна произошла послѣ введенія повсемѣстныхъ судовъ и сельской расправы. Тогда сельскія старшины, головы и старосты, совывали свой міръ, изъ одной обязанности, но по окончаніи дѣла, старые люди не покидали старинного обычая гостепрѣимства: приглашали другъ друга на хлѣбъ — соль и чарку вина. Такимъ образомъ братчины сами по себѣ, малу по малу измѣнялись, и народъ сталъ сходиться только въ извѣстные праздники, для однихъ пирушекъ, кои составлялись изъ дружелюбной складчины. Въ другихъ мѣстахъ тогда варили пиво, на собранныя деньги, и готовили кушанье. —

Значеніе братчинъ.

Михай-
ловская
и Ни-
коль-
ская
братчи-
ны.

Главныхъ братчинъ суть двѣ: михайловская и никольская; первая въ честь архистратига Михаила (сентября 6), а вторая въ честь св. Николы зимняго (декабря 6). Въ эти два дни поселяне ставятъ общимъ миромъ въ церквѣ большую свѣчу и служатъ молебенъ о ниспосланіи на нихъ всякихъ благъ. Послѣ угощаютъ на свой счетъ поселянъ изъ своего околка; остатки отъ стола рздаютъ нищимъ; хлѣбныя крохи бросаютъ на воздухъ, чтобы нечистые духи не портили ни деревьевъ, ни полей. — По многимъ городамъ, деревнямъ и селамъ, зажиточные люди дѣлаютъ складчину, изъ благоволенія къ празднику какого нибудь святаго, или такого угольника, который причтается покровителемъ дѣлой деревни, или во имя того праведника, въ честь своего выстроена церковь, по какому нибудь чудесному событію. Такойъ обычай общеупотребителенъ и въ римско-католической церквѣ. Тамъ, какъ и у насъ, управляютъ молебны и взаимно угощаютъ. Въ юго-западной Россіи и въ большей части сѣверо-восточной, празднуютъ еще братчину по случаю заложенія или оконченія церкви. Тогда прихожане отправляютъ братчину съ особой веселостію; со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ съѣзжаются къ нимъ на праздникъ: тутъ проводятъ время въ забавахъ и играхъ. Къ тому празднуютъ обыкновенно подъ открытымъ небомъ, близъ церкви, а зимою въ домѣ священника или церковнослужителя.

Домашнее или семейное празднество, называемое новосельемъ, по случаю перехода на жилье въ новую домъ, также доставляетъ соседямъ случай попраздновать. Соседи съходятся къ хозяину, поздравляютъ его съ новосельемъ и приносятъ хлѣбъ-соль. Ни одинъ изъ Русскихъ не переходитъ въ новой домъ, не освятивъ его. Тутъ соблюдаются нѣкоторыя дѣйствія: по угламъ комнаты вбиваютъ бумажки, съ написаннымъ заклинаніемъ; чи-

туют молитвы на изгнаніе нечистыхъ духовъ, и потомъ окропляютъ комнаты священной водою. (*)

Въ старые годы было даже обязанностію, чтобы ѣздить на братчины: это происходило изъ уваженія къ храмовому празднику. Пирьы были тогда столь частыя и столь разорительныя, что особыми грамотами запрещалось ѣздить на пирьы, братчины и свадьбы, всѣмъ же званымъ. (**)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, такое разгулье Кочевъ. называется конономъ. Въ это время тамъ было разнашное море для веселія: варенуха, брага, пиво и крѣпкіе меды, не сходили со столовъ, — и присудствовали при одношъкономѣ. Послѣ совершенія службы, — это было лѣтомъ, — приходжаше чивно уѣлись за приготовленными столами, подъ деревьями благоухающими; священникъ, благословивъ кушанье, поздравлялъ гостей съ праздникомъ, и потомъ пилъ чарку водки, которую подаетъ ему староста, распорядившійся общимъ выромъ, а также чарка обходила всѣхъ кругомъ. Подали пироги и палатники со сметаной, за тѣмъ горячее кушанье.

(*) При заложении дома кладеть хозяйнѣ по четыремъ угламъ основныхъ бревенъ, по куску хлѣба, и оставляетъ тамъ на всю ночь. На другой день смотритъ: цѣлы ли положенные куски? Если пропадетъ какой либо кусекъ, то полагають, что это мѣсто несчастливое, потому передвигаютъ бревна въ другую сторону. — Поселанинъ основываетъ свое благосостояніе на кускѣ хлѣба, потому продажа хлѣба, даетъ ему поводъ заключить, что при заложении избы на такомъ мѣстѣ, явное для него несчастіе. — Онъ не рѣшается еще строить и на томъ мѣстѣ, гдѣ пролегла дорога: тутъ, по его мнѣнію, шатался дьяволъ. — Дерево сломенное бурей, не употребляетъ при постройке, вѣря, что дьяволъ поднимаетъ бурю.

(**) Истор. русск. іерархіи т. 1.

Священнику подавали прежде всего, за нимъ по старшинству остальнымъ. — Угощеніе состояло изъ разныхъ сытныхъ блюдъ; во время куманья шли, кто что хотѣлъ. Послѣ обѣда молодья женщины, дѣвушки и парни занялись играми и хороводами. — Прочіе веселились плясками и пѣніемъ. —

Ссыпчинъ, коровый день, никольщина и холки.

Съ братчинами имѣютъ больше сходства ссыпчинны, юровый день, никольщина и холки. Всѣ они служатъ предметомъ для народныхъ увеселеній: сельскія сходбища и забавы, составляемыя по предварительному соглашенію зажиточныхъ семействъ, происходятъ по случаю какого нибудь деревенскаго праздника. Пиво и вино, пироги съ яйцами и кашею, суть главное куманье. — Не одинъ мужескій, но и женекій полъ принимаетъ участіе въ веселіи, которое продолжается за полночь.

Во время ссыпчинъ являются часто скоморохи, а гости, развеселенные чаркою вина, просятъ другъ другу убытки, нанесенныя имъ въ продолженіи лѣтнихъ работъ, какъ то: потравы хлѣба и травы, закосъ въ чужихъ лугахъ и т. п. — Молодки, дувушки и парни, пускаются въ присядку и поютъ пѣсни, какія вздумаютъ, какъ на примѣръ:

Во миру была во бѣдушкѣ,
 Я не медь пила, я не полнице;
 А пила, пила сладку водочку.
 Я не чарочкой, не стаканчикомъ;
 Я пила, пила сполна ведра.
 Я домой пошла не шаталася,
 Ко двору пришла пошатнулася,
 За верюшку схватилася.
 Веря моя, ты дубовая!

Поддержи меня бабу пьяную,
Бабу пьяную, шельму хмельную.

Въ это время развеселившіеся гости, поднимають чарки и провозглашаютъ:

За здоровье того,
Кто любитъ кого;
На погибель тому,
Кто завидуетъ кому!

Или, взявъ чарку, припѣваютъ :

Чарочка моя серебряная!
Да кому-жъ чару пить?
Да кому-жъ наливать?
Наливать чару да Иванушкѣ, (*)
Выпивать чару да Зиновьичу.

Царюющие, разгорячаясь виномъ болѣе и болѣе, употребляютъ часто выраженія довольно нескромныя, отъ коихъ какъ говорится, уши вянутъ.—Конецъ пиროванья ссызницы или братчанья, иногда бываетъ притичною есортъ и новыхъ пооекъ на мировую.—Юровый день, получившій свое названіе отъ праздника св. Георгія, празднуется сибирскими рыболовами послѣ счастливаго улова рыбы. — Никольщина же есть общій веселый русскій праздникъ, совершается въ день Св. Николая (мая 9). Люди собираются къ храмовому празднику Николая, если въ деревни есть церковь во имя Св. Николая, и послѣ службы паруютъ. Гдѣ нѣтъ церкви во имя св.

(*) Называютъ по имени того, кому наливать и кому пить.

Николая, тамъ отпѣваютъ молодежь въ обществѣнной приходской, заступнику Николаю, и потомъ предаются общему радостному разгулу. Никольщина была, въ прежніе годы, срочнымъ днемъ для дѣлокъ, платежей и повинностей. — По хорошему и безоблачному дню Св. Николая, судятъ о благопріятной осенѣ. — Холки, забавы однѣхъ дѣвушекъ, составляютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сельскія угошенія. — Холки конечно происходятъ отъ *холить*, — нѣжить, ласкать, потому что дѣвушки, рѣзаясь въ своихъ холкахъ, высматриваютъ жениховъ, коихъ не перестаютъ съ тѣхъ поръ ласкать, и стараются нравиться имъ. — Въ казанской губерніи холки составляютъ увеселеніе; они начинаются съ половины сентября и продолжаются до самой сырой недѣли. Первые холки бывають по снятіи шерсти съ овецъ. Бѣдные, нуждающіеся въ шерсти, варятъ пиво и созываютъ сосѣдей на холку; каждый приглашенный, долженъ непременно принести съ собою сколько нибудь шерсти. Потомъ, чрезъ нѣсколько времени, созываютъ мать и трепать лезъ и пеньку; потомъ прють, и всякій разъ приглашаемые приносятъ съ собою лезъ и коношалъ. Многие бѣдные созываютъ единственно сосѣдей для того, чтобы они помогли имъ отъ своего избытка; богатые охотно принимаютъ приглашеніе, имѣя здѣсь случай повеселиться. Сюда сходятся молодые обою пола, и шурьдко, на сѣмыхъ холкахъ, происходятъ любовныя изъясненія, которыя на посидѣлкахъ заканчиваются между молодыми тайнымъ створорень.

Посидѣлки.

Нѣтъ уголка на всѣмъ мѣрѣ, чтобы не происходила по вечерамъ собранія молодыхъ людей, состояща въ приятномъ бесѣдованіи съ любимыми особами, и эти собранія извѣстны у нашего народа подъ именемъ *посидѣлокъ, бесѣдъ и досвитоковъ*. По окончаніи полевыхъ работъ, наступаютъ темные и продолжительныя вечера. — То-

гда: съездили молодья дѣвушки и женщины, чтобы поговорить между собою кой-о чемъ, или идуть другъ къ другу съ дѣтьми, вряжско и вьянъамъ, чтобы работать окатѣе. Въ прежніе годы, это было въ обычаи, даже между боярынями и боярышцами. Незнатные и не богатые, купеческое сословіе и простые, собирались на посидѣлки, по зову своихъ пріятелей, но и тутъ соблюдалось въ которое обрядное приличіе; женщина позыватка ходила скликать молодыхъ дѣвушекъ, чтобы посидѣть вечеромъ, отсюда произошло названіе посидѣлокъ. — Однако молодыхъ людей обоого пола не стѣсняли приходять на вечеръ, но одному приглашенію; не приглашаемые такъ же проводили весело, какъ и тѣ, которые были приглашаемы особо. Дѣвушки не долго занимались своей работою, ибо онѣ увлекались разказами, близкими ихъ сердцу: потомъ нечувствительно переходили къ играмъ, пѣнію и пляскѣ.

Молодые люди пользовались на посидѣлкахъ пріятнымъ случаемъ — свободно сидѣть подлѣ своей милой, говорить съ нею и перешептываться о своей любви; жали другъ другу руки и давали обѣщаніе видѣться почаще. Ихъ свиданія большей частью оканчивались свадьбою, которыя на Руси всего болѣе совершаются послѣ осени. — Посидѣлки у зажиточныхъ сопровождалась закусками и пивомъ. Иногда онѣ происходили въ особо нанятомъ домѣ, гдѣ угощеніе дѣлалось на счетъ скадчины. — Строгіе родители не всегда позволяли своимъ дочерямъ посѣщать таковыя собранія, потому что съ ними распространялась худая молва и безславіе о девической добродѣтели. Посидѣлки не продолжались далѣе полуночи. Мужчины провожали своихъ дѣвушекъ домой и разставались съ ними до перваго радостнаго свиданія. Нынешнія посидѣлки совершаются такъ же, какъ и въ старину. Дѣвушки собираются въ назначенную

нимъ нѣбу, и тамъ сидятъ за работою: онѣ прядутъ ленъ, псковъ, конопель и шерсть.

Пряхи, сидя за мочкою, рассказываютъ про домашнія дѣла, толкуютъ про своихъ парней и сѣются, и тутъ же запѣваютъ :

Пряди моя пряха,
Пряди, не лѣнися. (*)
Я рада бы пряла,
Меня во гости звали
Къ сосѣду во бесѣду,
На пиръ пировати:
Пива, меду пити,
Вина зеленого.
А я молоденька,
Не пью никакого,
Окромя простого.

Зеленая рожа,
Всю ночь прошумѣла;
А я бѣдная Дуниша,
Всю ночь просидѣла,
Къ себѣ мила друга ждала.
Приѣхали трое,
На вороныхъ коняхъ ;
Шапка со углами,
Головка съ кудрями.

(*) У простолюдиновъ есть поговорка : *только прасть, долго оседать*, это значить, что работа, производимая съ отчетливою, требуетъ терпѣнія; что не много выработать, но хорошо, — хотя долго ждать, вознаграждаетъ трудъ; что тонкая пражка, хотя ее дожидаться долго, несравненно прибыльнѣе.

Съ начала вечера до ужина, всѣ занимаются усердно, чтобы въ ужинѣ показать своей матушкѣ, какъ много наработали. Но часа два послѣ ужина, пропадаетъ вся охота къ работѣ:

Сядешь христь,
Донце христь,
Мочки хлопками летать!

Тутъ всѣ бросаютъ работу и начинаютъ между собою игры. Мало по малу появляются къ нимъ парни: съ дудками камышевыми, скрипками и балалайками. Они любезничаютъ съ дѣвушками, напр: *каты Дунька*, тонко прядешь! или: эхъ ты Машка, какъ исхудала! Хотя Машка, — чуть не треснетъ отъ жира. — Любезности продолжаются не долго: появляются наряженные, и тутъ прощай гребни, вертена, мыкольники и донцы! все летитъ подъ лавки. — Наряженные ходятъ по всѣмъ угламъ и ищутъ спрятавшихся отъ нихъ дѣвушекъ. Послѣ начинаются пляски подъ свистъ дудки, скрипки и балалайки, или подъ однѣ пѣсни. — Часто, до начатія плясокъ и игръ, поютъ однѣ пѣсни безъ всякаго разбора, какія прійдутъ въ голову: унылыя и шуточные, плясовыя и протяжныя; вотъ для примѣра:

Вспомни, вспомни, мой любезный!
Мою прежнюю любовь :
Какъ мы съ тобой, мой любезный погуливали,
Осеннія темны ночи просиживали,
Забавныя тайны рѣчи говаривали:
Тебѣ мой дружечекъ не жениться,
Мнѣ за мужъ двѣкъ не втти.
Скоро, скоро, моя любезная передумала ;
Женись, женись, мой милинькій!—я замужъ пойду

Въ чистомъ полѣ, полѣ, при дѣлнѣ
 Стягъ новъ высокъ теремъ;
 Во томъ новомъ теремочкѣ, дѣвушкѣ нѣсемьки нѣмтѣ:
 Знать то, знать то, мою любезную за мужъ отдать.
 Среди двора крыльце стоитъ разкрашеное,
 Съ того крыльца ведутъ къ винну,
 Красну дѣвицу душу.
 Одинъ ведетъ за рученьку, а другому жаль,
 Третій стоитъ, слезы ронить: любилъ да не взялъ!
 Постой, постой, красавица! простишься со мной.
 Я бы рада простишься, женихъ не велить.

Скучно, матушка! голова болить!

Ай люли, люли, голова болить.

• Худо момется, не адоровится;

Ай люли, люли, не адоровится!

Не адоровится, гулять хочется;

Ай люли, люли, гулять хочется!

Я украдуся, нагуляюся;

Ай люли, люли, нагуляюся,

Со милымъ дружкомъ повидаюся.

Ай люли, люли, повидаюся!

Ахъ ты милой мой, милъ сердечный другъ!

Ай люли, люли, милъ сердечный другъ!

Научи меня какъ дохой притти!

Ай люли, люли, какъ дохой притти!

Ахъ глупая, неразумная,

Ай люли, люли, неразумная!

Поди улицей, срой утицей.

Ай люли, люли, срой утицей.

Широкимъ дворомъ бѣлой лебедью.

Ай люли, люли, бѣлой лебедью.

Во высокъ теремъ яснымъ соколомъ.

Ай люли, люли, яснымъ соколомъ!

Твоей высокъ теремъ растворень стоитъ,

Ай люли, люли, растворень стоитъ!

Твой ремень мой мужъ, за столомъ сидеть,
 Ай люли, люли, за столы сидеть!
 За столы сидеть, самъ ломается.
 Ай люли, люли, самъ ломается,
 Надо мной и мной надругается!
 Ай люли, люли, надругается!
 За шлемову пать принимается;
 Ай люли, люли, принимается!
 Шетка свиснула, а я вскрикнула!
 Ай люли, люли, а я вскрикнула!
 Свекору батюшка возмолвлася,
 Ай люли, люли, возмолвлася!
 Свекорь батюшка, отыми меня,
 Ай люли, люли, отыми меня!
 Отъ своего сына, отъ моего мужа,
 Ай люли, люли, отъ моего мужа!
 Свекорь батюшка, велить больше бить;
 Ай люли, люли, велить больше бить!
 Велить больше бить, кожу до пать спустить,
 Ай люли, люли, кожу до пать спустить!
 Кожа волочится, гулять хочется,
 Ай люли, люли, гулять хочется!

Ты дуброва моя, добровушка,
 Ты дуброва моя зеленая!
 Ты къ чему рано зашумела?
 Приклонила ты свои ветви?
 Изъ тебя ли изъ дубровушки,
 Мелки пташечки вонъ вылетали?
 Одна пташечка оставалася,
 Горемычная кукушечка.
 Что кукуеть она и день и ночь,
 Ни на малый часъ ей умолку нтъ!
 Жалобу твердить кукушечка,
 На залетнаго, яснаго сокола:
 Разорилъ онъ ей теплое гнзды,

Разогналъ ся малыхъ дѣтушекъ,
 Малыхъ дѣтушекъ, кукукутужекъ, —
 Что во теремъ сидитъ дѣвица,
 Что во высокѣ сидитъ красная,
 Подъ нослицетымъ подъ окошечкомъ.
 Она плачетъ, какъ рѣка льется;
 Возрыдастъ, что ключи кинять.
 Жалобу творитъ красна дѣвица,
 На завязного молодца :
 Что сманилъ онъ красну дѣвицу!
 Что отъ батюшки, что отъ матушки ;
 И завезъ онъ красну дѣвицу,
 На чужу дальну сторону,
 На чужу дальну незнакомую :
 Что завезши, хотеть покинуть.

Среди пѣсней грустныхъ, вдругъ затѣваютъ пляску. — Плясуньи, стоя одна противу другой, топчутъ ногами въ тактъ музыки; потомъ кружатся въ противоположныя стороны, перемѣняются и снова топчутъ и снова кружатся. Пляска въ смоленской губерніи почти всегда начинается припѣвомъ :

Заиграйте музыки,
 Мои лапти велики;
 Мнѣ татунька сплелъ,
 На святой Покровъ.

Или :

Вотъ такъ чини,
 Какъ я чиню !
 Люби дѣвка по обычаю :
 И поповъ и дяковъ,
 И хорошихъ мужиковъ.
 Вотъ такъ ! разъ,
 Вотъ такъ ! два. —

Или одна плясунья, гордая тѣмъ, что она богаче своей подруги, припѣваетъ:

Пять доль на переди, 2. р.

Другая, хотя бѣднѣе ея, но желая сказать, что и она бываетъ тамъ, гдѣ и богатыя, отвѣчаетъ въ при-
сядку:

А въ три штуки, туда жъ таки (*).

Когда пляшутъ подъ пѣсни, тогда женщины и дѣ-
вушки, ставъ въ кружокъ, поютъ; изъ круга между
тѣмъ отдѣляется одна пара, иногда и двѣ онѣ вмѣстѣ
поютъ и пляшутъ, подъ тактъ пѣнія. Вотъ плясовая:

Ахъ вы сѣни мои, сѣни, сѣни новыя мои!
Сѣни новыя кленовыя, рѣшетчатыя!
Ахъ! какъ мнѣ по васъ, по сѣнюшкамъ, не хаживати,
Мнѣ мила друга за рученьку не хаживати!
Выводила молодца за новыя ворота,
Выпускала сокола изъ праваго рукава.
Ты лети, лети соколъ, высоко и далеко,
И высоко и далеко на родимую сторону,
На родимой на сторонѣ,
Грозень батюшка живетъ,
Онъ грозень сударь, грозень онъ, немилостивый,
Не пускаетъ молодца, куда вечеромъ одну.
Я не слушала отца, потѣшила молодца,
Я за то его потѣшу, что одинъ сынъ у отца:

(*) Это говорится въ три штуки о паневѣ, которую носятъ
дѣвушки и женщины, обернувша себя платкомъ, чѣмъ болѣе
ихъ, тѣмъ богаче считается дѣвушка.

Возуть Ванюшкино, назевдрушени.

Пивоваръ пиво варилъ,

Зелено вино курилъ :

Вы пожалуйте двайце! на пиварию на мою,

На моей ли на новаритъ, пиво пьано на ходу,

Пиво пьано на ходу, а на сладкоць меду. —

Какъ у нашихъ у воротъ, 2.

Люли, люли, у воротъ! 2.

Стоялъ двоекъ хороводъ, 2.

Люли, люли, хороводъ! 2.

Молодушокъ табунокъ, 2.

Люли, люли, табунокъ! 2.

Меня дѣвки кликали, 2.

Люли, люли, кликали! 2.

Молодушки манили, 2.

Люли, люли, манили! 2.

На улицу погулять, 2.

Люли, люли, погулять! 2.

Съ ребятами поиграть, 2.

Люли, люли, поиграть! 2.

Меня свекръ не пустилъ, 2.

Люли, люли, не пустилъ! 2.

Хоть и пустилъ, пригрозилъ, 2.

Люли, люли, пригрозилъ! 2.

Гуделъ сноха, да не долго, 2.

Люли, люли, да не долго! 2.

До перыкъ цѣтуковъ, 2.

Люли, люли, цѣтуковъ! 2.

А я млада до поры, 2.

Люли, люли, до поры! 2.

До утренней до зари, 2.

Люли, люли, до зари! 2.

Лишь верюшка замялась, 2.

Люли, люли, замялась! 2.

А я надея подпалась, 2.
 Люли, люли, подпалась! 2.
 На встречу мне деверекъ, 2.
 Люли, люли, деверекъ! 2.
 Деверешка батюшка, 2.
 Люли, люли, батюшка! 2.
 Проводи меня домой, 2.
 Люли, люли, домой! 2.
 До моего двора, 2.
 Люли, люли, до двора! 2.
 До выгона терена, 2.
 Люли, люли, терена! 2.
 Подхожу я ко двору, 2.
 Люли, люли, ко двору! 2.
 Свекоръ ходить по двору, 2.
 Люли, люли, по двору!
 Повесивши голову, 2.
 Люли, люли, голову! 2.

Переходя отъ рѣзвостей къ новымъ рѣзвостямъ, начинаютъ игривую.

Солнце на закатѣ,
 Время на утратѣ.
 Слы дѣвки на лужокъ
 Гдѣ муравка, гдѣ цвѣтокъ:
 Гдѣ мы съ вечера рѣзвились,
 Въ хорободѣ веселились,
 На пріятной тишинѣ,
 Подъ березкою оди.
 Только слышно голосекъ,
 Раздавался во лѣсомъ.
 Гдѣ красавица милая,
 Свѣтикъ, радость дорогая?
 Гдѣ ты? гдѣ ты? ахъ! ахъ!
 Безъ тебя я здѣсь умру!
 Твой глазикъ меня не видитъ,

Знать оѣхъ мамъ понавѣдѣтъ! .
 Вся двѣушки спохватились,
 И домоу догаронились,
 Свѣтъикъ Машинька дружокъ,
 Тутъ присѣла на дужокъ,
 Со травы дѣтѣ рвала,
 Къ себѣ мѣлаго ждала,
 Не успѣла скласть въ пучекъ,
 Идетъ милый изъ за рѣчки,
 Парень милый, красавчекъ.

Свѣтъикъ Машинька дружокъ,
 Тутъ присѣла на дужокъ,
 Со травы дѣтѣ рвала,
 Къ себѣ мѣлаго ждала,
 Не успѣла скласть въ пучекъ,
 Идетъ милый изъ за рѣчки,
 Парень милый, красавчекъ,
 Свѣтъикъ Машинькинъ друженекъ.
 Подошедши ручки жметъ,
 У Машиньки сердце бьеть!
 Сердце сердцу покорилось,
 Щечки розою покрылись,
 Ужъ любовь какъ одна,
 Намъ природою дана!

У дороднаго добраго молодца,
 Въ три ряда кудри завивалися,
 Во четвертый рядъ по плечамъ нежатъ :
 Не сами кудри завивалися,
 Завивала, красна дѣвица,
 По одному русому волосу,
 Завивши кудри, сама привадувалась :
 Какъ бы я знала, млада вѣдала,
 Про свое горе, про несчастіе,
 Про замужье про бездѣльное;
 Я бы сидѣла вѣкъ во двѣушцахъ,

У родимаго своего батюшки,
 У родимой своей матушки,
 Я бы чессна бунну голову,
 Я бы племя трубчату косу,
 И влетала бы я Ленту алую,
 Ленту алую, плеску краснаго,
 Шелту краснаго шемаханскаго.
 Как бы я знала, млада вьдала,
 Что просваталъ меня, сударь батюшка,
 Не въ любимую во сторонушку,
 Не за прежняго полюбовника,
 Не за лапушку да за милаго,
 А что отдалъ меня батюшка,
 Въ семью не согласную,
 Во верошину не повяргуго.

Ахъ! на горь елочка стоитъ,

Ахъ, мой Божинька! зелена стоитъ.

А подь тою елочкой желнерикъ лежитъ,

Ахъ, мой Божинька! желнерикъ лежитъ.

Надъ тѣмъ надъ желнерикомъ воронъ конь стоитъ,

Ахъ, мой Божинька! воронъ конь стоитъ.

Правиль копыточкомъ земельку свѣчать,

Ахъ, мой Божинька! земельку свѣчать.

Для сладка желнерика воды добывать,

Ахъ, мой Божинька! воды добывать.

Знать же тебе конечекъ, воды не достать,

Ахъ, мой Божинька! воды не достать.

Знать мнѣ желнерику отъ земли не встать,

Ахъ, мой Божинька! отъ земли не встать.

Бѣги, бѣги, коничекъ, лужкомъ бережкомъ.

Ахъ, мой Божинька! лужкомъ бережкомъ.

Лужкомъ, бережкомъ ко моему двору.

Ахъ, мой Божинька! ко моему двору.

Выдетъ къ тебѣ коничекъ, старая паня,

Ахъ, мой Божинька! старая паня.

Старая няня, то мама моя,
 Ахъ, мой Божинька! то мама моя,
 Выйдуть къ тебѣ кончицы, младая няня,
 Ахъ, мой Божинька! младая няня,
 Младая няня, то мама моя,
 Ахъ, мой Божинька! то мама моя,
 Выйдуть къ тебѣ кончицы, млады дашейта,
 Ахъ, мой Божинька! млады дашейта,
 Млады дашейта, то дѣти моя,
 Ахъ, мой Божинька! то дѣти моя,
 Стануть тебѣ кончицы оглаживати,
 Ахъ, мой Божинька! оглаживати,
 Стануть у тебѣ кончицы выспрашивати,
 Ахъ, мой Божинька! выспрашивати,
 Не сказывай кончицы, что набить лежу,
 Ахъ, мой Божинька! что набить лежу,
 А скажи воронинькѣ, что въ полку служу,
 Ахъ, мой Божинька! въ полку служу,
 Что въ полку служу, чину заслужу,
 Ахъ, мой Божинька! чину заслужу,
 Заслужилъ желничникъ подь елочкой смерти,
 Ахъ, мой Божинька! подь елочкой смерти.

Между богатыми дворянами и боярами, были свои обряды. Мать семейства, роженица бабунекъ и нянюшекъ по знакомству домашъ, просила дѣвченокъ посидѣть вечеромъ, преимущественно таковыхъ, которыя славилась богатствомъ и красотой. — И чтобы не уронить чести своего дома, и придать болѣе блеску своей знатности, созывали столько, сколько можно было помѣстить ихъ въ своихъ хоромахъ. Позыдашки съ дѣломъ, высматривали хорошихъ жениховъ: молодыхъ, богатыхъ, белокурыхъ, съ голубыми глазами, съ пушкомъ на бородѣ и кудрявыми волосами. Таковой молодецъ былъ и доломъ въѣхавшій въ сѣль:

на него засматривались и самые скромныя красавицы. — Матери нѣсколько дней сряду сваряжали ихъ въ путь: запрягаютъ рыдванъ въ шесть лошадей, и намотивъ его бѣльемъ, платками, гостиницами изъ сушеныхъ плодовъ, пряниковъ, волошскихъ орѣховъ и вареньевъ на меду, отправлялись на посидѣлки. Хозяйка принимала гостей на крыльцѣ, и вводила въ покои съ честью и поклонами. Послѣ обычныхъ распросовъ: о здоровьѣ, погодѣ, усаживались чинно, и долго ничего не говорили, пока хозяйка не оживляла ихъ крѣпкимъ медомъ. Дѣвухекъ и молодыхъ мужчинъ, угощала навезенными гостиницами, отъ чего часто обижалась хозяйка; но ее успокоивала тѣмъ, что такъ ужъ водится изстари, приговаривая: не мы, мать родная, завели, не нами кончится. —

Званые оставались гостить нѣсколько дней. Это время было пыткой для молодыхъ сердецъ: тутъ ласкали выѣдывали другъ друга и раставались съ взаимной увѣренностію въ любви. Шуточные рассказы, игры затѣйливыя, страстные забавы и скрытныя перешептыванія, облегчали продолжительно мучительныя испытанія. Матушки, высматривъ жениховъ, а женихи невѣсть, благодарили хозяйку за любѣ-солъ и веселое доволство; потомъ размышлялись по домамъ, прося пожаловать къ нимъ откупать клубъ-солъ и отвѣдать сладкаго меда. По прѣздѣ домой, мать съ отцомъ совѣтовались тайно о выборѣ жениховъ, и не спросивъ о согласіи дочери, посылали свахъ съ предложеніями. —

Заведенные Петромъ I. ассамблеи (собранія) были собственно придворныя, но выѣшніе вечера, сопровождаемые танцами и музыкою, вошли въ употребленіе въ царствованіе Императрицы Елизаветы, любительницы вкуса и изящности. Они выѣшляли на всегда старинныя бесѣды, и открыли широкій путь къ

перчѣ, править. Наши еще дѣды любили вспомянуть
 про свои посады, не въ прелубяженія къ нимъ,
 но изъ простоты къ жизни и строгой скромности мо-
 лодыхъ людей. Сохранившіеся носившіе пѣсни,
 могутъ сослужить тому доказательствомъ. Нельзя не
 замѣтить, что нѣкоторые изъ этихъ пѣсенъ, отзыва-
 ются сердечною тоской и безнадежною любовью:

Какъ бы я знала, какъ бы вѣдала,
 Нешринство друга милаго,
 Не любовь друга сердечнаго.
 Не сидела бы по зло вѣтерокъ,
 Я не ждала бы свѣчу воску враго,
 Не ждала бы я друга милаго,
 Не топила бы красна золота,
 Не лила бы золота кольца,
 И не тратила бы золотой казны. —
 Я слала бы себя крилушки,
 Полетѣла бы на иной городъ,
 Чтобъ искать себя друга милаго.
 И я слала бы среди площади,
 И я стала бы кличь кликати.
 Кто бы сталъ со мной советывать,
 Какъ бы мнѣ забыть друга милаго!
 Проклинула бы я разлушкини,
 Что разлукала меня съ милыми дружками,
 Съ милыми дружкомъ, со сердечными.

Или:

Туманно красно солнышко, туманно,
 Что краснаго солнышка не видно!
 Кручинна красна дѣвица, печальна,
 Никто ея кручинушки не знаетъ!
 Ни батюшка, ни матушка, ни родные,
 Ни баба, ни голубушка сестрица.

Печальна, красна, дивна, печальна!

Не может мила друга позабыть.

Ни дивною порою, ни nocturno,

Ни утренней зарею, ни вечерней.

Въ тоскъ своей возгоритъ дивна:

Я въ те поры милого друга забуду,

Когда подломится мой скоры ноги,

Когда опустятся мой былы руки,

Засыплются глаза мой песками,

Закроются былы груди досками.

Посидьлочки: вечера, зареннѣе искри, любви въ ма-
лодыя и неопытныя сердца, были отравой для жизни.
Семейная гордость, разряды и происхожденія звать
внѣхъ родовъ, были весьма часто, какъ и нынѣ, моги-
дою для любящихся.

Въ Бѣлоруссіи вечернія собранія, начинающіяся съ
Покрова, дни и продолжающіяся до Пасхи, называются Супрѣт-
ки и до-
лины.
супрѣтками. Дѣвушки собираются въ взаимную шабу, что-
бы прятать, шить, веселиться и пѣть. Сюда сходятся дѣвч-
ня и высматриваютъ себѣ невѣтъ. Молодые обою пола,
проводятъ время въ пѣніи и играхъ, а дѣвчя угоняютъ
дѣвушечекъ разными лакомствами. Во дождлики же
или весенніе вечера, собираются такъ же дѣвчя и дѣв-
чушки и проводятъ время уже не въ душной шабѣ, но
подъ открытымъ небомъ. Тутъ никакой не занимаютъ
ся работою, но одгѣми забавами и играми, пѣніемъ
пѣсней и пляскою подъ музыку. На дождлики верѣтко
собираются пожилые, чтобы долюбоваться юной рѣв-
ностію; молодыя женщины приходятъ украдкой, что-
бы повеселиться и погоревать о своей неволѣ.

Съ посидьлками совершенно сходствуютъ малороссій-
скіе *доситки*, кои потому такъ названы, что въ это вре-
мя молодые люди проводятъ всю ночь до сѣмня (до
разсвѣта): въ забавахъ, играхъ и пѣніи. Сначала сходятъ

Досит-
ки и ве-
черники

ся дѣвушки въ одну опредѣленную или хату, и въ ожиданіи прихода парубковъ, занимаются прижею, шитьемъ, поютъ пѣсни, которыя служатъ знакомъ, что онѣ давно собрались и сидятъ за работою. Хата бываетъ освѣщена обыкновенными свѣчами или *каганцами*. (*) На досвѣтки приносятъ разныя съ обѣихъ сторонъ лакомства, въ числѣ коихъ любимыя суть: *насымячко*, сушенныя семена изъ гарбузаодъ (тыква), соншеникъ (подошвышеникъ), *калѣвые орѣхи*, маковки, медовыя коржи, масляники, бублики (баранки) и пр. Дѣвчата сначала ничего не хотѣтъ принимать отъ парубковъ, — такъ ужъ по своей привычкѣ. Когда разговорятся и веселость начнетъ одушевлять всѣхъ, тогда онѣ съ удовольствіемъ принимаютъ отъ нихъ лакомства и знакомятся. — Досвѣтки начинаются съ осени и продолжаются до великаго поста.

По наступленіи благоухающей весны, начинаются *вечерницы*, которыя продолжаются до лѣта, и потому возобновляются въ теплые осенніе дни. Названіе *вечерницъ*, происходитъ отъ вечернихъ собраний. Дѣвушки и мужчины собираются около хаты и проводятъ вечера, часто и цѣлую ночь, въ играхъ и забавахъ: бѣгаютъ въ запускъ, играютъ въ жугута, составляютъ хоры, танцуютъ, поютъ подъ скрипку или дудку. — Всѣ молодые принимаютъ участіе въ этихъ увеселеніяхъ, а парубки, избирающіе себѣ невесты, женатятся съ ними (ухаживаютъ за ними). Довольно замѣчательно, что на вечерницахъ молодые обоюго пола,

(*) Глиняныя чашечки съ узкимъ носикомъ; въ нихъ наливаютъ коноплянаго масла и зажигаютъ *ночь* (свѣтильню). Выгорѣвшій каганецъ, опредѣленной величины, поименуется *аромъ* *ночи*.

дѣвурскости, себѣ возможность цѣловать другъ друга, небыть, развѣтыва въ снахъ, вѣнчѣ; и никогда не ходило до безславя. Преступившій правила чести, подвергался изгнанію изъ общества; но нарушившій священные обѣты любви, преслѣдовался всѣми. Горе и той, которая, отдавшись своему милому, сарывала его преступленіе. Грамада (міреков сходбище); если узнавала о появленіи отъ нея на свѣтъ новаго существа; то вызывала виновную мать на *базаръ*, и допрашивала объ имени скрѣпятаго ею отца; потомъ принуждала преступнаго жениться на обольщенной имъ. Если виновная не открывала своего обольстителя, то ей надѣвали на голову, съ шумомъ и насмѣшливымъ крикомъ, хомуть, очипокъ (щецецъ) и обрѣзывали косу, и съ того время она не смѣла появиться въ общество своихъ подругъ, вѣсть съ ними прежнюю дружбу, — она принадлежала ужъ къ *гуллимамъ*. Не многія дѣвуршки переживали свое несчастіе.

Каждая дѣвуршка имѣла на вечерницахъ своего милого, и каждая шла сюда для того, чтобы съ нимъ *пожартовать*; (провести время въ забвѣнхъ), пошѣжить-ся и слышать отъ него сладостныя повторенія въ любви. Кто любилъ свою коханую и потомъ оставлялъ ее, тотъ навлекалъ на себя неукротимый ея гнѣвъ. Мстительная ревность изобрѣтала все способы къ наказанію невѣрнаго. Недовольствуясь его поспрамленіемъ, она часто прибѣгала къ самымъ преступнымъ мѣрамъ: готовила изъ ядовитыхъ растеній отраву и опавала его. — Разказы о такихъ поступкахъ, оправдываются самыми дѣсьями. Ни одна изъ русскихъ пѣсней, въ этомъ родѣ, не отличается такою силой воли, пламенностію и чувствомъ достигнутой реальности, какъ малороссійскія метерія, болѣею частію сочинялись парубками, всѣхъ несчастнаго кобыца на вечерницахъ.

Напѣтъ, или грустившій, зрѣлищаго трогательное
въ началѣе, конецъ: приготовленная смерть. Вотъ
примѣръ:

Не ходи Грыцю на вечерницю,
Во на вечерницяхъ двѣи чаровницы;
Во на вечерницяхъ двѣи чаровницы!
Одна дичина лорцобрыма,
То чаровница справедлива;
То чаровница справедлива! —
Въ недѣлю рано зила копала,
А въ понедѣлокъ перемывала.
А въ понедѣлокъ перемывала!
Прійшовъ вивторокъ, зила зварыла,
Въ середу рано, Грыця отрунла!
Въ середу рано, Грыця отрунла!
Прійшовъ же четвергъ, Грыценько умеръ,
А въ пятницю Грыця поховали,
А въ пятницю Грыця поховали,
А въ субботу отпминаши!
А отпминаши у снѣгъ зацараши!
Щобъ того Грыця не дсенавали!
Въ недѣлю рано маты дочку била!
Но що ты, суко, Грыця отрунла?
На що ты, суко, Грыця отрунла?
Ой маты, маты! жально не має,
Не хай же Грыценько двоухъ не кохае!
Не хай же Грыценько двоухъ не кохае!
Не хай не буде ни той, ни мени:
Не хай догавается сырой земли. —
Отъ се! тоби, Грыцю, я такъ зробила,
Що черезъ тебе мене маты била!
Що черезъ тебе мене маты била!
Отъ се! тоби, Грыцю, такъ зацараши:
За латарыкъ дощель дощель встала!

Въ чоторыхъ дождюхъ темная хата!
 Рано поравеньку знали косяка,
 И того Грыца вспоминали,
 И того Грыца вспоминали!
 Ой Грыцы, Грыцо: преславный мочаче!
 За тобою Грыцю дивчина плаче!
 За тобою Грыцо, дивчина плаче!
 Тая дивка чернобрыва,
 Котора Грыца причаровала.

Тоска дѣвухи по своему милому чернобровому, который не подаетъ никакой о себѣ вѣсточки. Она плачетъ и только ей легче, какъ поплачетъ; она полетѣла бы къ нему, но нѣтъ у нея крыльевъ, а онъ не возвращается. Горюетъ, сохнетъ и умираетъ съ каждымъ часомъ. — Напѣвъ пѣсни чрезвычайно жалобный:

Віють витры, віють буйны,
 Ажъ деревья гнуця!
 Ой якъ болитъ мое сердце,
 Самы слезы льюця.
 Трачу лита въ лютомъ тори,
 И кинця не бачу.
 Тьлько мени и легче стане,
 Якъ тришки поплачу!
 Не помогутъ слезы счастью,
 Сердцю легче буде!
 Кто счастливъ бувъ хоть часочекъ,
 Повикъ не забуде!
 Есть же люди шчо и жонь
 Завидують долѣ!
 Чи счастлива ти былинка,
 Шчо росте у полі?
 Ой у полі на песочку,
 Безъ росы на сонци!

Тяжко жить: безъ милого,
 На чужій сторонѣ,
 Безъ милого доли нема,
 Стане свѣтъ тьмаромъ;
 Безъ милого счастья нема,
 Нема и покою!
 Де ты: чинный, чернобривый?
 Де ты? озовися!
 Якъ безъ тебе я герою, шлю!
 Прійды, подивися.
 Де ного я пригорюся,
 И кто приголубить?
 Коли нема того тутъ,
 Якій мене любить.
 Политла бъ я до тебе,
 Да крылицъ не маю!
 Сохну, чахну я безъ тебе
 Всякій часъ умираю!

Вѣрность двухъ любовниковъ, — веселый напѣвъ:

Дивчино кохана, здорова була!
 Чи ще жъ ты мене не забула?
 Прихавъ до тебе, — Богъ тебе знае!
 Чи твое серденько мене кохае?
 Козаче коханий, чого ты пытаєшь?
 Скорій, козаче, въ могилу буду,
 Нежъ тебе серденько позабуду!
 Спасьбо дивчино, за добре слово,
 А може ты любишь когъ другого?
 Коли правда мовонька твоя,
 Такъ будешъ серденько поаять моя!
 Ты добре те, вицешъ, що я сирота;
 Ни маю я срібра, ни маю золота,
 Опречь томъ любви, що къ тобі я маю.
 Я всимъ убога, — того ни таю!

Не треби менѣ золота, я самъ продаю,
 Треба менѣ дивчины, що я кохаю!
 Ходимо до церкви, зв'яземо руки,
 Нехай у насъ не буде на серци мутн!

Печальные нацѣвы въ слѣдующихъ пѣсняхъ :

Сидить голубь на березы,
 Голубка на вишняхъ.
 Сиди сердце мое правду:
 Що маєшъ на мысли?
 Ой якъ тобі присягала,
 Любиты якъ душу:
 Теперъ мене пом'ядася
 Я плакаты мусу!
 Будь щастливъ зъ того,
 Которую покинешъ;
 А надъ мене жорданской,
 На свити не найдешъ.
 Буду Бога я просити,
 Щобъ ты бувъ щастливый:
 Чи зо мною, чи зъ другою,
 Повикъ менѣ милый!
 Якъ не зхочешъ, сердце мое,
 Вирнымъ бути;
 То дай менѣ таке зилле,
 Щобъ тебе забути!
 Есть у мене таке зилле,
 Близько перелазу;
 Якъ дамъ тобі напитися,
 Забудешъ видъ разу!
 Буду пити черезъ силу,
 Не капли не пущу;
 Хиба тебе забуду,
 Якъ очы заплющу!

Ой ходивъ чумаки у Карась-базаръ,

Та чорною хусточкою голову завивавъ.

Ой ходивъ же вивъ синь лить днѣ Дону,

Та не буде пригодоньки сму на роду.

Стала пригода зъ Дону научи,

У чистимъ поляхъ при дорозѣ волнивъ пасучи.

Ой пасъ, чумаки пасъ, да впасъ и лежить.

Ни хтожъ его же смитає: що у его болить?

Болить у его сердце, голова, —

Сежъ у того чумаченка, що роду не на. —

Прійшовъ до его, товарищъ его,

Бере его за ручешку, жалкує его.

Товарищу мій! жалкуєшь мене.

Берижъ мои воли й вози, поковай мене.

Да скидай кожухъ, надивай жучанъ.

Волимъ мои сириньки, сежъ буде вамъ панъ.

Ой у Києви завонили въ дзвонъ,

Сежъ по тому чумаченку, що ходивъ на Днѣ.

Ой у Києви завонили въ дзвонъ,

Сежъ по тому чумаченку, що реду нема. —

Ой по горамъ синиці лежать,

По долинамъ воды стоять,

А по шляхамъ маки цвітуть.

То не маки цвітуть,

То не маки, а чумаки:

Вони зъ Крыму идуть,

Рыбу везуть. —

Мату сына визнавала,

Та не ванага, — выкликага:

Иди мій сынку до домонокъ!

Змыю тобі головоньку —

«Измый, моя дитинко, сама собі,

«Або мойі рідні сестры. —

«Мене змыють дрибні дожди,

«Розчешуть густы терны,

«Розчешуть густы терна,
 «Розкудрють буйны витры,
 «А рознесуть кости, — чорны вороны.» —

Чи се тая крыниченька,
 Що я воду пивъ?

Чи се тая дивчинонька,
 Що люблю и любивъ?

Ой жаль мене буде,
 Возьмуть люды, —
 Недоля моя!

Чи сежъ тая крыниченька,

Що голуба кумався?

Чи се тая дивчинонька,

Що я женихався?

Ой сежъ тая крыниченька,
 И ключъ и ведро;
 А вже мене дивчинонька,
 Забула диво!

Засыпалась крыниченька,

Золотымъ висконь;

Злюбила дивчинонька,

Зъ другимъ козакомъ. —

Давжежъ мене до той крыниченьки,
 Стежки заросли;
 Давжежъ по мою дивчиноньку,
 Сваты прийшли.

Шумать вербы,

Що надъ той крыницею ростуть;

Да вжежъ мою дивчиноньку,

До керемби ведуть.

Одинъ веде за рученьку,
 Другий за рукавъ;
 Третий стоить,
 Сердце болить:
 Любивъ да не вивъ!

Жалоба молодого казака на долю, что она доселѣ
не указала ему. счастья.

Де ты ходишь, моя доля?

Не докличишься тебе!

Досибъ можно дике поле,

Пригорнуты до себе!

Я тебе ось не влажаю,

До якои то поры?

Все шукаю, да пытаю,

Що ажъ серденько знурывъ!

Чи на мори межъ купцами,

Личишь зъ крамомъ барыши?

Чи въ хоромахъ зъ панянками,

Ты рогочешъ у ночи?

Чи на неби изъ викиньця,

Сучишь дули биднякамъ?

Чи при мысяци, безъ сонця,

Чешешъ ты кудры зиркамъ?

Чи край моря на долини,

Дикымъ макомъ ты цвѣтешъ?

Чи у лузи на калыни,

Ты возулею куешъ?

Ой змилуйся, моя мене!

По край мене хоть присядь;

Хоть постій ты била мене,

То й тому я буду радъ.

Безнадежная любовь:

Надъ ричкою, надъ быстрою,

Спизнався я съ дивчиною. 2 р.

Лучше бъ було не знаться,

Нижъ спизнавшись разстаться;

Лучше бъ було не влюбляця,

Нижъ влюбившись разлюбия!

Свитыть мисяць, та не гріє;

До дивчины сердце ніє.

Шумить, гудеть добровонька,

Плачеть, тужить дивчинонька;

Плачеть, тужить, нарекає,

Свою долю проклинає.

Долежъ моя несчастлива!

На що ты мене спородыла? 2 р.

Ой вы люди, вы сусиды,

Сжалътесь, сжалътесь мой биды! 2.

Що мени зъ того, що всякъ знає,—

Що мене милый покидає! 2.

Абожъ пйду, утоплюся,

Абожъ объ каминь убьюсь. 2.

Нехай будуть люди знаты,

Якъ зъ коханья умираты! 2.

На тимъ боци огонь горыть,

На симъ боци дымно;

Не мажъ мого мыленького,

Комусь буде дивно!

На тимъ боци огонь горыть,

На симъ боци—жарь, жарь;

Не мажъ мого миленького,

Комусь буде — жаль, жаль.

Хылытеса густы лозы,

Видкиль витерь віє;

Дывытеса кари очи,

Видкиль милый вйде.

Хылылыся густы лозы,

Та вжей — пересталы;

Дывылыся кари очи,

Тай плакаты сталы

Плыве шука зъ Кременчука,

Пробытая зъ лука,

Теперь мени мое сердце,

Зъ тобою розлука!

Оа! не шуми дуже великий байраче!
 Не плачь, не журися, молодий коваче!
 Оа як не шумити,
 Коли зелененькід!
 Оа як не любити,
 Коли молоденькід!
 Сусиди близькід, — дороги тяжкід,
 Не велать ходити, — дивчому любити.
 Яжъ дивчину люблю и за себе впажу,
 За себе в пашу, а за ий умру.
 Оа умружъ я мила, а ты будишь жива,
 Не забувай мила, де моя могила;
 А моя могила у тихого моря,
 Де була міжъ нами тихая река.
 А моя могила у синію річку.
 Полягли де жарти, полягли любови.
 Вийдешъ на могилу, та не тужи дуже,
 Скажуть вороженьки, — любились ми дуже.
 Вийдишь на могилу, не кывай румюю,
 Скажуть вороженьки, що я шлюбъ съ тобою.
 Вийдешъ на могилу, та не слыть зовсю.
 Бо сама ты впаешъ, якъ тяжко иидъ нею.

Бывали примѣры, что на вечерницахъ совершались убійства. — Изъ соперничества другъ къ другу, заводили между собою ссоры, означивающіяся смертью одного изъ нихъ. Часто изъ угожденія изъ своей милой, отважный парубокъ гвалтъ другого. Оскорбленіе имени чіего вибудь, неменуемо рандало кровавое мщеніе. — Матери и отцы, строго воспрещали своимъ дочерямъ и сыновьямъ ходить на вечернія сходбища; но онѣ украдкой выходили изъ дома, и возвращались тихо, когда еще спали домашніе. — Вечерницы посѣщали и паньчи (дѣти дворянскія), но казаки, считая себя равными, вели съ ними постоянные раздоры, и по той

причинѣ, что паньчи скорѣе приобрѣтали вниманіе дѣвушекъ. Это самое раздувало между ними пламя взаимной ненависти: составлялись партіи соперниковъ, и взаимное преслѣдованіе оканчивалось смертоубійствомъ, которое до того возросло въ послѣдствіи, что рѣдкая недѣля проходила, чтобы не находили окровавленныхъ труповъ. Полиція принимала свои мѣры, но ей стоило великаго труда достигнуть цѣли своей. Часто случалось, что разбивали полицейскихъ чиновниковъ. — Вечерницы обратились нынѣ въ тихія и дружескія собранія.

На вечерницахъ молодые обоого пола имѣли въ виду высмотрѣть для себя будущаго друга, а потомъ посылали свахъ съ предложеніями, на которыя большею частію отвѣчали согласіемъ. Тѣ же, коихъ желанія не выполнялись, вступались за свою честь и честь дома, и только одно посредничество постороннихъ останавливало мстительное преслѣдованіе. Если посредничество оставалось безъ дѣйствія, то съ нимъ страдало имя дѣвушки и всего дома, и это воспламеняло отчаянное покушеніе на погибель взаимную. Тогда никто не щадилъ другъ друга.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

I. Первое марта	3.
II. Встрѣча весны	5
III. Красная горка	15.
IV. Радуница	27.
V. Запашка	33.
VI. Кукушка	37.
VII. Купало	51.
VIII. Ярило	99.
IX. Обжиги	105.
X. Бабе лето	143.
XI. Братчины	149.

11011.1173 10

11011.1173 10

1	11011.1173 10
2	11011.1173 10
3	11011.1173 10
4	11011.1173 10
5	11011.1173 10
6	11011.1173 10
7	11011.1173 10
8	11011.1173 10
9	11011.1173 10
10	11011.1173 10
11	11011.1173 10
12	11011.1173 10
13	11011.1173 10
14	11011.1173 10
15	11011.1173 10
16	11011.1173 10
17	11011.1173 10
18	11011.1173 10
19	11011.1173 10
20	11011.1173 10
21	11011.1173 10
22	11011.1173 10
23	11011.1173 10
24	11011.1173 10
25	11011.1173 10
26	11011.1173 10
27	11011.1173 10
28	11011.1173 10
29	11011.1173 10
30	11011.1173 10
31	11011.1173 10
32	11011.1173 10
33	11011.1173 10
34	11011.1173 10
35	11011.1173 10
36	11011.1173 10
37	11011.1173 10
38	11011.1173 10
39	11011.1173 10
40	11011.1173 10
41	11011.1173 10
42	11011.1173 10
43	11011.1173 10
44	11011.1173 10
45	11011.1173 10
46	11011.1173 10
47	11011.1173 10
48	11011.1173 10
49	11011.1173 10
50	11011.1173 10
51	11011.1173 10
52	11011.1173 10
53	11011.1173 10
54	11011.1173 10
55	11011.1173 10
56	11011.1173 10
57	11011.1173 10
58	11011.1173 10
59	11011.1173 10
60	11011.1173 10
61	11011.1173 10
62	11011.1173 10
63	11011.1173 10
64	11011.1173 10
65	11011.1173 10
66	11011.1173 10
67	11011.1173 10
68	11011.1173 10
69	11011.1173 10
70	11011.1173 10
71	11011.1173 10
72	11011.1173 10
73	11011.1173 10
74	11011.1173 10
75	11011.1173 10
76	11011.1173 10
77	11011.1173 10
78	11011.1173 10
79	11011.1173 10
80	11011.1173 10
81	11011.1173 10
82	11011.1173 10
83	11011.1173 10
84	11011.1173 10
85	11011.1173 10
86	11011.1173 10
87	11011.1173 10
88	11011.1173 10
89	11011.1173 10
90	11011.1173 10
91	11011.1173 10
92	11011.1173 10
93	11011.1173 10
94	11011.1173 10
95	11011.1173 10
96	11011.1173 10
97	11011.1173 10
98	11011.1173 10
99	11011.1173 10
100	11011.1173 10

ПОГРЪШНОСТИ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Читать.
15.	2.	а съ него	а съ нею
36.	9.	потомъ а	а потомъ
—	24.	молебень	молебень
37.	8.	птице-	птице-
38.	6.	куканѣи	кукуканѣи
—	8.	кукуеть	кукукуеть
41.	2.	кукуеть	кукукуеть
45.	12.	поражало	поражали
—	16.	привысонихъ	привысонихъ
46.	22.	предъ Бога,	къ Богу,
48.	3.	и тотъ	не тотъ,
49.	19.	кукуеть	кукукуеть
62.	4.	я бубу	я буду
75.	22.	дѣвнцы вдовье	дѣвнцы, вдовы
84.	11.	О перва	Ой перва
—	31.	дичина	дичина
87.	6.	вукулами	вукулаками
—	8.	Одѣя яги бабы (*)	Одѣя яги бабы (**)
96.	32.	съ свойственнымъ	съ свойственнымъ
110.	19.	впередѣ всѣ	впередѣ всѣхъ
124.	8.	Мос калникъ	Москаликъ
—	13.	ни зиннае	позиннае.
128.	24.	Грешневые	Грешневья
147.	24.	Нарадныя	Нарадныя
148.	4.	не появляются	не поавлятся
—	17.	оканчиваются	оканчиваются
159.	19.	малу по малу	мало по малу
150.	30.	, поздравлять	, поздравляють
155.	26.	складчны	складчныя
159.	29.	пшашечка	пшашечка
—	31.	кукуеть	кукукуеть
163.	16.	Люли	Люли
173.	5.	Ой Грыцы	Ой Грыцо
175.	1.	Не треба	Не треба
181.	13.	высонтрѣть	высонтрѣть

RETURN CIRCULATION DEPARTMENT
TO → 202 Main Library

LOAN PERIOD 1	2	3
HOME USE		
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

1-month loans may be renewed by calling 642-3405
 6-month loans may be recharged by bringing books to Circulation Desk
 Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

	JAN 25 1991	
FEB 15 1981	AUTO. DISC.	
REC CIR FEB 17 '81	JUL 24 1990	

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
 BERKELEY, CA 94720

FORM NO. DD6, 60m, 3/80

